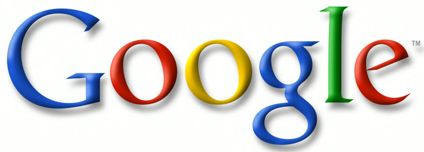


ВѢСТНИКЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

ЯНВАРЬ

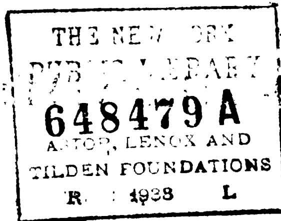
ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМ III.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1864.



Дозволено цензурой. Кіевъ, 4 апрѣля 1864 года.

Ценсоръ Малышевскій.

I.

—

№ 14-й.

—

КЪ ИСТОРІИ ГАЛИЦІИ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Голосъ галиційскаго русина—патріота къ полякамъ, въ 1848 году. (Переводъ съ польскаго.)

(Изъ книги: Die Kirchen—und Staats—Satzungen bezüglich des griechisch—Katholischen Ritus der Ruthenen in Galizien vom Malinowski, изданной во Львовѣ 1864 года.)

Господа поляки!

Что значитъ та свобода, о которой столько говорите? Не оковы ли это, которыя хотите намъ набросить? Спрашиваю, можетъ ли тотъ толковать о свободѣ, кто хочетъ ее лишить другого? И заслуживаетъ ли онъ самъ свободы? Вы говорите, что русины составляютъ исключеніе, потому что русинъ не имѣетъ права желать свободы! Резонно-ли запрещать одному народу то, что, на томъ же основаніи признаете другимъ? Можетъ быть докажете, что природа, только лишь для насъ, русиновъ, сдѣлала это исключеніе? А! говорите, Червоная-Русь—это край, преобладающею силою забранный Казиміромъ.—Мы

согласны съ этимъ, но скажемъ, развѣ насиліе, въ состояніи оправдаться передъ судомъ разума? Что изъ этого происходитъ, это мы вамъ скажемъ: а именно то, что мы, русины, здѣсь на галицкой землѣ, составляемъ первобытный народъ, слѣдовательно, мы хозяева, а вы пришельцы и сами навязавшіеся къ намъ жильцы; и думаемъ, что хозяинъ, вправѣ отказать мѣсто въ своемъ домѣ непокойнымъ жильцамъ, и это мы сдѣлаемъ съ вами, если вы, въ нашемъ собственномъ домѣ, не будете жить спокойно. Это есть дерзость, дошедшая до самой высшей степени, чтобъ недовольствуясь покойнымъ уголкомъ, не только отнимать отъ хозяина первенство, но даже желать отнять у него и его собственный домъ. Мы, русины, были подъ чуждымъ господствомъ— такъ было угодно судьбѣ—народность нашу, какъ прежде, такъ и теперь, вы желали отъ насъ вырвать, но ошиблись, ибо стойкость наша въ этомъ отношеніи тверже скалы, отражающей волны свирѣпаго моря. Какъ бы то ни было однакожъ, мы и польскому правительству были вѣрны, содѣйствовали его видамъ—наши войска храбро сражались въ польскихъ рядахъ, наши ученые распространяли просвѣщеніе, нашъ народъ подчинялся вашимъ законамъ, хотя и неохотно, но постоянно; какую же онъ получилъ награду за все это? Не ту ли, что сдѣлалось стыдно назваться открыто русиномъ? Ваши преслѣдованія сдѣлали то, что всѣ болѣе знатные русины принуждены были отрекаться отъ своей народности, и даже нынѣ, прости Господи, мы должны признаться, что въ вашихъ рядахъ, на что ни одинъ народъ не рѣшится, они стоятъ противъ насъ, какъ самые злѣйшіе враги наши; будучи равнодушными къ народной

къ нимъ ненависти, а служа для васъ орудіемъ, они не разумѣютъ, что вы же сами за это ихъ презираете. И вы то причиной, что они позоръ и для насъ и для васъ. Они не хотятъ знать древней исторіи, что вами мы были во всемъ унижены; права и привиллегія даваемыя намъ вашими мудрыми королями — вами были уничтожаемы,—словомъ, насъ, русиновъ, вы считали людьми, которымъ безнаказанно можно было дѣлать всякія обиды. Перемѣнились времена, и Богъ наказалъ васъ за наши обиды.—Въ 1648 году Хмѣльницкій потрясъ основаніе вашего государства. Ваши же распри довершили остальное--и мы, хотя подпали подъ другое господство, но почувствовали, что еще и надъ русиномъ бодрствуетъ законъ.

Спрашиваю васъ, если бы даже допустить, чего, конечно, никогда не можетъ быть, чтобъ вы были у насъ хозяевами, такъ развѣ хозяинъ,—потерявши свое имущество, слугъ, судьбою подпавшихъ подъ чужое владычество, подъ которымъ горькій ихъ бытъ началъ услаждаться, положимъ и возвратилъ потерянное свое имущество, — имѣетъ право добиваться возврата своихъ прежнихъ слугъ противу ихъ воли? — Вѣдь народы же не суть вещи, ибо имѣютъ право человѣчества. Вы, можетъ быть возразите, что угнетеніе насъ вашими предками дѣла давнихъ временъ!—укажемъ вамъ новые. Господь Богъ одарилъ насъ конституціею—мы видѣли ваши дѣянія, поняли, что вы заботились о томъ, дабы нашу народность, какъ вы нынѣ сами называете безцѣннымъ кладомъ, окончательно уничтожить. Можно ли было о насъ въ $2^1/_2$ милліона русиновъ, слѣдовательно большей части галицкого народонаселенія, забыть въ адресѣ? Скажете на то: да! это сдѣлалось въ

первомъ разгарѣ увлеченія страстей. А развѣ не было у насъ представителей, которые вамъ на это указывали, домогаясь вниманія къ правамъ русскаго народа? Какъ же вы ихъ приняли? Не объявили ли вы имъ, что намъ, даже собственнаго имени своего не желаете признать за нами,—столь дорогого для насъ имени русиновъ? Прочитайте № 2 «Народной вашей газеты» (1848 года). Вы видѣли наше неудовольствіе и посылая въ Вѣну своихъ депутатовъ, дозволили къ нимъ присоединиться и нашимъ двумъ русинамъ, говорю только двумъ изъ 2½ милліоного нашего народонаселенія! Вы имѣли довольно времени къ раздумью! Однако же какъ вы разсудили? Вотъ позволили лишь намъ русинамъ, въ нашихъ приходскихъ школахъ, употреблять свой народный языкъ! Какая милость! Вѣдь же еще предъ введеніемъ конституціи мы имѣли это право и болѣе могли бы получить, если бы не препятствовало къ тому ваше непріязненное вліяніе. Правда, что вы, по видимому, пожелали поправить свою ошибку, вы простили крестьянамъ панщину, но уже поздно и не чистосердечно. Этой, по видимому, милости, они не пожелали принять изъ вашихъ рукъ, потому что вы навсегда потеряли ихъ къ вамъ довѣріе. Безразсудные! вы думали что сіи высшія блага: свобода, народность, могутъ быть куплены земскими благами. Вы простили барщину—но увы, что я говорю? Можно ли назвать прощеніемъ то, что на самомъ дѣлѣ составило только замѣну? Развѣ чрезъ это вы не желали избавиться податей и при томъ вы имѣли еще въ виду и обѣщанное правительствомъ вознагражденіе, о которомъ теперь такъ настойчиво домагаетесь. Впрочемъ откуда же взялась эта барщина? Не изъ того ли развѣ ига, ко-

торое намъ набросили во времена вашего короля Казиміра? развѣ прежде барщина была извѣстна въ нашей землѣ? Нашъ, русскій край, вы взяли силою, поэтому онъ не пересталъ еще быть нашимъ—а введеніе барщины было лишь дальнѣйшимъ продолженіемъ вашей несправедливости. Въ этомъ мы не видимъ ничего великого—такъ какъ самое же правительство хотѣло вознаградить нашу обиду: именно правительство устроило правильную барщину, назначило рабочіе дни, простило сверхъ этихъ сверхъ-рабочіе дни и дальныя подводы, но—и надо было ожидать, что оно довершитъ и остальное. Вы говорите, что правительство протежировало васъ къ нашимъ обидамъ и, поэтому, вы не считаете себя въ томъ виновными. Правда, что оно, заставши такой порядокъ вещей, дозволяло вамъ требовать отъ насъ нашего кроваваго пота,—но развѣ оно дозволяло изтязать насъ? Кто же насъ гналъ на барщину отъ воскресенія до воскресенія, а иногда даже въ наши годовые праздники, вопреки уставамъ правительства? Развѣ русину было когда нибудь опредѣленное время? Онъ долженъ былъ работать на васъ отъ восхода до заката солнца тогда, какъ правительство опредѣлило извѣстное только время работъ; сколько-то разъ ваши нагайки вились надъ головою бѣдного мужика, когда въ тяжкихъ трудахъ для вашего богатства, онъ ослабѣвалъ въ силахъ. Правительство велѣло платить за сверхъ рабочіе дни, и вы намъ платили, но чѣмъ? Нагайками, или если была большая милость, то, въ видахъ увеличенія доходовъ въ пользу вашихъ винокуренныхъ заводовъ, облаготворяли насъ водкою и такимъ образомъ пріучивъ молодежь къ пьянству, предали ее въ руки жидовъ и нищеты. Что же значатъ эти

корчмы вблизи церквей? Что значатъ препятствія при устройствѣ сельскихъ школъ ?Что означаютъ эти слова: «я нехочу чтобъ мужикъ умѣлъ писать, потому что станетъ, пожалуй, вести со мною тяжбу.» Развѣ честный человѣкъ боится тяжбы? Что же значилъ у васъ, шляхты, русскій мѣщанинъ, или русскій чиновникъ, или русскій священникъ?.. Села ваши—были для васъ гаремами... Кричите на бюрократію, но кто же болѣе васъ содѣйствовалъ къ ея злоупотребленіямъ? Кто давалъ для чиновниковъ балы, устраивалъ охоту, кто ихъ надѣлялъ подарками? Поэтому, кто же былъ причиною ихъ порчи? Кто держалъ шпіоновъ, дабы васъ предупреждали, когда бѣдный мужичокъ, кругомъ обиженный вами, осмѣлился принесть жалобу начальству? Ваши палки всегда ожидали его прежде, чемъ онъ возвратится домой. Не засѣдали ли вы на сеймахъ и не имѣли ли поэтому случая возвысить свой голосъ такъ громко, чтобъ вся Вѣна, могла услышать: Государь! Бюрократія сдеморализована, продажна!—такъ или иначе но безпорядки эти слѣдуетъ пресѣчь! Развѣ вы не могли нѣсколько разъ повторить этотъ голосъ и смѣло выступить противъ бюрократіи? Много было и хорошихъ правительственныхъ распоряженій, но кто же какъ не вы сами попрали ихъ ногами? Развѣ судья не лишался мѣста, если строго держался закона? Ропщете, что иностранцевъ замѣщали на должности, тогда, когда многіе изъ вашихъ нуждались въ кускѣ хлѣба. Кто же тому виноватъ какъ не вы сами? Ибо кому же была возможность получить коронную должность—не сыну ли ужъ несчастнаго мужичка или бѣднаго мѣщанина? Нѣтъ однимъ лишь вамъ, какъ людямъ состоятельнымъ, предоставлялась по-

добная возможность—но при всемъ этомъ, здѣсь противустояла для васъ весьма важная помѣха! Ибо кто же по нѣсколько разъ путешествовалъ въ Парижъ и значительные капиталы, выработанные кровавымъ потомъ мужичка, тратилъ тамъ—какъ не зажиточные поляки?—Если бы вы хотѣли какъ слѣдуетъ стараться о коронныя мѣста, то непремѣнно бы въ томъ успѣли, такъ какъ нѣкоторымъ людямъ даже низкаго происхожденія удавалось достигнуть даже самыхъ высшихъ должностей; или не были бы вы въ состояніи этими капиталами вспомоществовать своихъ соотечественниковъ къ полученію должности? Могли ли бы, послѣ этого ненавистные вамъ иностранцы, которые толпою къ намъ лезли, лишить васъ сего преимущества?

Говорите, что вы встрѣчали много препятствій къ развитію языка. Кто же, въ вашихъ палацахъ слышалъ другой языкъ кромѣ того, который отличается такою пріятною гармоніею носа; одна лишь только ваша прислуга говорила по-польски; какъ же за тѣмъ, могли вы покровительствовать нашему нарѣчію, употребляемому когда-то королями и служившему источникомъ вашего говора, когда уже нынѣ собственную свою родную рѣчь, вы такъ безстыдно изгнали изъ своего же круга. Ахъ вельможи! Были же вы истинными отцами народа? Видъ вашихъ имѣній пусть свидѣтельствуетъ противу васъ. Села бѣдныя, мизерныя, хаты дымныя, темныя, тѣсныя, смрадныя, убогія, разрушенныя, улицы грязныя, заборы кривые, валящіеся, мосты дыравые, скотъ ничтожный, мужичокъ изнуренный,—обыкновенно какъ невольникъ вѣчно истязуемый плетью и розгами,—за то богатъ вашъ арендаторъ, за то ваши палацы велико

лѣцны и богаты. И вотъ это то и есть тотъ патріархальный быть, про который вы трубите на весь свѣтъ, вотъ то попеченіе о русинахъ, которымъ вы хвалитесь. А такъ какъ всякая опека бываетъ въ тягость опекунамъ, то мы васъ отъ нее и увольняемъ. Правда, что и здѣсь найдутся исключенія, но какъ же онѣ рѣдки? Такой порядокъ вещей у насъ былъ по нынѣ. Кажется, что разсудку слѣдовало бы взять верхъ—но дѣло не въ томъ—вотъ вамъ новѣйшее, вчерашнее число: русиновъ, начавшихъ носить эмблемы своей народности, вы осмѣлились оскорблять. Ахъ безумные! Вы невидите, что оскорбленный одинъ знакъ нашего льва можетъ воскресить къ жизни тысячи свирѣпыхъ львовъ; посмотрите на Станиславовъ, Жолкевъ, Коломыю, Бржезены и т. д. Хвастаете симпатіею, какую оказываютъ вамъ нѣмцы и французы. О, уже вы ее потеряли черезъ достославныя ваши дѣянія, хотя и не хотите въ этомъ сознаться. Мы болѣе заслуживаемъ ихъ сочувствія и скорѣе можемъ имъ воспользоваться, потому что наше дѣло чистое, справедливое и законное, а девизъ его—миръ. Ваши же дѣлишки такъ хороши, что даже близкій вамъ простой народъ, не хочетъ имѣть съ вами участія! Или вы думаете, что черезъ этихъ русиновъ—отщепенцовъ, поправите ваши дѣла? Нѣтъ! даже, если бы ихъ было нѣсколько тысячъ, они не повредятъ нашимъ стремленіямъ. Мы, русины, желаемъ быть свободнымъ, счастливымъ народомъ, но не подъ вашимъ польскимъ, а подъ скипетромъ австрійскимъ. Хотя вы старались заперетъ предъ нами двери къ просвѣщенію, однако же мы не такъ еще темны, чтобъ не понимали какъ намъ было прежде, какъ теперь и что съ нами было бы, если бы,

Боже сохрани, мы опять подпали подъ ваше владычество. Чѣмъ же виноватъ русинъ, что слѣдуя голосу чувства и разсудка, избираетъ изъ двухъ одно лучшее. Развѣ можно удивляться тому, что послѣ столькихъ, какъ прежде такъ и теперь, испытанныхъ нами отъ васъ бѣдствій, мы не имѣемъ и имѣть не желаемъ малѣйшаго къ вамъ сочувствія и дружбы. Помимо одной славянской крови, вы намъ совершенно чужды, за исключеніемъ развѣ вашего простаго народа, съ которымъ, какъ равно угнетеннымъ, мы охотно хотѣли бы побрататься, хотя по истинѣ, на это его жестокое мщеніе за ваше фараонское обхожденіе съ нами, мы смотримъ съ негодованіемъ и настоящимъ нашимъ поведеніемъ указываемъ ему, чтобъ онъ примѣръ терпѣнія взялъ отъ насъ русиновъ. Разсуждаете о сближеніи, о мирѣ! Смѣшно!—развѣ когда нибудь русскій левъ затронулъ вашего орла. Нѣтъ! но говорилъ вамъ пусть пустой вашъ орелъ не издѣвается надъ спокойнымъ львомъ— мы отъ чистаго сердца васъ предостерегаемъ, не нарушайте легкомысленно нашего покоя, въ противномъ случаѣ нашъ левъ можетъ васъ разтерзать своею сильною лапою. Но быть можетъ причиняемыя вами оскорбленія нашей Радѣ и ея президенту, который по призванію своему защищаетъ наше святое дѣло, доказываютъ примирительныя ваши намѣренія? Но довольно господа! Уже намъ русинамъ, галицкимъ хозяевамъ, весьма надоѣло ваше иго,—однако-жъ вамъ какъ нашимъ жильцамъ, мы не желаемъ дать самое послѣднее мѣсто въ нашемъ домѣ, напротивъ, охотно подѣлимся съ вами нашею, благодаря вамъ, бѣдною избою: будете въ ней наслаждаться вашимъ счастіемъ, если только вы его себѣ снискаете путемъ

разсудка, умѣренности и справедливости, но предостерегаемъ васъ, чтобы вы сами искали примиренія съ нами и лучше бы совмѣстно съ нами старались, дарованную намъ свободу ввести въ жизнь, чѣмъ покушеніями на уничтоженіе нашей народности, навлекать на себя нашу вѣчную вражду.

РѢЧЬ

стараго польскаго крестьянина, произнесенная предъ императрицей Екатериной II.

(Переводъ съ французскаго,—изъ сочиненій Бернардена де-Сенъ-Пьеръ). [1]).

Нѣсколько времени спустя послѣ коронованія Екатерины II-й, когда отъ всѣхъ областей ея собрались депутаты повергнуть къ подножію престола поздравленія, внезапно является предъ императрицей старый польскій крестьянинъ, и, обратясь къ ней, произнесъ слѣдующее:

«Августѣйшая самодержица! Мнѣ сказывали, что твои поданные называютъ тебя своею матерью и прибѣгаютъ къ тебѣ въ своихъ несчастіяхъ.

---

[1]) Въ полномъ собраніи сочиненій Барнардена де-Сенъ-Пьеръ, изданномъ въ Парижѣ въ 1820 году зятемъ его Эме—Мартеномъ (Amé—Martin), въ 4-мъ томѣ, эта рѣчь напечатана подъ заглавіемъ: Le vieux paysan polonais. Бернарденъ до-Сенъ-Пьеръ, прибывъ въ Россію въ царствованіе Екатерины II, опредѣлился въ русскую службу инженеромъ и пользовался особеннымъ покровительствомъ фельдмаршала графа Миниха.

Мнѣ говорили также, что и ты въ своихъ печаляхъ призывала Отца Небеснаго. Онъ, Который одинъ можетъ удовлетворить нужды царей, да будетъ къ тебѣ такъ-же милосердъ, какъ ты милосерда къ твоимъ народамъ.

Хотя я чужестранецъ, хотя я человѣкъ бѣдный, но возложилъ мою надежду на твое благочестіе, которое сближаетъ тебя съ людьми и на твою благотворительность, которая уподобляетъ тебя Божеству! Я оставилъ лѣса, чтобы явиться къ тебѣ. Но великолѣпіе твоихъ чертоговъ смущаетъ меня: этотъ мраморъ, эти золоченныя кровли, эти пурпоровыя занавѣси, звукъ оружій, раздающійся здѣсь подъ сводами, все свидѣтельствуетъ о твоемъ величіи и изумляетъ меня. Старикъ, едва могущій держаться на ногахъ, съ ослабѣвшимъ уже голосомъ, съ отягченнымъ тоскою сердцемъ,—какое я зрѣлище для царей и каковъ представитель народа!

Дщерь Адама! Ты была супругой, ты—мать; не смотря на блескъ, на стражу, покрытую сталью, можетъ быть, превратность судьбы, нещадящей никого, касалась и тебя! О, если ты когда нибудь испытала ее, не презри данныхъ ею уроковъ,—допусти и мнѣ приблизиться къ этому грозному престолу, къ которому наши сосѣди обращаются, прося защиты ихъ нарушеннымъ законамъ, у подножія котораго наши изгнанники просятъ возвращенія имъ почестей и предъ которымъ,наконецъ,два вѣроисповѣданія оспариваютъ другъ у друга обладаніе церквами.

Наши права, если только несчастные имѣютъ ихъ, гораздо древнѣе оливскаго трактата, политика не имѣетъ болѣе достойныхъ уваженія, и самая религія не имѣетъ болѣе священныхъ; я разумѣю—

права природы, о которыхъ два милліона народа вопіютъ къ тебѣ моимъ голосомъ; наша бѣдность столь велика, что ее нельзя уже увеличить, не уничтоживъ насъ самихъ; она столь давняя, что насъ никто уже не жалѣетъ.

Не думай государиня, чтобы я былъ представителемъ такого народа, котораго преслѣдуетъ мщеніе Небесъ; мы не жиды, но христіане и поляки. У насъ есть законы, есть вельможи, судилища, король и духовные пастыри; но лучше было бы, если бы мы не имѣли ихъ вовсе. Этими учрежденіями, можетъ быть, утверждается счастіе другихъ народовъ, а у насъ они изобрѣтены, кажется, для нашего отчаянія. Мы лишены главнаго блага, въ которомъ Небо не отказало даже дикимъ животнымъ, у насъ нѣтъ свободы, и наше рабство таково, что цѣпи его наложены даже на самыя чувства сердца. Мы не смѣемъ предаваться ни супружеской любви, ни родительской нѣжности. Нашимъ сыновьямъ не позволено выбирать себѣ другихъ женъ, кромѣ тѣхъ, которыя не годятся въ наложницы нашимъ господамъ; наши дочери не могутъ имѣть иныхъ мужей, кромѣ тѣхъ, которыхъ господа не сочли достойными быть въ числѣ ихъ дворни.

Всякій годъ похищаютъ у насъ наше юношество, всякій годъ рвутъ у насъ эти цвѣты, чтобъ они завяли.

Подобно голубямъ, въ средѣ которыхъ ястребы произвели опустошеніе, наши дѣти, обманутыя въ своихъ выборахъ, воспрепятствованныя въ сердечныхъ склонностяхъ, растерянныя, возвращаются въ свои хижины, чтобъ тамъ стенать на досугѣ; но они скоро отвлекаются отъ своей горести такими тру-

дами, которые приводятъ въ ужасъ. Съ восхода солнца, мужчины, женщины, дѣти, за одно съ волами запрягаются подъ одно ярмо и подвергаются ударамъ однѣхъ и тѣхъ же плетей. Изнеможенные отъ побоевъ, ругательствъ и усталости, мы возвращаемся въ наши селенія уже ночью.

Ахъ! Для чего ты не можешь видѣть нашихъ мрачныхъ жилищъ, гдѣ бѣдность даетъ одинакій видъ всѣмъ возрастамъ и обоему полу! Принужденные пользоваться только тѣмъ, чего не отняла у насъ жадность нашихъ господъ, мы часто ходимъ искать чего нибудь на днѣ болотъ и въ тростникѣ для нашего пропитанія, или для прикрытія нашего тѣла, наши одежды не имѣютъ ихъ вида, наши яства не имѣютъ названія.

Если природа внушаетъ намъ чувства, общія всѣмъ живымъ существамъ, то никогда онѣ не выражаются нашею радостью. Наша любовь походитъ на похороны, наши хижины—на могилы. Въ нихъ жизнь горитъ, какъ лампада погребальная, и поддерживается, какъ зараза. Наши дѣти родятся посреди самыхъ грязныхъ животныхъ,—бѣдныя, нагія, презрѣнныя,—и не имѣютъ ничего такого, что отличало бы отъ нихъ, кромѣ чувствительности, которая должна сдѣлать ихъ современемъ еще несчастнѣе.

Едва начинаютъ онѣ отвѣчать на наши ласки, едва начинаютъ отирать слезы матерей, какъ ихъ похищаютъ у насъ; играютъ ими, торгуютъ ими и продаютъ ихъ на базарахъ, какъ ягнятъ. Похожія на этихъ кроткихъ животныхъ своею невинностію, онѣ раздѣляли бы и одну съ ними участь, если бы звѣрство нашихъ господъ дошло до того, чтобъ они стали питаться ихъ мясомъ. Безъ сомнѣнія, Богъ

влилъ въ нашу кровь какой нибудь ядъ, что мы, служа къ удовлетворенію всѣхъ ихъ страстей, еще не приносимся въ жертву ихъ лакомству.

Перенесенные въ ихъ дома, мы терпимъ тамъ отъ всѣхъ прихотей ихъ тщеславія, отъ всѣхъ фантазій ихъ роскоши, и наконецъ, отъ ихъ пороковъ, которые могутъ свободно властвовать надъ нами; ибо законы, подчиняютъ господамъ не только наше имущество, но и нашу личность. По этимъ жестокимъ законамъ оцѣнена самая жизнь наша,—всякій кто на столько богатъ, что можетъ купить вола, можетъ безнаказанно убить и отца семейства. Мы всегда чужіе въ этихъ варварскихъ семействахъ; мы испытываемъ все униженіе рабскаго званія, не вкушая его пріятностей. Они намъ отказываютъ во всемъ, даже въ кроватяхъ,—мы спимъ, какъ собаки, на лѣстницахъ и на дворахъ,—мы не находимъ у нихъ ни сострадания, ни снисхожденія; на наши слабости они смотрятъ какъ на преступленія и наши малѣйшіе проступки наказываютъ муками.

Этотъ народъ королей играетъ людьми; на поляхъ мы какъ вьючныя животныя; въ городахъ мы—рабы; на ихъ пирахъ—шуты, а во взаимныхъ ихъ между собою распряхъ—мы ихъ солдаты, ибо они рѣшаютъ битвы нашими руками и въ нашей крови омываютъ свои обиды. Будучи жертвами страстей, не нами возбужденныхъ, мы равно боимся ярости всякихъ пановъ; ссоры ихъ предвѣщаютъ намъ войну, а брачные ихъ союзы даютъ намъ новыхъ тирановъ.

Напрасно они подбавляютъ къ нашей пищѣ маковыя зерна, напрасно хотятъ усыпить въ насъ чувство нашихъ горестей; страданія проникли во все

наше существо, и мы можетъ забыть ихъ, развѣ съ концомъ нашей жизни. Даже вѣра, это благо, утѣшающее среди настоящихъ золъ надеждою на блага вѣчныя, самая вѣра начинаетъ терять силу надъ нашимъ умомъ; намъ говорятъ, что истины, которыя она намъ внушаетъ, переданы отъ апостоловъ нашимъ епископамъ; но воды этого небеснаго источника должны ли протекать нечистыми путями? Эти святители Бога, явившагося на землѣ въ бѣдности, сами живутъ въ дворцахъ; они проповѣдуютъ, что онъ доступенъ всякому, а между тѣмъ народъ не имѣетъ къ нимъ доступа; они проповѣдуютъ о Его щедротахъ, а сами живутъ тѣмъ, что отбираютъ отъ насъ; они говорятъ о Его смиреніи, а сами окружены стражею; говорятъ о Его покорности, а сами затѣваютъ войны. Какъ же вѣрить тому, что возвѣщается людьми развращенными? Кажется, что они изобрѣли будущія награды для нашихъ настоящихъ бѣдствій, съ тѣмъ, чтобы наши добродѣтели обратить въ пользу своихъ пороковъ.

Когда они благоволятъ извиняться, они говорятъ, что законъ остается все тотъже, но вѣкъ теперь другой. Но если законъ былъ данъ для нравовъ прежняго вѣка, зачѣмъ не перемѣнятъ закона, когда перемѣнились нравы? Неужели должно всегда видѣть противорѣчіе между правилами, осуждающими ихъ жизнь, и соблазнами, лишающими уваженія санъ ихъ?

Но безъ сомнѣнія этотъ законъ божественъ, когда онъ поддерживается тѣмъ, что должно бы его разрушать. Дѣла, которыя отъ Бога, получаютъ свое величіе отъ кажущейся слабости, и смыслъ ихъ таится подъ противорѣчіемъ. Роза растетъ, окруженная шипами, и лучшій медъ собираютъ въ дуплахъ дубовъ.

О, святая вѣра! Мы признаемъ твое божественное происхожденіе; мы знаемъ, что нищета и смиреніе суть добродѣтели, достойныя твоихъ храмовъ; но у насъ онѣ не имѣютъ заслуги, ибо онѣ вынужденныя; а еслибъ они были свободны, могло ли бы ихъ излишество нравиться общему Отцу всѣхъ людей? Одобрилъ ли бы Онъ въ религіи своей тѣ бѣдствія, которыя Онъ умѣрилъ въ природѣ? Жизнь есть испытаніе, а не казнь. Если по Его волѣ гремитъ громъ въ то время, когда жатва на поляхъ, то это для того, чтобы изобиліе не упоевало насъ; если Онъ распростеръ наши равнины до сѣверныхъ льдовъ, Онъ вмѣстѣ покрылъ ихъ лѣсами, чтобы мы имѣли дрова для согрѣванія себя. Мы Его дѣти, благость Его одобряетъ насъ, когда Его правосудіе насъ обуздываетъ; всегда вливаетъ Онъ хоть не много сладости въ горькую чашу нашей жизни. Какимъ же окомъ взираетъ Онъ на тѣ бѣдствія, которыхъ Онъ не создалъ: на обращеніе человѣка съ человѣкомъ, какъ съ животнымъ; на мучительства безпрестанныя и страданія невыразимыя? Нѣтъ сомнѣнія, что несчастія, отъ которыхъ вопіетъ Рѣчь посполитая, суть дѣйствія Его правосудія; оно казнитъ ее тѣмъ же орудіемъ, которымъ она насъ такъ долго бичевала.

Шляхта польская! Вы употребляли во зло наше подчиненіе вамъ, а теперь требуете свободы для себя; вы отняли у насъ все наше имущество, а теперь всѣ народы спорятъ между собою о вашихъ областяхъ: шведы, пруссаки, русскіе прогуливаются поочередно по вашимъ владѣніямъ. Когда мы умоляли васъ, чтобы вы сжалились надъ нами, вы отвергли наши мольбы, а теперь вы унижаетесь даже

предъ крестьянами, намъ подобными. Вы ищете убѣжища въ странѣ московитянъ, столь долго презираемыхъ вашею несправедливою гордостію. Небо сдѣлало ихъ защитниками и вашими владыками. Какого здѣсь требуете вы для себя закона, когда вы насиловали самую природу, которая создала насъ равными вамъ; попрали человѣчность, которая требуетъ, чтобы люди взаимно помогали другъ другу, и наконецъ, самую вѣру, которая насъ учитъ любить другъ друга?

О, несчастная земля, гдѣ мечь, который долженъ бы охранять насъ, страшенъ только намъ однимъ; гдѣ тотъ, кто потребляетъ хлѣбъ, поступаетъ жестоко съ тѣмъ, кто его сѣетъ; гдѣ мы дѣлаемся рабами прежде, чѣмъ являемся на свѣтъ, и теряемъ нашу собственность прежде, чѣмъ пользуемся ею! Жиды, столько ненавистные, не такъ жалки, какъ мы; всегда бродяшіе, они уклоняются отъ вашихъ жестокихъ уставовъ, они свободны, не воздѣлываютъ полей, живутъ вашими нуждами, обогащаются вашимъ разореніемъ, и еще ждутъ освободителя, чтобы наказать васъ.

Великая императрица! Положи конецъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ. Мы не твои подданные, но ты— царица; доброе сердце не можетъ быть равнодушно къ страданію другихъ. Простри твое человѣколюбіе такъ далеко, какъ простирается твое могущество; отними у нашихъ властителей ихъ самоуправную власть и своенравную волю. Это ножъ, которымъ они умерщвляютъ насъ и равятъ самихъ себя.

Когда я оставилъ истоки Вислы, чтобы придти сюда, прошелъ часть Польши и все великое княжество Литовское—въ продолженіе двадцати дней

ходьбы — я находилъ крестьянъ вездѣ равно несчастными. Когда я у нихъ спрашивалъ, чѣмъ, по мнѣнію ихъ, можно было бы излѣчить претерпѣваемое ими зло, они отвѣчали: намъ нужны *земли и свобода!* Когда я у нихъ спросилъ, что они тебѣ поднесли бы за эти великія благодѣянія, они ничего не отвѣчали мнѣ на это: ибо у нихъ нѣтъ ничего.

Многочтимая государыня! *земли и свободы:* [1]) вотъ данная мнѣ инструкція, вотъ предметъ нашихъ желаній и условіе счастія! Если это надо купить, удовольствуйся молитвами бѣднаго народа за тебя! Мы не въ состояніи возложить другихъ даровъ на алтарь. Мы будемъ молить Небо, даровавшее тебѣ умъ великаго монарха и чувства доброй царицы, да вознаградитъ тебя уваженіемъ вселенной и любовью твоихъ народовъ. Мы станемъ учить нашихъ малютокъ всякій день произносить имя твое въ своихъ невинныхъ молитвахъ. Всякій день онѣ будутъ благодарить тебя послѣ Бога за хлѣбъ насущный, котораго теперь не имѣютъ. [2]).

Чтобы обезпечить нашу свободу, пусть будетъ намъ позволено выбрать изъ нашей націи покровителя. Между нашими господами найдутся нѣкоторые и сострадательные, великодушные и справедливые. Пусть будетъ намъ позволено и на будущее время ввѣрять наши интересы тому изъ вельможъ, кого мы

---

[1]) Свобода безъ собственности хуже неволи! Вотъ въ какой собственности нуждался страдавшій въ ужасномъ рабствѣ бѣдный простой польскій народъ, и которую онъ получаетъ теперь отъ человѣколюбиваго сердца Русскаго Монарха.

[2]) Предчувствіе оратора сбылось. Эта горячая молитва возносится теперь польскими крестьянами, за Вѣнценосцаго Правнука Екатерины.

будемъ наиболѣе почитать достойнымъ. Лошади короля польскаго имѣютъ своего великаго конюшаго; его собаки и соколы—своего великаго ловчаго; почему же крестьянамъ не имѣть своего заступника при дворѣ, ибо неуже ли мы презрѣннѣй этихъ животныхъ? Я знаю, наши гордые властелины твердятъ всѣмъ о нашей совершенной неспособности, и что въ Польшѣ всѣ ремесла производятся иностранцами. Но какъ же они могутъ требовать отъ насъ ремесла, когда мы приуждены стараться забывать и самыя чувства? Какъ можемъ мы доставлять имъ произведенія искуствъ, когда они научили насъ обходиться безъ всего? Чего они могутъ ожидать отъ народа, покрытаго лохмотьями и живущаго въ лачугахъ? Мы будемъ доставлять имъ портныхъ, только тогда, когда сами будемъ одѣты, и строителей когда сами будемъ жить въ домахъ. Если въ Польшѣ города не имѣютъ торговли, и сама она не имѣетъ защитниковъ, дайте же намъ отечество: тогда мы сдѣлаемся гражданами, чтобы его обогащать, и воинами, чтобы защищать его; но господа наши не обращаютъ вниманія на эти полезные предметы. Они заботятся только о блестящихъ экипажахъ и драгоцѣнныхъ бездѣлкахъ. Они выписываютъ себѣ за большія деньги комедіантовъ и танцоровъ; вотъ что значитъ, по ихъ мнѣнію, служить отечеству и понимать значеніе торговли. Что за торговля! Великая царица! не допускай болѣе, чтобы роскошь богатыхъ народовъ вступала въ эти пустыни; труды наши увеличились бы во столько, во сколько удовольствія нашихъ господъ. Уже и теперь они за тонкій фарфоръ платятъ житовою съ цѣлаго поля, всякій годъ этотъ хлѣбъ, который не достаетъ для нашихъ нуждъ, служитъ для

удовлетворенія какихъ либо фантазій. Что будетъ съ нами, когда они сдѣлаютъ наши рѣки судоходными? Тогда не останется въ мірѣ народа, который бы не присылалъ намъ предметовъ суетности; за нихъ будутъ платить нашими въ потѣ лица трудами, а мы будемъ обязаны кормить весь свѣтъ.

Пусть эти гордые люди сдѣлаютъ насъ счастливыми, и мы будемъ заниматься искуствами, за которыя они платятъ такъ дорого и которыя имъ такъ скоро надоѣдаютъ. Радость сдѣлаетъ изъ насъ музыкантовъ, а любовь—поэтовъ Если они хотятъ зрѣлищъ, мы имъ покажемъ такія, какихъ они никогда не видали: веселый народъ безъ опьяненія; лѣса, оглашаемые хвалебными гимнами и благословеніями; нашихъ дочерей, увѣнчанныхъ цвѣтами въ радостной пляскѣ съ женихами ихъ; старцевъ, плачущихъ отъ счастья своего потомства: небесный праздникъ, достойный Ангеловъ! Въ нашихъ пѣсняхъ мы, вѣрнѣе всякихъ историковъ, передадимъ нашимъ внукамъ сказаніе объ этомъ счастливомъ времени. То, что носимъ въ сердцѣ, переходитъ и въ память. Наши преданія долговѣчнѣе мрамора; мы вспоминаемъ о добромъ королѣ Казимірѣ, а позабываемъ тѣхъ, для которыхъ мы строили замки.

Но какъ смѣлъ я говорить о нашихъ законныхъ желаніяхъ въ этомъ великолѣпномъ дворѣ, гдѣ собраны всѣ искуства? Вотъ правосудіе съ его вѣсами, вовсе отличное отъ нашего, которое имѣетъ только мечь; вотъ изобиліе, сыплющее колосья! Эта женщина, питающая молокомъ дѣтей своихъ, это - сама материнская любовь; а эта статуя, одежда которой покрыта множествомъ ушей и глазъ, имѣющая у ногъ своихъ пѣтуха и скипетръ

въ рукѣ, это—царская неусыпная заботливость. Всѣ эти изваянія добродѣтелей, обогащающихъ государства, раззолочены: одна лишь вѣра не имѣетъ украшеній: она проста какъ по своей внѣшности, такъ и по духу. Она приноситъ листья на дерновомъ жертвенникѣ: даръ достойный Неба, ибо его можно получить безъ преступленія и обладать имъ безъ гордости.

Великая государыня! Здѣсь все повѣдаетъ объ обязанностяхъ царей и добродѣтеляхъ, достойныхъ признательности подданныхъ. Никогда наши грубыя руки не будутъ въ состояніи подражать этимъ образцамъ искуствъ, но если ты предоставишь намъ тѣ блага, которыхъ мы просимъ, то наша привязанность къ тебѣ будетъ больше привязанности твоихъ подданныхъ. Мы соорудимъ твою статую рукою искуснаго художника и поставимъ ее во дворцѣ варшавскомъ; она будетъ достаточнымъ выраженіемъ благоговѣнія къ тебѣ польскаго народа и урокомъ для нашихъ пановъ.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЛИТВѢ.

(*Соч. П. В. Кукольника*).

(Продолженіе.)

ПЕРІОДЪ II.

Отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею до люблинскаго сейма въ 1569 году.

По смерти Людовика Венгерскаго терзаемая безпорядками и смятеніями Польша, увидѣла себя наконецъ безъ короля. На престолѣ ея находилась молодая дочь Людовика, королева Ядвига. Выборъ ея долженствовалъ дать Польшѣ короля. Впрочемъ и этотъ выборъ не зависѣлъ отъ собственной ея воли, а должно было утвердить его согласіемъ народныхъ представителей. Поляки не хотѣли соединиться съ нѣмцами, которыхъ не терпѣли. Зѣмовитъ князь мазовецкій добивался руки Ядвиги, но поляки боялись его жестокости и злодѣяній. Также отринутъ былъ ими Владиславъ князь опольскій, по причинѣ вѣроломнаго поступка его съ Людовикомъ, и пристрастія къ нѣмцамъ. Вильгельмъ австрійскій обрученъ былъ Ядвигѣ въ мамалолѣтствѣ, воспитывался вмѣстѣ съ нею и болѣе всѣхъ былъ ею любимъ; но онъ имѣлъ весьма мало приверженцевъ въ Польшѣ. Вниманіе всѣхъ обращено было на Ягайлу, владѣтеля обширнаго сосѣдственнаго государства, который и русскія юго-западныя области могъ присоединить къ Польшѣ. Не менѣе того въ пользу его говорила благочестивая идея распростране-

нія христіанства между язычниками. Такимъ образомъ существенную нужду въ этомъ соединеніи двухъ государствъ имѣли поляки, а не Ягайло, для котораго могли служить приманками только рука молодой прекрасной государыни и королевская корона. Правда, что Ягайло чувствовалъ недостатки язычества, видѣлъ ослабленіе власти и вліянія жрецовъ и безпрестанно думалъ о соединеніи своего народа узами христіанства съ остальными частями Европы. Но для этого не было надобности вступать въ соединеніе съ Польшею, съ которою народъ его не имѣлъ ничего общаго, и навязывать ему римское исповѣданіе, которое, приводя ему безпрестанно на память рыцарей, возбуждало въ сердцахъ литовцевъ ненависть и ожесточеніе. Несравненно благоразумнѣе было бы идти путемъ предшественниковъ, ограничась однимъ покровительствомъ православнаго исповѣданія, съ которымъ литовцы свыклись, и которое такъ непринужденно и быстро проникало и распространялось по ихъ отечеству. Литва сдѣлалась бы христіанскою безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній, а что еще важнѣе, спаслась бы отъ тѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, кои были слѣдствіемъ продолжительной и ожесточенной борьбы между двумя исповѣданіями, возбужденной и поддерживаемой римскимъ духовенствомъ.

Но жребій Литвы на этотъ разъ былъ брошенъ. Въ 1385 году Ягайло отправилъ посольство въ Краковъ съ предложеніемъ руки своей королевѣ Ядвигѣ. Предложеніе это было принято королевою и всѣми польскими вельможами. Ягайло обѣщалъ принять р. католическую вѣру со всѣмъ своимъ народомъ и соединить оба государства. Онъ обѣщалъ даже болѣе нежели могъ привести въ исполненіе; а именно: обратить все русское населеніе въ великомъ княжествѣ въ латинскую вѣру. Неудивительно, что благочестивой королевѣ и польскимъ сановникамъ было по душѣ такое намѣреніе литовскаго государя; но удивительно то, что монашескій римско-католическій орденъ противупоставилъ ему упорное сопротивленіе. Магистръ Конрадъ Цольнеръ представилъ это обстоятельство западной Европѣ въ видѣ самомъ неблагопріятномъ для христіанства, предсказывая упадокъ его въ самой Польшѣ и гибель католической церкви. Онъ призывалъ со всѣхъ сторонъ рыцарей и ратниковъ подъ знамя креста, для защиты угрожаемой опасностію вѣрѣ, при чемъ не щадилъ обѣщаній и даровъ. Многочисленное войско, прибыв-

шее изъ разныхъ государствъ, собралось въ Кенигсбергѣ 1385 года. Великій магистръ повелъ его къ Ковну.

Не обращая вниманія на запрещеніе и даже угрозы папы, крестоносцы начали опустошительную войну съ Ягайлою. Переправясь черезъ Вилію близь Ковна, они ограбили и опустошили трокскую область, и прошедъ мимо Вильна, приблизились къ Мѣдникамъ. Узнавъ, что Ягайло, Витовтъ и Скиргайло заняли своими войсками всѣ мѣста удобныя къ переправѣ черезъ Вилію они поспѣшно обратились къ Нѣману и найдя близъ Румшишекъ оставленныя ими суда, перебрались на лѣвый берегъ и ушли въ Пруссію, не получивъ никакой пользы отъ своего нашествія.

Освободясь отъ крестоносцевъ, Ягайло въ сопровожденіи Витовта, четырехъ братьевъ и нѣсколькихъ литовскихъ сановниковъ прибылъ въ Краковъ. 12-го февраля 1386 года онъ принялъ второе крещеніе по латинскому обряду. Въ тотъ же день произошло бракосочетаніе его съ Ядвигою, а на четвертый день послѣ крещенія онъ коронованъ какъ польскій король. Въ 1387 году онъ отправился съ женою въ Литву для распространенія въ ней той вѣры, которую самъ исповѣдывалъ. Зная хорошо образъ и наклонности литовцевъ, онъ рѣшился прежде всего убѣдить ихъ въ безсиліи мнимыхъ боговъ. Для этого велѣлъ ниспровергнуть языческие алтари и идоловъ, истреблять священныхъ змѣй и гадовъ, вырубить рощи и распустить жрецовъ. Потомъ собранъ былъ для принятія крещенія народъ, который, видя, что боги не мстятъ за нанесенное имъ оскорбленіе, не прекословилъ волѣ великаго князя. Самъ Ягайло переводилъ литовцамъ слова польскихъ миссіонеровъ. Для возбужденія въ народѣ желанія креститься, Ягайло приказалъ выдавать всѣмъ новокрещеннымъ по бѣлому суконному кафтану и по красной обуви. Чтобы воспользоваться нѣсколько разъ этимъ даромъ, иные крестились по два и по три раза. Крестили вдругъ цѣлую толпу, и всѣмъ находившимся въ ней давали одно имя. Совершая такимъ образомъ крещеніе, въ короткое время окрестили 30,000 человѣкъ. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что принятіе въ Литвѣ введеннаго Ягайлою христіанства не было вполнѣ искренно. Простой народъ, и то только въ верхней Литвѣ, повиновался волѣ великаго князя и слѣдовалъ его примѣру. Жмудь еще болѣе 50 лѣтъ съ ожесточеніемъ про-

тивилась введенію новаго вѣрованія; наконецъ вся высшая литовская аристократія приняла христіанскую вѣру по обрядамъ восточнаго исповѣданія.

Въ Вильнѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена язычества горѣлъ неугасаемый огонь *Зничь* передъ кумиромъ *Перкуна*, основанъ каѳедральный костелъ св. Станислава. Ягайло основалъ виленское епископство и первымъ епископомъ назначенъ былъ Андрей Васило. Вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечено было содержаніе четырехъ прелатовъ и восьми канониковъ. Съ этой цѣлью Ягайло подарилъ капитулу нѣсколько значительныхъ имѣній въ окрестностяхъ Вильно.

Съ принятіемъ римско-католической вѣры Ягайло послѣдовалъ за стремленіемъ свойственнаго ей духа нетерпимости. Еще не прошло года со времени крещенія жителей Вильна, а уже начались первыя предвѣстія тѣхъ преслѣдованій, которыя, усиливаясь безпрестанно, терзали русское населеніе, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. 22-го февраля 1387 года Ягайло издалъ манифестъ, въ которомъ объявилъ, что далъ клятвенное обѣщаніе привести все народонаселеніе великаго княжества къ одной римско-католической вѣрѣ и подчинить папскому престолу. А потомъ лишилъ русскихъ всѣхъ преимуществъ, коими пользовались католики; запретилъ бракъ между лицами разныхъ исповѣданій, развѣ только если лице восточнаго исповѣданія пріиметъ западное. Если же такія лица вступятъ въ бракъ, то не разлучать ихъ, а всѣми силами склонить и принуждать непринадлежащаго къ римской церкви, непремѣнно къ ней присоединиться, употребляя для успѣшнаго достиженія этого намѣренія даже тѣлесныя наказанія.

Впрочемъ этотъ манифестъ, какъ свидѣтельствуютъ неоспоримые историческіе факты, былъ обнародованъ, но не приведенъ въ исполненіе. Множество русскихъ князей и бояръ, занимавшихъ важныя мѣста на поприщѣ государственнаго управленія, и большая часть собственно-литовской аристократіи, принявшая православную вѣру, защищали ее усердно и дѣятельно. Знаменитый Витовтъ, прибравшій въ руки свои власть въ Литвѣ, при жизни Ягайлы, являлся болѣе покровителемъ исповѣд-

противникомъ православія. Свидригайло, явно благопріятствовалъ Руси и восточному вѣроисповѣданію. Въ царствованіе потомковъ Ягайлы, хотя и обнаруживались слѣды нетерпимости и пристрастія къ католичеству, но открытаго преслѣдованія небыло, а примѣръ великаго князя Александра, вступившаго въ бракъ съ дочерью Іоанна III, которая осталась вѣрною своему исповѣданію до самой смерти, свидѣтельствуетъ явно, какъ мало заботились о исполненіи манифеста Ягайлы. Рѣшительный перевѣсъ латинства и явное преслѣдованіе православія начались съ вошествіемъ на престолъ Сигизмунда III и усилились со времени введенія уніи.

По водвореніи католицизма въ Литвѣ, тотчасъ возникли споры и несогласія между двумя исповѣданіями. Западные католики основывали преимущество свое на томъ, что исповѣданіе ихъ провозглашено господствующимъ, а восточные, что еще прежде 1387 года большая половина Вильна исповѣдывала христіанскую вѣру по обрядамъ греческой церкви и имѣла своихъ мучениковъ Ольгердовыхъ временъ.

Ягайло далъ городу Вильну, по образцу главнѣйшихъ польскихъ городовъ нѣмецкое городовое право, вообще называемое магдебургскимъ. По этому праву выбираемъ былъ горожанами, изъ среди нихъ, бургомистръ и члены войтовскихъ судовъ, которые судили исключительно однихъ виленскихъ жителей. Поселившіеся на землѣ, принадлежавшей замку, капитулу, костеламъ, епископу, не пользовались магдебургскимъ правомъ. Наконецъ на мѣщанъ возложена обязанность защищать оба виленскіе замка. Ягайло помѣстилъ въ обоихъ замкахъ польскіе гарнизоны и оставилъ намѣстникомъ Литвы Скиргайлу.

Управленіе этого князя не представляло ничего благопріятнаго для Литвы. Сидя въ Трокахъ, онъ не обращалъ вниманія на Вильно, не занимался распространеніемъ христіанской вѣры, не поддерживалъ промышленности, ни торговли, впрочемъ тайно благопріятствовалъ русскимъ и ихъ вѣроисповѣданію. Но предаваясь часто пьянству, употреблялъ во зло власть свою и по неосновательнымъ подозрѣніямъ и доносамъ осуждалъ на смерть приближенныхъ и друзей своихъ. Ягайло, не довѣряя ему и опасаясь ссоры его съ Витовтомъ, отправилъ

для охраненія виленскихъ замковъ польскій гарнизонъ подъ начальствомъ Москоржевскаго.

Съ этого то времени Витовтъ составилъ предначертаніе овладѣть Вильномъ и вступилъ въ новую борьбу съ Ягайлою. Послѣ разныхъ неудачныхъ предначертаній, онъ обратился къ крестоносцамъ, которые рады были каждому случаю, доставлявшему имъ возможность грабить и опустошать Литву. Собравъ огромную армію и соединясь съ ливонскими рыцарями, крестоносцы взяли Ковно, сожгли Троки и приблизились къ Вильну: Скиргайло, хотѣвшій остановить ихъ успѣхи, разбитъ былъ въ кровопролитномъ сраженіи за Верками. Наконецъ Вильно было осаждено. Все народонаселеніе его скрылось въ кривой городъ, или нижній замокъ, въ которомъ начальствовалъ Казиміръ Коригайло. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, замокъ взятъ. Около 14,000 жителей и съ ними Коригайло погибли отъ непріятельскаго меча. Витовтъ и крестоносцы приступили къ верхнему замку. Москоржевскій, отражавъ всѣ ихъ усилія, держался нѣсколько недѣль. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ въ станѣ крестоносцевъ и вѣсть о приближеніи Ягайлы съ польскимъ войскомъ, заставили осаждающихъ удалиться. Витовтъ отступилъ въ Самогитію. Ягайло по прибытіи въ Вильно смѣнилъ неспособнаго Скиргайлу, давъ ему въ управленіе Кіевъ, а начальство надъ замками поручилъ Яну Олесницкому. Москоржевскій возвратился въ Польшу.

Витовтъ не думалъ отказаться отъ своего намѣренія и на слѣдующій годъ снова явился подъ стѣнами Вильна, соединясь съ крестоносцами, коими начальствовалъ Конрадъ Валленроде. Олесницкій для удобнѣйшей защиты замковъ, сжегъ въ городѣ и тѣ строенія, кои уцѣлѣли отъ разоренія во время послѣдняго нападенія. Крестоносцы расположились огромнымъ станомъ между францишканскимъ монастыремъ и Крывымъ городомъ. Удачная вылазка Олесницкаго, въ которой онъ истребилъ великое множество крестоносцевъ, и приближеніе Скиргайлы съ новыми силами, заставили Валенрода возвратиться въ Пруссію. Въ Вильнѣ не осталось ничего, кромѣ пепла и развалинъ, посреди которыхъ возвышались почернѣвшіе отъ дыму два замка.

Послѣдніе два нападенія на Вильно вполнѣ убѣдили Ягайлу въ невозможности бороться съ Витовтомъ. Еще въ 1391 году, онъ отправилъ къ Витовту въ качествѣ посла Генриха, князя

мазовецкаго, который предложилъ ему, отъ имени короля, Вильно съ титуломъ великаго князя, подъ условіемъ, чтобы онъ на всегда прервалъ сношенія съ крестоносцами, не старался отторгать Литвы отъ Польши и оставался всегдашнимъ ея союзникомъ. Витовтъ принялъ эти предложенія въ Риттервердерѣ (Ковнѣ), гдѣ тогда находился, тайно ушелъ отъ крестоносцевъ, овладѣлъ нечаянно построеннымъ нѣмцами замкомъ Меттенбургомъ на Нѣманѣ, и истребивъ въ засадѣ сильный нѣмецкій отрядъ, высланный за нимъ въ погоню, прибылъ въ торжествѣ въ Вильно. Вскорѣ самъ Ягайло пріѣхалъ съ Ядвигою въ литовскую столицу и подтвердилъ условія, предложенныя Генрихомъ въ 1392 году. Витовтъ вмѣстѣ съ супругою своею коронованъ былъ на великое княжество въ костелѣ св. Станислава.

Витовтъ, обратилъ въ то время все свое вниманіе на возобновленіе разоренной столицы, далъ новыя преимущества переселенцамъ, сбиралъ разбѣжавшихся жителей и оказывалъ имъ всевозможную помощь при постройкахъ ихъ жилищъ.

Витовтъ принявъ въ сильныя руки свои управленіе великимъ княжествомъ, безпрестанно помышлялъ о томъ, чтобы сдѣлать его могущественнымъ и самостоятельнымъ. Князья, управляющіе особенными удѣлами и нехотѣвшіе ему повиноваться, выгнаны были изъ своихъ владѣній, въ которыя Витовтъ послалъ своихъ намѣстниковъ. Крестоносцы предпринявшіе противъ него новый походъ, потерявши около тридцати тысячъ человѣкъ, принуждены были заключить съ нимъ миръ. Наконецъ Свидригайло, желая овладѣть Витебскомъ, увеличилъ только могущество своего соперника. Витовтъ, разбивъ и взявъ его въ плѣнъ, присоединилъ къ великому княжеству Витебскъ, Друцкъ и Оршу. Такимъ образомъ онъ составилъ себѣ обширную и сильную державу. Не смотря на договоръ съ Ягайломъ, Витовтъ, не оказывая ему явнаго сопротивленія, управлялъ великимъ княжествомъ совершенно отдѣльно и независимо. Онъ принималъ и угощалъ короля во время посѣщенія имъ Вильна, послалъ ему богатые дары, но въ дѣйствіяхъ своихъ не давалъ ему отчета и безъ его вѣдома предпринималъ отдаленнѣйшіе походы, имѣя въ виду собственную свою пользу.

Въ 1397 году, Витовтъ, разбивъ татаръ подъ Азовомъ,

перевелъ цѣлый ихъ улусъ въ Литву и поселилъ ихъ на рѣкѣ Вакѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Вильна. Онъ позволилъ имъ также поселиться въ самой столицѣ и выстроить мечеть на предмѣстіи Лукишкахъ. Войны и преслѣдованія значительно уменьшили число татаръ въ Вильнѣ, остались только въ немъ памятники ихъ существованія—татарскія ворота и татарская улица.

Витовтъ, думая постоянно объ отдѣленіи Литвы отъ Польши, хотѣлъ обезпечить себя со стороны восточной Руси. Для этого поддерживалъ дружелюбныя сношенія съ княземъ тверскимъ и выдалъ дочь свою Софію за великаго князя московскаго Василія Димитріевича, наконецъ, полагаясь слишкомъ много на свое счастіе, предпринялъ исполинскій подвигъ, надѣясь властвовать надъ Золотою ордою. Покровительствуя Токтамышa, низверженнаго Тамерланомъ, онъ хотѣлъ возвести его на престолъ въ Сараѣ. Но въ 1399 году былъ на голову разбитъ Едигеемъ при Ворсклѣ и убѣжалъ съ остаткомъ войска съ поля сраженія. 125 тысячъ человѣкъ пало съ обѣихъ сторонъ на полѣ битвы; въ числѣ ихъ находилось 80 русскихъ князей, такъ какъ самую многочисленную часть Витовтовыхъ ратниковъ составляли русскіе. Въ томъ же самомъ году возникъ страшный пожаръ въ Вильнѣ, который истребилъ весь городъ. Сгорѣли каѳедральный костелъ и домъ великаго князя.

Сколь ни чувствительны были такія несчастія для Витовта и его государства; но геній его въ короткое время нашелъ средства загладить слѣды пораженія и пожара, и сдѣлалъ его снова грознымъ и опаснымъ для сосѣдей. Съ Тамерланомъ заключенъ миръ. Монгольскій владыка прислалъ литовскому князю богатые дары, въ числѣ коихъ находились 27 прекрасныхъ лошадей и верблюдъ. Городъ былъ отстроенъ, такъ что не осталось слѣдовъ опустошительнаго пожара.

Въ это время умерла королева Ядвига. Ягайло опасаясь, чтобы со смертію ея не лишиться польской короны, рѣшился укрѣпить, по крайней мѣрѣ въ глазахъ поляковъ, соединеніе Литвы съ Польшею. Въ 1400 году, прибывъ въ Вильно, онъ сдѣлалъ новый уговоръ съ Витовтомъ, по которому Литва и Польша должны составлять одно государство, обоимъ народамъ жить въ согласіи и исповѣдовать одну вѣру. Витовтъ объявленъ только пожизненнымъ владѣтелемъ,, а по смерти его верховная власть должна была возвратиться къ королю. Витовтъ согла-

свеся на эти условія единственно потому, чтобы этимъ новымъ договоромъ навсегда уничтожить записи, сдѣланныя имъ нѣкогда въ пользу крестоносцевъ. Впрочемъ онъ цѣнилъ и уважалъ одинаково какъ тѣ, такъ и другія условія, потому что ни тѣхъ, ни другихъ не исполнялъ буквально. Договоръ 1400 г. неутвердилъ соединенія Литвы съ Польшею. Много еще должно было устранить препятствій и одолѣть сопротивленія, пока послѣдній изъ потомковъ Ягайлы не успѣлъ привести этого дѣла окончательно въ исполненіе.

Въ 1403 Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ.

Наконецъ наступила эпоха рѣшительнаго ослабленія ордена, который съ тѣхъ поръ началъ видимо клониться къ паденію. Свидригайло, удаленный отъ участія въ управленіи Литвою, старался подвинуть снова крестоносцевъ противу Ягайлы и Витовта. Послѣдній, чувствуя, что существенную силу его державы составляютъ русскія области, мало заботился о собственно литовскихъ, въ особенности отдаленныхъ областяхъ; а потому легко обезоружилъ своихъ противниковъ, уступая имъ въ 1404 году Жмудь, надѣясь, также легко, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, отнять ее. И дѣйствительно, по прошествіи шести лѣтъ, нѣмцы потеряли навсегда это пріобрѣтеніе по своей неосторожности и корыстолюбію. Въ 1408 году въ Литвѣ случился голодъ. Ягайло выслалъ изъ Польши 20 судовъ съ хлѣбомъ для вспомоществованія литовцамъ. Крестоносцы, расчитывая, что литовцы будутъ покупать у нихъ хлѣбъ во время голода, захватили эти суда подъ предлогомъ, что въ нихъ находилось оружіе, и не смотря на требованія Ягайлы, не хотѣли возвратить ихъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ задержали литовскихъ купцевъ въ Рагнетѣ Съ обѣихъ сторонъ начали приготовляться къ войнѣ. Витовтъ взбунтовалъ Жмудь, выгналъ оттуда нѣмцевъ, а въ 1410 году, соединясь съ Ягайлою, разбилъ ихъ на голову подъ Грунвальдомъ. Это былъ смертный ударъ, нанесенный могуществу ордена. Магистръ Ульрихъ фонъ Юнингенъ, погибъ на мѣстѣ сраженія съ множествомъ союзныхъ князей и знатныхъ рыцарей. Орденъ былъ бы доведенъ до высочайшей степени униженія, если бы побѣдители умѣли пользоваться побѣдою. Но Витовтъ, опасаясь слишкомъ усилить Ягайлу, и не желая гибели ордена, въ которомъ могъ найти, въ случаѣ нужды, помощь противу Польши, оставилъ короля,

подъ предлогомъ возникшихъ болѣзней въ войскѣ, и возвратился въ Вильно. Въ 1411 году заключенъ миръ, по которому Жмудь присоединена опять къ владѣніямъ Витовта.

Не смотря на частыя посѣщенія Вильна Ягайлою и дѣланные ему Витовтомъ великолѣпные пріемы, между двумя государями существовало согласіе только наружное, а въ самомъ дѣлѣ не было искренности и довѣрія. Поляки безпрестанно опасались, и не безъ причины, чтобы Литва совершенно не отдѣлилась отъ Польши. Для укрѣпленія соединенія обоихъ народовъ положено сдѣлать въ Городлѣ на Бугѣ съѣздъ, на который созваны были всѣ литовскіе князья, бояре, и другія знатнѣйшія лица. На этомъ то съѣздѣ въ 1413 году составленъ былъ извѣстный городельскій актъ, коимъ даны Литвѣ совершенно польскія учрежденія. Литовскіе дворяне превращены въ шляхту, и получили польскіе гербы. Съ тѣхъ поръ Польша набрасывала Литвѣ все: свои законы, управленіе, обычаи, языкъ, не оставляя ей ничего отечественнаго, не сообразуясь съ нуждами края, но заставляя ее сообразжаться съ чуждыми для ней законами. Заведено новое законоположеніе. Явились воеводы, каштеляны и проч. Первымъ виленскимъ воеводой и старостою жмудскимъ былъ Кѣжгайло.

Актомъ городельскимъ даны большія преимущества римскому духовенству. Епископы получили мѣста въ сенатѣ, который вмѣстѣ со шляхтою обоихъ народовъ имѣлъ право выбирать царствующаго, съ общаго согласія. Учреждены земскіе суды по образцу польскихъ. Общимъ сеймамъ надлежало собираться въ Люблинѣ или Парчевѣ. Право достигать высшихъ степеней въ государствѣ, и даже занимать государственныя должности предоставлено было однимъ римскимъ католикамъ. Эта послѣдняя статья, какъ и всѣ распоряженія Ягайлы, по предмету нетерпимости, не была приведена въ исполненіе. Православные, составляя несравненно многочисленнѣйшую часть населенія въ великомъ княжествѣ, пользовались покровительствомъ Витовта, который, подписывая уговоры съ Ягайлою, вовсе не думалъ объ исполненіи ихъ, въ особенности если они были противны справедливости, пользамъ государства и его собственнымъ выгодамъ.

По возникшему несогласію съ московскимъ митрополитомъ Фотіемъ, Витовтъ, созвавъ въ Новогрудокъ на соборъ русскихъ

епископовъ: полоцкаго, черниговскаго, луцкаго, владимірскаго, туровскаго и хелмскаго, въ 1416 г. предложилъ имъ избрать особаго митрополита западной Руси. Въ этотъ санъ избранъ былъ Григорій Кимвлакъ (Самвлакъ) родомъ булгаринъ, который избралъ мѣстопребываніемъ своимъ Вильно, и наименовалъ церковь Пречистой Божіей Матери митрополитскою. Этотъ смѣлый шагъ доказываетъ, сколько Витовтъ старался о томъ, чтобъ ничто не выходило изъ подъ его власти и вліянія. Впрочемъ по смерти Кимвлака въ 1420 году, церкви западной Руси опять перешли подъ вѣдомство Фотія, который, послѣ свиданія съ Витовтомъ, объѣзжалъ всю страну и дѣлалъ распоряженія какъ митрополитъ.

Городельскій актъ не утвердилъ соединенія съ Польшею великаго княжества; Витовтъ управлялъ имъ самовластно, не относясь ни въ чемъ къ Ягайлѣ, и при наслѣдникахъ его произошли явныя противудѣйствія этому соединенію, какъ то увидимъ ниже.

Устроивъ обширное и могущественное государство, Витовтъ рѣшился открыто привести въ исполненіе давно-обдуманное имъ намѣреніе утвердить его самостоятельность. Еще болѣе желалъ отдѣленія его отъ Польши императоръ Сигизмундъ и подалъ Витовту мысль искать королевской короны, обѣщая содѣйствовать къ тому всѣми силами. Витовтъ принялъ съ восхищеніемъ эту мысль и рѣшился, во что бы то ни стало, осуществить ее. Напрасно нѣкоторые приписываютъ внушеніе этой мысли честолюбію или пустому тщеславію. Королевская корона не увеличила бы ни власти его, ни оказываемыхъ ему почестей, къ тому же онъ имѣлъ тогда уже 80 лѣтъ и не имѣлъ потомства. Желая пріобрѣсть королевскій титулъ, онъ искалъ пользы государства, которому, обезпечивъ самостоятельное существованіе, могъ бы, какъ король, назначить наслѣдника по своему усмотрѣнію. Для этой цѣли онъ назначилъ съѣздъ въ Луцкѣ, на который прибыли императоръ, великій князь московскій, митрополитъ Фотій, Ягайло съ семействомъ и множество иностранныхъ владѣтелей и почетныхъ лицъ. Витовтъ принималъ и угощалъ ихъ великолѣпно. Всѣ усилія, какъ Витовта, такъ и императора клонились къ тому, чтобы вынудить у Ягайлы, согласіе на коронованіе Витовта. Но Ягайло, подстрекаемый безпрерывно наушниками, упорно противился этому намѣ-

ренію и, наконецъ, не простившись съ императоромъ, выѣхалъ изъ Луцка.

Сигизмундъ, имѣя безпрестанно въ виду войдти въ тѣснѣйшую связь съ Витовтомъ, успокоилъ его, обѣщавъ ему выслать въ непродолжительномъ времени корону и грамоту на королевское достоинство. Витовтъ домогался еще согласія Польши на сеймахъ въ Корчинѣ и Сендомирѣ, но, не получивъ желаемаго отвѣта, самовольно назначилъ день своей коронаціи въ Вильнѣ 16 сентября 1430 года. Корона и грамота дѣйствительно высланы были ему императоромъ. Но поляки, не имѣя уже возможности преклонить убѣжденіемъ Витовта отказаться отъ своего намѣренія, рѣшились прибѣгнуть къ насилію. Познанскій подкоморій Чариковскій перехватилъ на дорогѣ корону и грамоту. Въ Вильнѣ все уже было приготовлено къ коронаціи, на которую съѣхались великій князь московскій, князья тверской, одоевскіе и множество другихъ князей русскихъ и татарскихъ, также магистръ прусскій. Но вдругъ пришла вѣсть о поступкѣ Чариковскаго, а вслѣдъ за тѣмъ прибылъ и Ягайло. Напрасны были всѣ усилія Витовта, Ягайло остался непреклоненъ и не далъ своего согласія. Огорченный этимъ Витовтъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и по прошествіи 14 дней умеръ 27-го октября въ Трокахъ.

Витовтъ, пріобрѣвъ и заслуживъ неоспоримо титло героя своего времени, распространилъ предѣлы своего государства и обогатилъ его; но не могъ утвердить его самостоятельности и воспрепятствовать его паденію, къ которому видимо клонило его соединеніе съ Польшею. Актъ городельскій сдѣлался источникомъ величайшихъ безпорядковъ въ управленіи, перешедшихъ изъ Польши въ Литву. Безпорядки эти, умножаясь постепенно, произвели наконецъ въ Литвѣ, также какъ и въ Польшѣ, настоящую анархію, которая вовлекла оба государства въ неизбѣжную погибель. Витовтъ безъ сомнѣнія постигъ ошибку Ягайлы, и не имѣя возможности воспрепятствовать дѣйствіямъ городельскаго съѣзда, старался по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, посредствомъ пріобрѣтенія королевской короны, положить основаніе отторженію Литвы отъ Польши. Не удивительно, что Ягайло, опасаясь лишить себя и потомковъ своихъ вліянія на Литву, противился всѣми силами намѣреніямъ Витовта. Но сопротивленіе это не доставило преемникамъ Ягайлы вожделѣнныхъ

плодовъ. По смерти Витовта несогласія между двумя народами возобновились. Благоразумные государственные люди въ Литвѣ, видя въ этомъ соединеніи одно только угожденіе тщеславію поляковъ и предчувствуя пагубныя его слѣдствія для своего отечества, употребляли всевозможныя усилія къ ускоренію и утвержденію разрыва.

По смерти Витовта Свидригайло, поддерживаемый русскими, получилъ преимущество предъ всѣми соискателями и заставилъ Ягайлу вѣнчать его на великое княжество.

Во время управленія Свидригайлы обнаружились явственно настоящіе виды поляковъ на Литву. Самыя первыя ихъ дѣйствія доказали, что они, подобно крестоносцамъ, желали не присоединенія литовцевъ, а присвоенія ихъ земель, владычества надъ ихъ страною. Вскорѣ по вступленіи Свидригайлы въ управленіе Литвою, поляки, безъ вѣдома короля, захватили крѣпости въ Подольи и выгнали оттуда литовскіе гарнизоны. Раздраженный этимъ поступкомъ Свидригайло грозилъ Ягайлѣ темницею, если онъ не возвратитъ Литвѣ захваченныхъ подольскихъ городовъ. Ягайло обѣщалъ исполнить это требованіе, и по возвращеніи въ Польшу далъ соотвѣтственныя тому приказанія. Но поляки не слушали своего короля, а посланнаго Свидригайлою для принятія захваченныхъ мѣстъ Михаила Бабу посадили подъ стражу. Тогда Свидригайло, собравъ сильное войско, выступилъ противъ поляковъ и овладѣлъ Подольемъ. Поляки напали на волынскую область, сожгли Луцкъ, и стѣснили осадою замокъ. Спрашивается послѣ этого: какое значеніе имѣлъ городельскій актъ и вообще то соединеніе Литвы съ Польшею, которое приписываютъ Ягайлѣ, когда два по видимому соединившіеся народа должны были прибѣгнуть къ оружію, чтобы расправиться за неправедное похищеніе владѣній однимъ у другаго? Мы будемъ имѣть случай встрѣтить не одно доказательство ничтожности городельскаго акта и примѣры рѣшительнаго сопротивленія литовцевъ этому соединенію, съ какимъ, они отстаивали самостоятельность своего отечества въ продолженіи 180 лѣтъ.

Удивительно, что польскіе писатели и прежнихъ и нашего времени, имѣя эти неоспоримые факты передъ глазами, рѣшаются увѣрять публику, что соединеніе двухъ народовъ произошло добровольно, непринужденно, съ согласія обѣихъ сторонъ!

Еще удивительнѣе, что нынѣшніе просвѣщенные литовцы, коихъ самыя прозванія свидѣтельствуютъ явственно о ихъ происхожденіи, вѣрятъ этому сказанію, или стараются увѣрить и другихъ и себя въ истинѣ его!!

Ягайло, опасаясь запальчиваго нрава Свидригайлы, а еще болѣе особеннаго его благорасположенія къ русскимъ, которые содѣйствовали ему всѣми силами, рѣшился противупоставить ему соперника. Онъ призвалъ Сигизмунда, брата Витовта, князя стародубскаго, обѣщалъ возвести его на великокняжескій престолъ, и прислать ему на помощь польскія войска, чтобы выгнать Свидригайлу; но предложилъ ему слѣдующія условія: возобновить соединеніе Литвы съ Польшею, управлять Литвою только пожизненно, безъ распространенія этого права на сына его. Михаила, не принимать королевской короны и отдать по смерти своей Волынь Польшѣ. Напрасно Юрій Бутримъ, богатый и благоразумный Жмудинъ, имѣвшій большой вѣсъ въ государствѣ, сильно противился соединенію двухъ народовъ. Его заставили молчать и условія были подписаны.

Съ тѣхъ поръ началась кровая и опустошительная распря между двумя соперниками. Счастіе клонилось то на ту, то на другую сторону. Города Вильно, Троки, Гродно, Ошмяна, Лида и другіе погибли въ пламени. Въ продолженіи этой борьбы Ягайло умеръ въ 1434 году, доведя упрямствомъ своимъ Литву до самаго ужаснаго положенія. Междоусобная война покрыла ее пепломъ и развалинами и истребила многія тысячи жителей. Сигизмундъ, чтобъ утвердиться на престолѣ, долженъ былъ уступить полякамъ Луцкъ, и обязать присягой виленскаго воеводу, что онъ, въ случаѣ смерти великаго князя, никому не отдастъ виленскихъ замковъ, кромѣ короля или его законнаго наслѣдника. Эти условія оказались въ послѣдствіи также ничтожными, какъ и городельскій актъ.

Сигизмундъ одолѣлъ наконецъ своего соперника, но освободясь отъ него, обнаружилъ подозрительный и склонный къ жестокости нравъ, который принужденъ былъ скрывать во время борьбы съ Свидригайломъ. Будучи еще къ тому корыстолюбивъ, онъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ велѣлъ брать подъ стражу богатѣйшихъ гражданъ, казнилъ ихъ, и имущество ихъ забиралъ въ казну. Многочисленные его лазутчики и угодники, разсѣянные по всему государству, доставляли

безпрестанно новые жертвы его корыстолюбію и жестокости. Никому не было пощады, на кого падало подозрѣніе или поданъ былъ доносъ. Наконецъ разнеслась вѣсть, что Сигизмундъ намѣренъ созвать на съѣздъ въ Троки всѣхъ знатнѣйшихъ вельможъ, и, умертвивъ ихъ, отдать ихъ мѣста своимъ любимцамъ. Вѣсть эта встревожила всю литовскую знать, которая составила противъ него заговоръ Князь Иванъ Чарторійскій, сынъ Любарта Гедиминовича, съ воеводами виленскимъ и трокскимъ, проникнувъ въ трокскій замокъ умертвили Сигизмунда. Сынъ его Михаилъ спасся бѣгствомъ.

По смерти Ягайлы вступилъ на польскій престолъ сынъ его Владиславъ. Если бы городельскій актъ и заключаемыя съ Ягайлою условія имѣли какую нибудь силу, то назначеніе правителя Литвы зависѣло бы исключительно отъ новаго короля. Между тѣмъ литовскіе епископъ и вельможи, не относясь вовсе къ Польшѣ, встрѣтили прибывшаго въ Вильно Казимира, брата Владиславова, съ торжествомъ повели его въ костелъ св. Станислава и провозгласили великимъ княземъ. Напрасны были жалобы прибывшихъ съ нимъ поляковъ, представлявшихъ, что такой поступокъ противенъ акту соединенія обоихъ народовъ. Никто не хотѣлъ ихъ слушать, и они принуждены были вскорѣ оставить Вильно. Изъ этого ясно видно, какими глазами литовцы смотрѣли на предначертанія Ягайлы. Въ 1444 году Казимиръ издалъ привиллегію, которою объявилъ Вильно главою литовскихъ городовъ, вѣроятно, чтобы сравнять его въ правахъ и преимуществахъ съ Краковомъ, столицею Польши. Это доказываетъ, до какой степени старались о самосохраненіи самостоятельности Литвы сами великіе князья, пока не были выбираемы въ польскіе короли.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ Польша и Литва управляемы были двумя особенными государями, независимыми другъ отъ друга. Въ 1443 году Владиславъ погибъ въ сраженіи съ турками подъ Варною. Около двухъ лѣтъ поляки не могли рѣшиться на выборъ короля, а Казимиръ, не заботясь о дѣлахъ Польши, управлялъ самостоятельно и отдѣльно Литвою. Наконецъ въ 1445 году прибыли въ Вильно польскіе послы, призывая Казимира на престолъ его брата. Казимиръ долго противился этому предложенію, наконецъ, на собравшійся для этого предмета сеймъ въ Піотровкѣ 1446 года, отправилъ шесте-

рыхъ пословъ, которые объявили, что Казимиръ довольствуется великимъ княжествомъ Литовскимъ и не ищетъ польской короны.

Опасаясь слѣдствій продолжительнаго междуцарствія, поляки рѣшились отдать престолъ Болеславу князю мазовецкому, если Казимиръ будетъ долѣе уклоняться отъ его принятія. Это обстоятельство заставило наконецъ Казимира рѣшиться удовлетворить ихъ желанію. Опасаясь, чтобы Болеславъ, сдѣлавшись королемъ польскимъ, не оказалъ помощи шурину Михайлу Сигизмундовичу, и не содѣйствовалъ ему къ достиженію великокняжескаго престола, Казимиръ принялъ польскую корону.

Но Казимиръ, сдѣлавшись польскимъ королемъ, поставилъ себя въ весьма затруднительное положеніе. Ставъ нѣкоторымъ образомъ посредникомъ и даже судіею, между двумя враждовавшими народами, ему невозможно было угодить одной сторонѣ, не оскорбивъ другой. Согласить же ихъ притязанія не было средства. А потому царствованіе его представляетъ рядъ безпрерывныхъ распрей и ссоръ на сеймахъ, на которыхъ ничего не было рѣшено опредѣлительно, и только умножалось неудовольствіе обѣихъ сторонъ.

Въ 1448 году на сеймѣ, созванномъ въ Люблинѣ, произошли жаркіе споры между поляками и литовскими уполномоченными. Первые домогались присоединенія Подоліи къ Польшѣ; литовцы сильно противились этому. Наконецъ, для прекращенія спора, поляки предложили, чтобы Литву включить въ составъ польскаго государства, и тѣмъ обладаніе Подоліею сдѣлать общимъ обоимъ народамъ. Это ожесточило литовцевъ до высочайшей степени. Громко жалуясь на измѣну, послы разошлись, назначивъ для разрѣшенія этого спора сеймъ въ Новогрудкѣ. Между тѣмъ въ 1449 году напали на подольскую область татары. Поляки, полагая, что это сдѣлалось по наущенію литовцевъ, обвиняли короля въ бездѣйствіи и равнодушіи къ судьбѣ королевства, и на сеймѣ въ Піотровкѣ требовали отъ него присяги, что онъ не будетъ помогать Литвѣ къ возвращенію Подоліи и Волыни и не дозволитъ присоединять ихъ къ великому княжеству. Это открыло глаза Казимиру. Онъ явственно убѣдился, что поляки хотятъ не присоединить Литву, а завладѣть ею совершенно, а потому отказался отъ всякаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, а предоставилъ его собственному разрѣшенію обоихъ народовъ. Но разрѣшеніе это, откладываемое

съ одного сейма на другой, ожесточало только ненависть между литовцами и поляками. Три года прошло въ безполезныхъ спорахъ. На созванномъ въ 1451 году сеймѣ въ Вильнѣ не сдѣлано также никакого опредѣлительнаго постановленія, потому что ни одна ни другая сторона не хотѣли сдѣлать никакой уступки, а на предположенный сеймъ въ Брестѣ литовцы не являлись.

Въ томъ же 1451 году въ первый разъ въ Литвѣ праздпуемъ былъ юбилей, учрежденный въ западной церкви. Множество народа прибыло со всѣхъ частей государства въ столицу. Папа Юлій II далъ право Кракову, Вильну и Гнѣзну пользоваться индульгенціей, сопряженной съ празднованіемъ юбилея, котораго обрядъ совершаемъ былъ въ костелѣ св. Станислава. Тамъ поставленъ былъ сундукъ для собиранія денегъ отъ тѣхъ, кои хотѣли удостоиться отпущенія грѣховъ. Каждый такой обязанъ былъ положить въ сундукъ четвертую часть той суммы, какая нужна была на дорогу въ Римъ и пребываніе въ немъ въ продолженіи 15 дней.

Вскорѣ послѣ того на созванномъ сеймѣ въ Парчовѣ, несогласія между послами Литвы и Польши довели вражду между обоими народами до высочайшей степени. Поляки хотѣли задержать литовскихъ пословъ и включить насильно Литву въ составъ королевства. Литовскіе послы, узнавъ о томъ, тайно выѣхали изъ Парчева. Негодованіе быстро распространилось по всей Литвѣ. Гаштольдъ, Монвидъ, Кѣргайло, Монгѣрдовичъ бросили гербы, данные ихъ фамиліямъ на городельскомъ съѣздѣ, въ знакъ совершеннаго разрыва съ поляками. Между тѣмъ въ 1452 году умеръ Свидригайло, а литовцы заняли удѣлъ его Луцкъ. Это съ другой стороны ожесточило поляковъ, которые осмѣлились даже оскорбить на сеймѣ короля упреками, что онъ пренебрегаетъ дѣлами Польши, ѣздитъ только на охоту, забавляется и благопріятствуетъ литовцамъ болѣе, нежели тѣмъ, которые избрали его на свой престолъ. Вслѣдъ за тѣмъ сзываемы были сеймъ за сеймомъ для разъясненія спора за Подолье и Волынь, но не принесли никакой пользы.

Въ 1454 году несчастная война съ орденомъ увеличила бѣдствіе государства. Король, претерпѣвъ совершенное пораженіе въ битвѣ при Хойницахъ, съ величайшимъ трудомъ спасся бѣгствомъ. Воспользовавшись этимъ, Гаштольдъ, непримиримый

врагъ поляковъ, склонилъ Литву къ явному возстанію. Король, желавшій мѣрами кротости примирить обѣ стороны возбудилъ противъ себя негодованіе обѣихъ. Литовцы называли его полякомъ,—поляки литовцемъ. Наконецъ литовцы, негодуя на его нерѣшительность, хотѣли возвести вмѣсто его на великокняжескій престолъ князя кіевскаго Симеона Олельковича. Заговоръ противъ Казимира составили Гаштольдъ, князь Юрій Острожскій и нѣкто Александръ Юрьевичъ, возведенный Казимиромъ изъ низкаго состоянія на знатную степень въ государствѣ. Прибытіе короля въ Вильно устрашило заговорщиковъ. Одинъ только Гаштольдъ, не смотря на то, что былъ оставленъ прочими, осмѣлился явиться къ королю въ качествѣ посла народа, и требовать избранія особеннаго великаго князя Литвѣ. Броженіе умовъ въ великомъ княжествѣ было всеобщее; въ особенности Русь, составлявшая самую большую часть его народонаселенія, съ горестію смотрѣла на привязанность короля къ католикамъ, и равнодушіе его къ оказываемымъ ей притѣсненіямъ, по части вѣроисповѣданія. Король не рѣшался принять строгихъ мѣръ противъ Гаштольда и его сообщниковъ и оставилъ ихъ вину безъ наказанія, опасаясь всеобщаго возмущенія. Безпокойства въ Литвѣ и стремленіе къ возведенію на престолъ Симеона продолжались до 1459 года, то есть до смерти Гаштольда. Наконецъ въ 1471 году умеръ и Симеонъ Олельковичъ, и Казимиръ, опасаясь вліянія его фамиліи на Русь, удалилъ сына его Василія отъ наслѣдованія удѣломъ, и послалъ въ Кіевъ Мартына Гаштольда въ званіи воеводы. Съ тѣхъ поръ начинается рядъ кіевскихъ воеводъ, управлявшихъ этимъ городомъ.

Въ продолженіи этого времени нѣсколько разъ созываемы были съѣзды въ разныхъ городахъ для разрѣшенія вопросовъ о соединеніи двухъ народовъ и обладаніи Подолью и Волынью, но оставались также безуспѣшными, какъ и предыдущіе.

Въ 1471 году, издано первое уложеніе въ Литвѣ, извѣстное подъ названіемъ Судебника Казимира, написанное, какъ и всѣ прочіе государственные акты въ Литвѣ, на русскомъ языкѣ. Уложеніе это, конечно, было недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждъ государства; но Литва сдѣлала уже первый важный шагъ на этомъ поприщѣ, и преемники Казимира довершили похвальное его дѣло.

Въ томъ же году произошло событіе, которое сильно польстило самолюбію Казимира, но ни ему, ни его государству не принесло никакой пользы. Въ Новгородѣ произошло памятное въ русской исторіи возмущеніе противъ Іоанна III Васильевича. Извѣстная посадница Марѳа Борецкая, овладѣвъ умами своихъ соотечественниковъ, внушила имъ мысль отторгнуться совершенно отъ Москвы и покориться Казимиру на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ управляли ими великіе князья московскіе. Составлена была грамота съ изъясненіемъ правъ и обязанностей Казимира въ отношеніи къ республикѣ и отослана королю, который обязался присягою исполнить все, въ ней заключавшееся. Но какъ новгородцы требовали вспомагательнаго войска для отраженія Іоанна, рѣшившагося силою обуздать ихъ своевольство; а Казимиръ, занятый внутри государства волненіями умовъ и несогласіями между двумя подвластными ему народами, а извнѣ войною съ орденомъ, не имѣлъ возможности удовлетворить ихъ желанію; то присланная къ нему грамота обличила только неосновательность республики и безсиліе короля. Быстрый и рѣшительный въ дѣйствіяхъ своихъ Іоаннъ, двинувъ сильную рать къ Новогороду, принудилъ вече покориться на всю его волю и оставилъ Казимиру одинъ только стыдъ принятія несбыточнаго намѣренія.

Равнодушіе Казимира къ судьбѣ православной Руси, которой римское духовенство начало дѣлать разныя притѣсненія, вывело изъ терпѣнія пограничныхъ владѣльцевъ и было причиною большихъ потерь, понесенныхъ Литвою при Казимирѣ, и еще болѣе при его преемникахъ. Князья сѣверскіе: Ольшанскій, Михаилъ Олельковичъ и Ѳедоръ Бѣльскій, правнуки славнаго Ольгерда, недовольные Казимиромъ, рѣшились поддаться, со своими удѣлами, Іоанну III, великому князю московскому, который въ то время сдѣлалъ исполинскіе успѣхи въ восточной Руси, и быстро возводилъ государство свое на высокую степень могущества и славы. Намѣреніе ихъ было открыто. Два первые схвачены, и Казимиръ, увлекшись несвойственною ему строгостію, приказалъ умертвить ихъ. Бѣльскій на другой день послѣ свадьбы своей, оставивъ юную супругу, убѣжалъ въ Москву, и будучи принятъ благосклонно Іоанномъ, получилъ во владѣніе городъ Демонъ. Польскій историкъ Кроммеръ описываетъ это происшествіе слѣдующимъ образомъ: «князья сѣ-

верскіе, пріѣхавъ въ Вильно, хотѣли видѣть короля; но стражъ недозволилъ имъ войти во дворецъ и, прихлопнувъ одному изъ нихъ дверью ногу, сломалъ ему палецъ. Казимиръ осудилъ на смерть этого воина; но не могъ укротить тѣмъ злобы князей. Считая себя несносно обиженными, и давно имѣя разныя досады на литовское правительство, къ нимъ неблагосклонное за иновѣріе, они поддались московскому государю.»

«Не зачѣмъ,» говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ (Kraszewski, Wilno. T. 1, стр. 162—3) «искать причины отторженія русскихъ князей отъ Литвы въ столь мелочныхъ обстоятельствахъ. Въ продолженіи всего царствованія Казимира Русь смотрѣла на него съ неудовольствіемъ. Его окружало католическое духовенство, которое производило въ немъ отвращеніе отъ Руси, или умножало число непріятелей себѣ и королю неумѣстнымъ обращеніемъ русскихъ въ католичество. Главнѣйшую причину такого отторженія составляло стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія, другую не менѣе важную вліяніе ненавистныхъ поляковъ. Можно судить, въ какомъ положеніи находилась Русь литовская, изъ того, что намъ извѣстно о церквахъ ея въ Вильнѣ. Церкви эти были ветхи, бѣдны, клонившіяся къ разрушенію, деревянныя,— священники жили въ нуждѣ, народъ былъ бѣденъ. Запрещено было строить новыя церкви въ Вильнѣ. Можно ли было смотрѣть на все это покойнымъ окомъ, и не предвидѣть, что вліяніе латинскаго духовенства подымется далѣе во глубину края. По этой то причинѣ всѣ князья православнаго исповѣданія переходили мало по малу на сторону Москвы, которая, со времени смерти Витовта, достигала исполинскими шагами могущества и славы. Такъ, еще прежде Бѣльскаго, перешелъ къ московскому государю князь Василій Воротынскій, а послѣ, около 1490 года, князь Иванъ Перемышльскій и Иванъ Бѣлевскій съ братьями Андреемъ и Василіемъ, безъ всякихъ иныхъ причинъ, кромѣ единства вѣры, языка, происхожденія, считая судьбу свою неразрывною съ судьбою Россіи. Они не могли согласиться съ латинскою Литвою, обнаруживавшею часъ отъ часу менѣе вѣротерпимости, не имѣя съ нею никакого узла соединенія. Напротивъ того, разница въ вѣроисповѣданіяхъ, при наущеніи духовенства, начала уже возраждать ту непріязнь между двумя на-

родами, одинаковаго происхожденія, которая могла повлечь за собою столь продолжительныя и страшныя послѣдствія.»

Въ 1481 году Казимиръ заключилъ союзъ съ Ахматомъ, послѣднимъ ханомъ Золотой Орды, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Іоанна III, отказавшагося отъ платежа дани татарамъ. Но Ахматъ, расположась съ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ рѣки Угры, тщетно ожидалъ помощи Казимировой. Въ это самое время крымскій ханъ Менгли-Гирей, вѣрный союзникъ Іоанна, напалъ на Литву, а великій князь московскій отправилъ сильный отрядъ войскъ во внутренность Золотой Орды для опустошенія ея. Ахматъ, узнавъ о томъ, обратился для защиты собственныхъ владѣній, которымъ угрожала опасность, но на дорогѣ войско его истреблено ханомъ тюменскимъ, и самъ Ахматъ погибъ. Со смертію его, владычество татаръ надъ Россіею кончилось.

Въ 1485 году прибылъ въ Вильно князь тверской Михаилъ Борисовичъ. Будучи лишенъ своихъ владѣній Іоанномъ III, онъ предложилъ королю присоединеніе княжества тверскаго къ Литвѣ, если онъ поможетъ исторгнуть его изъ рукъ Іоанна. Польскіе историки увѣряютъ, что Казимиръ, будучи уже старъ, не хотѣлъ принять этого предложенія, сколько оно ни обѣщало выгодъ Литвѣ. Но гораздо вѣроятнѣе, что Казимиръ не могъ исполнить желанія Михаила. Судьба Новгорода убѣдительно доказала ему его безсиліе; а потому онъ, весьма благоразумно, не хотѣлъ подвергаться новымъ безпокойствамъ и опасностямъ, не обѣщавшимъ никакого успѣха.

Въ 1492 году Казимиръ, забавляясь охотою въ окрестностяхъ Трокъ, опасно заболѣлъ и умеръ въ Гроднѣ 25 іюня.

Казимиръ оставилъ по себѣ нѣсколькихъ сыновей. Трое изъ нихъ занимали по смерти его престолы въ Литвѣ и Польшѣ; четвертый, Казимиръ, посвятивши себя совершенно благочестію, велъ труженическую жизнь и по смерти своей, западною церковью, причисленъ къ лику святыхъ. Будучи воспитанъ въ римско-католическомъ духѣ, онъ простеръ свою благочестивую ревность за предѣлы христіанской любви. Склонясь на просьбу его, отецъ его издалъ привиллегію, которою запретилъ строить новыя православныя церкви и починять ветхія. Во время пожаровъ, опустошившихъ часть Вильно, многія православныя церкви сгорѣли. А какъ по силѣ упомянутой при-

виллегіи ихъ нельзя было возстановлять, то въ продолженіи двухъ столѣтій число такихъ церквей значительно уменьшилось. Въ послѣдніе годы существованія уніи, въ Вильнѣ находился одинъ только св. Духовскій монастырь съ принадлежавшею къ нему теплою Благовѣщенскою церковью, да военнопоходная церковь въ домѣ военнаго губернатора. Остальныя или разрушились или захвачены были уніатами.

Тотчасъ по смерти Казимира литовскіе князья и сановники, пріѣхавъ въ Вильно, рѣшились выбрать великаго князя безъ участія Польши, не смотря на многократныя повторенія этого условія. Такъ какъ сынъ умершаго короля, Александръ, находился тогда въ Вильнѣ, то прибывъ къ нему всѣ вмѣстѣ, отвели его въ костелъ св. Станислава, и тамъ виленскій епископъ Адальбертъ Таборъ вѣнчалъ его на великое княжество, а князья, вельможи и всѣ присутствовавшіе присягнули ему въ вѣрности.

Между тѣмъ поляки выбрали королемъ другаго сына Казимирова, Іоанна Албрехта, къ которому Александръ въ дѣлахъ правленія вовсе не относился, и Литва, до смерти Іоанна, составляла совершенно отдѣльное государство, не смотря на съѣзды въ Парчевѣ и Вильнѣ, на которыхъ хотѣли утвердить актъ соединенія. На этихъ съѣздахъ только спорили и ссорились, и литовцы, день ото дня видя яснѣе настоящія намѣренія поляковъ, каждый разъ выходили изъ собранія съ сильнѣйшимъ противъ нихъ ожесточеніемъ.

Александръ чувствовалъ, что для прочнаго благоденствія, или по крайней мѣры для спокойствія Литвы, нужно обезпечить себя со стороны восточной Руси, чрезвычайно усилившейся и управляемой мудрымъ и дальновиднымъ государемъ. Онъ отправилъ въ Москву Станислава Глѣбовича для предупрежденія непріязненныхъ дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ для предложенія руки его одной изъ дочерей Іоанна Васильевича. Царь московскій не противился этому предложенію, и потому отправлены новые послы, которые, именемъ великаго князя, уступили Іоанну нѣсколько городовъ и страну до береговъ Угры. По устраненіи разныхъ препятствій и разъясненія недоумѣній, брачный договоръ былъ подписанъ и дочь Іоанна, Елена, въ сопровожденіи своего двора и многочисленнаго посольства, прибыла въ Вильно.

Но Александръ не умѣлъ пользоваться выгодами, которыя могло пріобрѣсти его государство отъ союза съ могущественнымъ сосѣднимъ монархомъ. Внушенія римскаго духовенства, смотрѣвшаго съ негодованіемъ на бракъ его съ православною княжною, дѣйствовали на недальновидный умъ и слабый его характеръ столь сильно, что, увлекшись духомъ нетерпимости, онъ выпустилъ изъ виду благо своихъ подданныхъ и собственное семейное счастіе. Въ заключенномъ по этому предмету съ Іоанномъ договорѣ, который Александръ подтвердилъ клятвою, послѣдній обязался дать полную свободу вѣроисповѣданія Еленѣ, никогда не принуждать ее къ перемѣнѣ его, и устроить для ней православную церковь въ замкѣ. Не смотря на то, вопреки христіанской клятвѣ, онъ не исполнилъ своего обѣщанія, а черезъ то повергъ свое государство въ продолжительную войну, въ которой Литва понесла еще болѣе потерь нежели при Казимирѣ.

Впрочемъ встрѣча Еленѣ сдѣлана была со всѣмъ великолѣпіемъ, приличнымъ ея сану и предназначенію. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать ее на пути, и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ города съ многочисленною свитою князей и другихъ литовскихъ сановниковъ, и оттуда проводилъ ее въ городъ посреди безчисленной толпы народа, желавшаго взглянуть на торжественный въѣздъ будущей своей государыни. Русскіе священники и монахи, съ крестами, образами и зажженными свѣчами встрѣтили великую княжну у дверей церкви Пречистой Божіей Матери, въ которую они прежде всего заѣхали. Тамъ они отслужили молебенъ, по окончаніи котораго начались свадебные обряды по русскому обычаю. Жены русскихъ бояръ расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ, и повели къ жениху въ каѳедральный костелъ, гдѣ вѣнчалъ ихъ виленскій епископъ Адалбертъ Таборъ и прибывшій съ великою княжною русскій священникъ Ѳома. Княгиня Ряполовская держала надъ головою невѣсты вѣнецъ, а дьякъ Кулевгинъ скляницу съ виномъ.

Послѣ свадьбы начались пиры. Александръ великолѣпно угостилъ московскихъ бояръ. Но вскорѣ возникли недоразумѣнія между двумя дворами и взаимныя жалобы. Александръ жаловался на производимые яко бы Ряполовскимъ грабежи на обрат-

номъ пути въ Москву. Это была явная клевета, потому что Ряполовскій и сопровождавшія его лица терпѣли на дорогѣ во всемъ крайній недостатокъ.

Жалобы Іоанновы были гораздо основательнѣе, потому что поведеніе Александра въ отношеніи къ Еленѣ скоро послѣ свадьбы перемѣнилось. Онъ удалилъ отъ ней русскихъ слугъ, не хотѣлъ устроить для ней въ замкѣ церкви и началъ употреблять средства къ обращенію Елены въ латинскую вѣру. Онъ даже не позволилъ ей видѣться часто съ русскими боярами и ихъ женами, находившимися въ Вильнѣ. Кромѣ князя Ромодановскаго, его жены, архимандрита и подъячаго, даннаго ей для письмоводства, она никого изъ русскихъ не видала. Александръ же приводилъ къ ней очень часто литовскихъ епископовъ и ксендзовъ.

Іоаннъ выслалъ въ Вильно боярина Кутузова съ требованіемъ удовлетворенія условіямъ, заключеннымъ съ нимъ во время сватовства, которыя Александръ утвердилъ присягою. Но онъ отвѣчалъ, что построеніе новой церкви противится привиллегіямъ, даннымъ его предшественниками латинскому духовенству, (какъ будто онъ этого не зналъ, когда искалъ руки Елены), что русскія семейства, оставшіяся при великой княгинѣ, занимаются ссорами, доносами и шпіонствомъ, желая произвести раздоръ между супругами; наконецъ на требованіе Іоанна о дозволеніи княгинѣ Бѣльской ѣхать къ мужу, отвѣчали ему, что княгиня сама того не хочетъ.

Такимъ образомъ исчезла надежда литовской Руси, ожидавшей тщетно покровительства отъ великой княгини, которая сама съ трудомъ сохранила православную вѣру. Латинское духовенство безпрестанно подущало Александра, чтобы онъ старался склонить супругу свою къ принятію римской вѣры, если не хочетъ и собственной души погубить. Что же касается построенія церкви, то виленскій епископъ противился этому на основаніи Казимировой привиллегіи, данной по просьбѣ св. королевича Казимира. Этою привиллегіею, не только не дозволено было строить новыхъ русскихъ церквей, но даже запрещено поддерживать и починять старыя. Словомъ латинское духовенство видимо старалось овладѣть душою слабаго Александра. Русскіе мало по малу удалялись. Слыша, съ какимъ усиліемъ стараются преклонить Елену къ принятію римскаго исповѣданія,

не одинъ изъ нихъ подумалъ, что «если великая княгиня столько терпитъ за религію, то что же будетъ съ другими?» Дѣятельность въ торговлѣ ослабѣла. Съ обѣихъ сторонъ обнаруживалась недовѣрчивость, и должно было надѣяться неминуемаго раздора и войны. Такимъ-то образомъ этотъ плачевный духъ обращенія, господствовавшій тогда въ западной Европѣ, угрожалъ и Литвѣ множествомъ несчастій. Елена, невинная жертва государственныхъ и религіозныхъ соображеній, увядала между тѣмъ въ Вильнѣ, окруженная чужими людьми, любя мужа, и будучи принуждена скрывать письма отца и свои на нихъ отвѣты. Перенося терпѣливо преслѣдованіе отъ католиковъ, старавшихся принудить ее къ перемѣнѣ исповѣданія, она столько еще имѣла любви и снисхожденія къ мужу, что въ письмахъ своихъ къ отцу старалась извинить и оправдать Александра. Іоаннъ, получая съ прискорбіемъ вѣсти о страданіяхъ Елены, просилъ предстательства у папы Александра VI, который писалъ къ мужу ея, запрещая ему склонять Елену къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія; но неизвѣстно какія были слѣдствія этого письма. Между тѣмъ число трудившихся надъ обращеніемъ Елены увеличилось. Въ Вильно пріѣхала вдовствующая королева, мать Александра, съ дочерьми Варварою и Елисаветою, и дѣйствовали за одно съ католическою партіею противу дочери Іоанновой; но усилія ихъ остались тщетными. Въ 1497 году Александръ вывелъ наконецъ изъ терпѣнія Іоанна, приказавъ, по старанію латинскаго духовенства, выѣхать изъ Вильна послѣднему спутнику Елены, священнику Ѳомѣ. Кромѣ того, Михаилъ Плещеевъ, посолъ Іоанна, возвращавшійся изъ Константинополя, задержанъ по приказанію Александра, а жители Смоленска ограбили вяземскихъ купцевъ. Небыло надежды предупредить бѣдствія войны, къ которой присоединился еще голодъ; наконецъ зараза, вывезенная Колумбомъ изъ Америки, быстро распространилась по Литвѣ и привела въ ужасъ ея жителей.

Преслѣдованіе православнаго исповѣданія въ Литвѣ сдѣлалось общимъ. Измѣна смоленскаго епископа Іосифа, взявшагося обратить всѣхъ нашихъ литовскихъ единовѣрцевъ въ латинство, ободрила Александра и придала смѣлости римскому духовенству. Виленскій епископъ Адалбертъ и бернардинскіе монахи, объѣзжая русскіе города и селенія и крича: «да бу-

детъ одно стадо и одинъ пастырь,» старались склонить жителей къ соединенію съ Римомъ. Александръ содѣйствовалъ имъ въ этомъ дѣлѣ, угрожая гнѣвомъ своимъ тѣмъ, кои внушеніямъ ихъ не покорятся. Но всѣ усилія проповѣдниковъ латинства не могли поколебать твердости православныхъ жителей великаго княжества и обратились во вредъ самому же Александру, который черезъ то лишился многихъ земель и подданныхъ. Князья Симеонъ Бѣльскій, Масальскіе и Хотетовскій, бояре мценскіе и серпейскіе покорились Іоанну, и земли ихъ заняты были московскими войсками. Вскорѣ послѣ того сдѣлали тоже самое потомки непримиримыхъ враговъ московскаго государя, Іоанна Можайскаго и Ивана Шемякина. Литва утратила чрезъ то Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечь, Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій. Напослѣдокъ перешли на сторону Іоанна князья Трубчевскіе (Трубецкіе) потомки Ольгерда. Іоаннъ, объявивъ войну Александру, отправилъ двѣ сильныя рати, которыя завоевали весь лѣвый берегъ Днѣпра, а въ смоленской области взяли Дорогобужъ.

Александръ, видя въ опасности свою державу, но не имѣя способностей полководца, обратился къ любимому и уважаемому всѣми литовскому гетману Петру Бѣлому, который, будучи уже тогда на смертномъ одрѣ, сказалъ Александру, что князь Константинъ Острожскій одинъ только можетъ замѣнить его. Не смотря на необыкновенную ревность къ православію этого потомка князей галицкихъ, Александръ принужденъ былъ покориться необходимости и заставить на время умолкнуть голосъ нетерпимости. Онъ возвелъ Константина въ званіе литовскаго гетмана и далъ ему главное начальство надъ войскомъ противу россіянъ его братьевъ. Князь Острожскій устремился сквозь болотистыя и лѣсистыя ущелія къ Дорогобужу, близъ котораго на берегахъ рѣки Ведроши расположены были русскія войска подъ начальствомъ князя Даніила Щени и Юрія Захарьевича. Сторожевый полкъ рати Іоанновой отступилъ отъ берега, чтобы вывести литовцевъ на обширное Митьково поле. Здѣсь то произошла битва, продолжавшаяся нѣсколько часовъ съ мужествомъ и упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ засада, устроенная княземъ Даніиломъ Щенею, ударила литовцамъ въ тылъ и разстроила ихъ совершенно. Восемъ тысячъ сподвижниковъ Острожскаго погибло на мѣстѣ битвы, не считая уто-

нувшихъ въ рѣкѣ. Князь Острожскій, намѣстникъ смоленскій Станиславъ, маршалки Отсюкѣвичъ и Хребтовичъ, князья Друцкіе, Масальскіе, паны: Кишка, Глѣбовичъ, Зиновичъ и множество другихъ знатнѣйшихъ въ государствѣ лицъ взяты въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ Менгли-Гирей выслалъ на Литву сыновей своихъ съ 15 т. конницы, которые выжгли Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бреславъ и другіе города, и забравъ множество народа въ плѣнъ, возвратились въ Крымъ. Отправлено было также посольство къ Стефану, господарю молдавскому, чтобы склонить его къ войнѣ съ Литвою.

Александръ, видя себя въ крайности, принялъ сначала нѣкоторыя мѣры къ защитѣ государства: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ, сносился со Стефаномъ молдавскимъ и Менгли-Гиреемъ, чтобы отвлечь ихъ отъ союза съ Москвою и вступилъ въ союзъ съ ливонскимъ магистромъ Вальтеромъ фонъ Плеттенбергомъ, а между тѣмъ отправилъ пословъ въ Москву для заключенія мира при содѣйствіи королей венгерскаго и польскаго. Въ продолженіи этого времени умеръ Іоаннъ Альбрехтъ въ 1501 году, и Александръ, домогаясь польской короны, забылъ о дѣлахъ съ Россіею. Не смотря на то, что онъ могъ, вступивъ на польскій престолъ, располагать силами двухъ государствъ, Іоаннъ успѣшно продолжалъ войну, и войска его съ двухъ сторонъ, сѣверной и восточной, нагрянули на Литву. Близъ Мстиславля воеводы Іоанновы одержали блистательную побѣду надъ княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ и Евстафіемъ Дашковичемъ, умертвили до семи тысячъ непріятелей, взяли множество плѣнныхъ и всѣ знамена. Магистръ Плеттенбергъ получилъ было нѣкоторый успѣхъ близъ Пскова, но Даніилъ Щеня, присланный Іоанномъ, отомстилъ за то ужаснымъ опустошеніемъ Ливоніи и жестокимъ пораженіемъ нѣмцевъ близъ Гельмета. Чтобы отвлечь Менгли-Гирея отъ границъ Литвы, Александръ вступилъ въ союзъ съ Шихъ-Ахметомъ, ханомъ большой Золотой Орды; но Менгли-Гирей восторжествовалъ надъ нимъ, истребивъ остатки Батыева царства. Преслѣдуемый непріятелями Шихъ-Ахметъ обратился подъ покровительство Александра, но по его приказанію задержанъ и посаженъ подъ стражу. Имѣя его въ своей власти, Александръ надѣялся держать въ страхѣ Менгли-Гирея и отторгнуть его отъ союза съ Іоанномъ. Но это безполезное злодѣйство не

доставило ему никакихъ выгодъ. Менгли-Гирей остался вѣрнымъ союзникомъ Іоанна до самой его кончины.

Должно было употребить всевозможныя усилія для примиренія съ Москвою. Предстательство папы не помогло въ этомъ случаѣ Александру. Димитрій, сынъ Іоанна, войдя съ сильнымъ войскомъ въ Литву, взялъ Оршу, выжегъ предмѣстіе Витебска и распространилъ опустошеніе до Полоцка. Приведенный въ ужасъ Александръ отправилъ въ Москву посольство, которое заключило съ нею перемиріе на шесть лѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ прибыли изъ Москвы послы взять присягу съ виленскаго епископа, что королеву Елену не будутъ принуждать къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Александръ сначала задержалъ этихъ пословъ, якобы за оскорбленіе смоленскихъ купцевъ; но вскорѣ потомъ одумался, и подписавъ перемиріе, отправилъ ихъ съ честію.

Заключенное съ Россіею перемиріе оживило остановившуюся торговлю и русскіе купцы начали привозить въ Литву товары изъ Москвы, Новагорода, Пскова, Твери и другихъ городовъ. Должно полагать, что въ то время были дѣятельнѣйшія торговыя сношенія съ Россіей, потому что для русскихъ купцовъ построенъ былъ въ Вильнѣ въ 1501 году гостинный домъ, въ которомъ они обязаны были исключительно останавливаться и продавать свои товары. На устройстно этого дома состоялась привиллегія Александра, дошедшая до насъ.

Въ продолженіи этого времени возникло въ Литвѣ внутреннее волненіе, котораго причиною былъ человѣкъ знатный, могущественный, и обладавшій несмѣтнымъ богатствомъ, но честолюбивый безъ границъ. Это былъ потомокъ перешедшаго къ Витовту одного татарскаго князя, Михаилъ Глинскій. Онъ долго служилъ императору Максиміліану и отличился многими блистательными подвигами въ Италіи. По прибытіи его въ Литву, Александръ принялъ его со всѣми знаками необыкновенной благосклонности и оказывалъ ему неограниченную довѣренность. Это произвело зависть въ литовскихъ вельможахъ, которые омрачали его безпрерывно клеветою, и наконецъ начали подозрѣвать его въ намѣреніи овладѣть великимъ княжествомъ. Глинскій видѣлъ грозу, а потому, стараясь отвратить ее, принималъ свои мѣры. Онъ не щадилъ своихъ соперниковъ, награждалъ съ необыкновенною щедростію своихъ приверженцевъ, и чрезъ то увеличилъ число своихъ непріятелей. Но его про-

искамъ лидскій староста Иллиничь безвинно смѣненъ, и мѣсто его отдано Дрозду, приверженцу Глинскаго. Воеводы виленскій, трокскій, полоцкій, староста жмудскій и намѣстникъ смоленскій представили королю, что такое дѣйствіе противно данной имъ самимъ привиллегіи при вступленіи на престолъ, по силѣ которой ни одинъ государственный чиновникъ, необличенный въ преступленіи, не могъ быть лишенъ своего мѣста. Усилія ихъ ожесточили до высочайшей степени Глинскаго. Онъ представлялъ Александру безпрерывно пагубныя слѣдствія для него и для государства отъ сопротивленія вельможъ королевской волѣ. Совѣты его имѣли на короля такое вліяніе, что Иллиничь посаженъ въ тюрьму. Трокскій воевода Забржезинскій и братъ епископа Вареоломей Таборъ лишились мѣстъ своихъ. Эти дѣйствія произвели въ государствѣ ропотъ и общую ненависть противъ Глинскаго. На радомскомъ сеймѣ епископъ смѣлою рѣчью упрекалъ короля въ безвинномъ осужденіи его брата и въ нарушеніи правъ, которыя онъ самъ утвердилъ присягою. Рѣчь свою онъ окончилъ словами: «Богъ да судитъ нарушителя клятвы!» Стрыйковскій и Кояловичь увѣряютъ, что послѣ этихъ словъ Александръ пораженъ былъ параличемъ и больной уже отправился въ Краковъ.

Между тѣмъ Шихъ-Ахметъ, который съ такою довѣренностію предалъ судьбу свою въ руки Александра, сдѣлался игрушкою вѣроломства своего союзника. Обманывая его безпрестанно обѣщаніемъ помощи противъ Менгли-Гирея, его перевозили изъ города въ городъ, а наконецъ посадили подъ стражу въ Ковнѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1506 году. Такой поступокъ не доставилъ Литвѣ ни выгодъ, ни даже спокойствія. Менгли-Гирей, узнавъ о смерти Шихъ-Ахмета, тотчасъ съ сыновьями своими напалъ на юго-восточныя области великаго княжества. Опустошивъ окрестности Слуцка, Новогрудка и Минска, татары возвратились въ Крымъ съ несмѣтною добычей.

Совершенное истощеніе государства, которое со всѣхъ сторонъ открыто было нашествію непріятеля, заставило Александра подумать объ укрѣпленіи столицы. Починка обоихъ замковъ производима была съ усиліемъ и поспѣшностію. Наконецъ положено было обвести стѣною весь городъ. Но эта работа, часто прерываемая и возобновляемая, никогда не была приве-

дена къ совершенному окончанію, и во многихъ мѣстахъ каменную стѣну замѣнилъ деревянный заборъ.

Въ 1505 году умеръ царь московскій Іоаннъ III, послѣ сорока-трехлѣтняго царствованія. Надѣясь, что юный преемникъ его будетъ сговорчивѣе непреклоннаго своего отца, Александръ отправилъ въ Москву пословъ для переговоровъ о возвращеніи отнятыхъ Іоанномъ владѣній. Но посольство это не имѣло успѣха. Василій не уступилъ ничего изъ пріобрѣтеній своего отца.

Между тѣмъ болѣзнь Александра отъ неудачнаго лѣченія неспособныхъ врачей усилилась. Жизнь его была въ опасности, а потому присовѣтовали ему обратиться къ славившемуся тогда въ Польшѣ своими мнимыми успѣхами въ лѣченіи шарлатану Балинскому; новый этотъ врачь не хотѣлъ тронуться съ мѣста, пока не выдали ему впередъ 300 червонцевъ. Потомъ, забравъ всю королевскую аптеку, прибылъ въ Вильно. Онъ устроилъ въ замкѣ баню, въ которой парилъ короля до изнеможенія, потомъ поилъ его мальвазіей. Такой способъ лѣченія совершенно истощилъ силы короля, и не было возможности оказать ему какое нибудь пособіе. Обнаружился всеобщій ропотъ противъ шарлатана, и канцлеръ Ласскій велѣлъ посадить его въ тюрьму; но оказалось, что Балинскій имѣлъ тайныхъ покровителей при дворѣ, потому что вскорѣ доставили ему средство освободиться изъ заключенія и убѣжать изъ Литвы.

Въ продолженіе болѣзни короля, крымскіе татары, въ числѣ тридцати тысячъ человѣкъ, сдѣлали нашествіе на Литву. Оставивъ подъ Клецкомъ, близъ истока Нѣмана, десять тысячъ, прочіе пустились въ разныя мѣста для грабежа. Больной король, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ собирать войско. Можно судить до какой степени безпорядка довели государство начавшіе въ немъ укореняться недостатки польскаго управленія. Литва, которая при Гедиминѣ, Ольгердѣ, Витовтѣ, выводила мгновенно въ поле громадныя ополченія, быстро возобновляла свои силы и являлась въ грозномъ видѣ даже послѣ жесточайшихъ пораженій, теперь, въ роковую свою минуту, не могла, для спасенія отечества, собрать болѣе трехъ тысячъ ратниковъ. Мало того, эта малочисленная рать не хотѣла идти противъ непріятеля безъ короля, котораго присутствіе, вмѣсто пользы, составляло только для ней лишнее бремя и препятствіе. Прежде

на голосъ великаго князя собирались многочисленныя ополченія, движимыя и направляемыя одною волею, одушевленныя одною мыслію. Теперь такъ называемая шляхта, составлявшая исключительную касту ратныхъ людей, перенимая часъ отъ часу болѣе отъ польской шляхты своеволія и прихотей, часто не могла во время составить достаточнаго числа ратниковъ, для отраженія, тѣмъ менѣе для предупрежденія опасности. Духъ безпокойства и своеволія усиливался часъ отъ часу болѣе между этой шляхтой. Это были уже не тѣ защитники отечества, кои съ самоотверженіемъ несли на пользу ему жизнь свою и отстаивали грудью его безопасность и славу! Это уже родъ наемниковъ, заставляющихъ себѣ платить за кровь свою, грозящихъ удаленіемъ съ поля битвы при неполученіи платы, и наконецъ рѣшающихся поднимать руки на вождей своихъ, не могшихъ удовлетворить ихъ прихотямъ, какъ то увидимъ ниже.

Не смотря на тяжкую болѣзнь свою, Александръ рѣшился удовлетворить странному желанію войска и отправился за нимъ въ сопровожденіи Елены. Доѣхавъ до Лиды, онъ не могъ уже продолжать путешествія. Тѣлесныя силы совершенно оставили его. Тамъ онъ составилъ завѣщаніе, которымъ назначилъ по себѣ наслѣдникомъ брата своего Сигизмунда, поручивъ его попечительству супругу. Непріятель быстро приближался къ Лидѣ. Опасность, въ которой находился король, пробудила наконецъ чувства долга и совѣсти въ шляхтѣ, которая со всѣхъ сторонъ начала стекаться въ Лиду. Но при всемъ томъ, число ихъ достигло не болѣе семи тысячъ. Положено было отправить больнаго короля въ Вильно. Преодолѣвъ величайшія трудности, и избѣгая очевидной опасности, Александръ прибылъ наконецъ въ столицу. Въ это время Глинскій, принявъ начальство надъ войскомъ, выступилъ отважно противъ несравненно многочисленнѣйшаго непріятеля. Встрѣтивъ татаръ въ семи верстахъ отъ города, онъ разбилъ ихъ на голову. Вѣсть о томъ утѣшила короля въ послѣднія минуты его жизни; вскорѣ по полученіи ея онъ умеръ 19 августа 1506 года.

Потери, понесенныя Литвою въ царствованіе Александра, были весьма ощутительны. Казалось, сначала онъ понялъ, что союзъ съ Россіей составлялъ единственное средство къ укрѣпленію могущества и утвержденію благосостоянія его государства; но онъ не умѣлъ пользоваться ни родствомъ съ могуществен-

нимъ сосѣдомъ, ни урокомъ, какимъ могъ бы просвѣтить его примѣръ отца. Увлекшись духомъ ложно понятаго благочестія и сдѣлавшись орудіемъ фанатическаго духовенства, ожесточилъ противъ себя большую часть подданныхъ и тестя своего обратилъ въ непріятеля. Такимъ образомъ, потерявъ весь лѣвый берегъ Днѣпра, лишилъ государство преимущественнѣйшей, можно даже сказать, существенной силы, преслѣдуя и приведя въ уныніе Литовскую Русь, и предавъ ее на жертву хищничеству татаръ.

Одно только Вильно въ царствованіе Александра пріобрѣло многія выгоды, украсилось новыми зданіями и обогатилось по причинѣ почти безпрерывнаго пребыванія въ немъ королевской фамиліи. Торговля съ русскими, привозившими мѣховые товары, производилась дѣятельно; не малымъ содѣйствіемъ къ тому служило устройство гостиннаго двора. Успѣхъ сношенія съ Россіей затрудняло одно только латинское духовенство, поселившее отвращеніе къ русскимъ, которыхъ силялось обратить въ латинство. Александръ призвалъ въ Вильно доминикановъ и помѣстилъ ихъ при костелѣ св. Духа, снабдивъ ихъ фундушемъ, и мѣстами для построекъ. Съ тѣхъ поръ одинъ изъ этихъ монаховъ былъ всегда каѳедральнымъ проповѣдникомъ. При Александрѣ устроенъ и увеличенъ былъ арсеналъ въ верхнемъ замкѣ, и учрежденъ литовскій монетный дворъ. Стараніемъ королевы Елены построена русская церковь св. Духа и исправлены прежнія церкви, въ чемъ никакъ не могъ ей воспрепятствовать Александръ, не смотря на привиллегію Казимира, о которой упомянуто выше; наконецъ при Александрѣ построенъ громадный бернардинскій костелъ, вмѣсто бывшаго деревяннаго, и при немъ прекрасный маленькій костелъ св. Анны въ готическомъ вкусѣ.

Сигизмундъ не засталъ уже брата въ живыхъ, только присутствовалъ при его погребеніи, которое совершилось съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Тѣло его похоронено въ часовнѣ каѳедральнаго собора, близъ того мѣста, гдѣ покоились останки брата его Казимира.

Въ десятый день послѣ погребенія Александра, литовскіе вельможи возвели на великокняжескій престолъ Сигизмунда, 20 октября 1506 года, не сносясь по этому предмету съ Польшею, чѣмъ явственно доказали, что Литва сохранила еще

свою самостоятельность и не смотря на всѣ старанія потомковъ Ягайлы, почитала себя совершенно отдѣльнымъ государствомъ, не думая о соединенiи съ Польшею и не считая это за особенную важность.

Поляки, съ своей стороны, не выпускали изъ виду Литвы. Со смертiю Александра они утратили влiянiе на дѣла ея. Чтобы возобновить его, не было другаго средства, какъ провозгласить королемъ польскимъ новаго великаго князя литовскаго. Это было одно средство къ утвержденiю предположеннаго соединенiя двухъ народовъ; и поляки взялись за него поспѣшно. Вскорѣ послѣ коронацiи въ Вильнѣ совершилась другая въ Краковѣ, и Сигизмундъ вступилъ на польскiй престолъ.

Въ продолженiи этого времени царь московскiй Василiй Iоанновичъ послалъ чиновника своего Наумова съ утѣшительною грамотою къ Еленѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было тайно Наумову, при содѣйствiи вдовствующей королевы, склонить вельможъ Литвы и Польши къ соединенiю трехъ государствъ избранiемъ въ короли Василiя. Эта мысль, хотя смѣлая и удивительная по тогдашнимъ обстоятельствамъ, оправдывала умъ и дальновидность Василiя. Постигая, что Литва и Россiя не могутъ иначе примириться, какъ составивъ одну державу, онъ хотѣлъ предупредить кровопролитные споры о границахъ, которые, въ продолженiи трехъ послѣдовавшихъ вѣковъ истощали оба государства и кончились на послѣдокъ слiянiемъ ихъ въ одно. Сколькихъ раздоровъ, бѣдствiй, преслѣдованiй и ожесточенныхъ войнъ избѣжали бы оба народа, еслибы великая мысль Василiя могла тогда же осуществиться! Обладая въ мирѣ и согласiи подъ однимъ вѣнценосцемъ сѣверо-восточною Европою, чего не могли бы они предпринять и совершить для славы и могущества своего общаго отечества! Но Наумовъ прибылъ поздно. Сигизмундъ былъ уже въ то время на престолѣ Литвы и Польши. Елена увѣдомила о томъ брата. Положенiе ея было, по смерти мужа, весьма горестное. Она не имѣла въ Литвѣ никакого вѣса, ни покровительства, и испытала многiя оскорбленiя, отъ которыхъ не защитили ее ни санъ, ни добродѣтели. Она оставалась въ Вильнѣ, поддерживая русскiя церкви и монастыри, въ которыхъ имѣла данное мужемъ право назначенiя старшихъ. (Jus Collationis).

Въ 1508 году князь Константинъ Острожскій, измѣнивъ присягѣ, данной Василію, и оскорбивъ обманомъ митрополита, давшаго за него поручительство, бѣжалъ изъ Москвы и прибылъ къ Сигизмунду, который принялъ его необыкновенно милостиво.

По смерти Александра ободрились всѣ завистники Глинкаго, и пылая противъ него непримиримою ненавистію, чернили его передъ Сигизмундомъ. Въ особенности ненавидѣлъ и злословилъ его передъ королемъ трокскій воевода Забржезинскій. Болѣе всего возбуждали противъ него негодованіе короля тѣмъ, что обвиняли его въ стремленіи къ достиженію верховной власти. Напрасно Глинскій многократно убѣждалъ Сигизмунда быть судіею между имъ и его врагами и дать ему случай оправдать себя совершенно. Сигизмундъ уклонялся отъ удовлетворенія его просьбѣ и оказывалъ ему постоянную холодность. Глинскій, выведенъ будучи изъ терпѣнія, сказалъ королю: «Государь! Мы оба, и ты и я, будемъ раскаяваться, но поздно.» Забравъ съ собою братьевъ Ивана и Василія, созвавъ своихъ родственниковъ и друзей, прибылъ въ принадлежавшій ему Туровъ, и вооруживъ своихъ приверженцевъ, вошелъ въ уговоръ съ царемъ московскимъ. Увѣрясь въ его помощи, онъ напалъ съ сообщниками своими на домъ Забржезинскаго близъ Гродна, велѣлъ отрубить ему голову, умертвилъ многихъ непріятелей своихъ, потомъ съ братьями и дружиной перешелъ на сторону Василія Іоанновича. Началась между Василіемъ и Сигизмундомъ война, которой слѣдствіемъ было опустошеніе значительной части Литвы. Глинскій, соединясь съ московскими воеводами на берегахъ Березины, распространилъ опустошеніе до Вильна. Полки изъ Москвы и Новагорода подъ начальствомъ боярина Якова Захарьевича и славнаго Даніила Щени заставили князей Друцкихъ присягнуть въ вѣрности Іоанну. Не смотря на отчаянное состояніе государства, Сигизмундъ не упалъ духомъ. Собравъ поспѣшно войско, онъ изумилъ своихъ непріятелей нечаяннымъ приближеніемъ къ Оршѣ. Русскія войска перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Станиславъ Кишка завладѣлъ было на время Дорогобужемъ, но Холмскій и Яковъ Захарьевичъ выгнали его оттуда. Наконецъ при содѣйствіи королевы Елены заключенъ былъ миръ, по которому Россія возвратила Сигизмунду нѣсколько смоленскихъ

волостей, взятыхъ Василіемъ, а король утвердилъ за Россіею всѣ пріобрѣтенія Іоанновы.

1509 годъ ознаменованъ соборомъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія въ Вильнѣ, на которомъ составлены въ XV статьяхъ правила, относящіяся къ занятіямъ, роду жизни и нравственности духовныхъ лицъ, также предостереженія, чтобы свѣтская власть не вмѣшивалась въ духовныя дѣла и не касалась церковной собственности подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви и разныя другія постановленія. Дѣйствія этого собора убѣждаютъ, что русская церковь въ Литвѣ пользовалась еще въ то время свободою и независимостію, и оставалась вѣрною православному греко-каѳолическому ученію. Соборъ начался 25 декабря, а кончился 15 генваря слѣдующаго 1510 года. Засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа Солтана; присутствовали епископы: владимірскій и брестскій Вассіянъ, смоленскій Варѳоломей, луцкій и острогскій Кирилъ, полоцкій и витебскій Евфимій, туровскій и пинскій Арсеній, перемышльскій Антоній и хелмскій Филаретъ. Уже по числу епископовъ можно судить о перевѣсѣ православной Литвы надъ латинскою. На виленскій соборъ собралось 8 православныхъ епископовъ, тогда какъ католики имѣли въ Литвѣ только одного виленскаго. Кромѣ епископовъ находились на соборѣ 7 архимандритовъ, 6 игуменовъ и 7 протоіереевъ.

Между тѣмъ въ продолженіи трехъ лѣтъ ведены были тщетные переговоры съ Москвою, пока наконецъ новое обстоятельство не довело обѣ державы до явнаго разрыва. Неизвѣстно по какой причинѣ воспрещено вдовствующей королевѣ Еленѣ возвратиться въ Москву, по смерти ея супруга. Она жила въ Вильнѣ уединенно, посвятивъ себя молитвѣ и благотворенію, и не мѣшаясь вовсе въ государственныя дѣла. Сигизмундъ, не оказывая ей никакого вниманія, умножалъ только дерзость литовскихъ вельможъ, которые начали дѣлать ей различныя оскорбленія. Въ 1512 году она хотѣла отправиться въ свое имѣніе близъ Бряславля, и приготовивъ все къ отъѣзду, пошла по обыкновенію въ церковь къ обѣднѣ. Воеводы Николай Радзивилъ и Юрій Остыкъ, увидя приготовленныя къ дорогѣ повозки, бросились въ церковь во время обѣдни, крича: «ты хочешь бѣжать въ Москву,» и схвативъ ее за рукава,

вывели изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки, держали въ неволѣ и удалили отъ нея всѣхъ слугъ ея. Это происшествіе, въ описаніи котораго всѣ историки согласны между собою, говоритъ убѣдительнѣе всякаго вывода и заключенія. Подобнаго примѣра не представляетъ исторія Литвы даже во времена язычества и варварства ея.

(Изъ «Виленскаго Вѣстника.»)

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕЛЕНІЕ ГУЛЬЧА (острог. уѣзда)

и

ИСТОЧНИКЪ Св. НИКОЛАЯ

Въ с. Гульчѣ (острогскаго уѣзда) съ незапамятныхъ временъ, а можетъ быть даже и со времени водворенія христіанства, существуетъ гротъ или капличка надъ вытекающимъ изъ подъ горы широкимъ двойнымъ ключомъ, у большой дороги изъ г. Острога въ г. Дубно. Народъ всегда подобнымъ дѣйствительно-удивительнымъ явленіямъ природы приписываетъ чудодѣйственную силу и украшаетъ ихъ образомъ святителя Николая— охранителя путниковъ на водѣ и сушѣ, или таковымъ же образомъ св. Іоанна Крестителя, въ символъ и память крещенія всего міра христіанскаго. Съ теплою вѣрою сотворивъ крестное знаменіе, путникъ не пройдетъ мимо, чтобы не принести въ честь угодника и святителя лепты во славу Божію. Кому же какъ не церкви и не олтарю изъ камня источающаго воду принадлежитъ эта посильная жертва народнаго вѣрованія? На всемъ пространствѣ православія по руской землѣ не найдется святотатственной руки, которая бы разбивала и оскверняла этотъ священный сосудъ народной вѣры и присвоивала себѣ, какъ оброчную статью, религіозную жертву, похитивъ ее у церкви. На сколько неизсякаемо-бѣгущій ключъ изъ подъ горы въ с. Гульчѣ древнѣе благоговѣніемъ устроеннаго надъ нимъ грота, настолько водворенная въ здѣшнемъ населеніи православная религія древнѣе католической. Этимъ опредѣляется право религіознаго обладанія источникомъ: церкви ли *православной*, неизмѣнно существующей съ 9 вѣка, не смотря на временное вліяніе здѣсь уніи, какъ удостовѣряютъ просмотрѣнныя мною съ 1751 года церковныя историческія записи православныхъ гульчанскихъ священниковъ о родившихся и

умершихъ, писанныя чистымъ русско-славянскимъ языкомъ и почеркомъ, и только съ 1788 года, сначала съ непривычною и неловкою примѣсью польско-латинскихъ словъ, а послѣ до мая 1795 г. исключительно письмомъ польскимъ, но словами все-таки русскими или церковно-славянскими; или же—церкви *католической*, устроенной только въ этомъ (1795) году помѣщикомъ Игнатіемъ Подгородецкимъ въ православномъ свято-Николаевскомъ храмѣ для своего одного семейства, лишивъ народъ храма, изстари существовавшаго на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ доказываетъ, до сего 1863 года, на супротивъ оного расположенная усадьба, и, разъединивъ себя окончательно съ народомъ, началъ для него постройку православной церкви за версту отъ прежней, гдѣ она и нынѣ существуетъ у почтовой дороги, освященная прежнимъ именемъ гульчанскаго святителя Николая. Сосѣдство съ помѣщичьей усадьбой прежней православной церкви и ея служителей напоминаетъ древнюю, посредствомъ ея, связь владѣльцевъ съ народомъ. Новая православная церковь окончена въ 1799 году. Видно это изъ церковныхъ документовъ и свидѣтельства гульчанскихъ старожиловъ. Помнятъ еще они, по преданію, это грустное для ихъ отцевъ время, когда, вытѣсненные изъ прежняго храма, они въ продолженіи 3 или 4 лѣтъ исповѣдывались въ оставленной для нихъ одной колокольнѣ, а для принятія святыхъ тайнъ ходили за нѣсколько верстъ въ маленькую церковку въ с. Глупанинъ, принадлежащее тому же владѣльцу, обращенную въ послѣдствіи въ водочный, а затѣмъ—въ хлѣбной магазинъ. Такимъ образомъ отнятая Подгородецкимъ прежняя православная церковь обращена въ римско-католическую при домѣ владѣльца каплицу, безъ отчужденія однако церковныхъ угодій и всего того, къ чему привязаны вѣрованія и вѣковыя убѣжденія народа.

По прежнему народъ, отвергнувъ унію, приносилъ моленія надъ неизсякаемымъ ключемъ предъ образомъ Святителя Николая. Этотъ образъ носитъ на себѣ всѣ признаки глубочайшей древности. Онъ рисованъ на деревѣ; краски сохранились слабо, но ясно; все поясное изображеніе Святителя на ровной плоскости, но правая благословляющая рука выпукла, равно какъ и лѣвая съ евангеліемъ, на коемъ наугольникъ съ евангелистами приподнятыми выше; вся вообще работа

проста въ высшей степени, а живопись вѣрна церковнымъ преданіямъ; съ правой стороны лика надпись болѣе круглыми, нежели продолговатыми буквами подъ титлами: *Святитель Николай*, а съ лѣвой—*нашъ отецъ*. Когда и кѣмъ поставленъ этотъ образъ гульчанскіе старожилы не помнятъ. Преданіе однако устами старцевъ передало позднѣйшимъ потомкамъ, что на горѣ надъ источникомъ одинъ изъ благочестивыхъ встарину владѣльцевъ с. Гульчи предполагалъ воздвигнуть православный монастырь противъ и въ виду монастыря Дериганскаго; что выше упомянутый Игнатій Подгородецкій устроилъ на ней гульбище для гостей своихъ; что онъ же, замѣнивъ надъ источникомъ старинную деревянную капличку каменнымъ гротомъ, съ углубленіемъ въ восточной стѣнѣ мѣста для образа Святителя, въ коемъ онъ находился до настоящаго времени,—движимый католическимъ чувствомъ, вмѣстѣ съ отдаленіемъ отъ дома своего православной церкви съ 1795 г., въ ночное время съ факелами на лодкѣ по чистому тогда (нынѣ заглохшему) пруду торжественно привезъ деревяную статую Яна-Непомуцена и поставилъ ее въ томъ же гротѣ св. Николая, къ стѣнѣ западной, гдѣ она стоитъ и до нынѣ; разчистилъ бассейникъ, образующійся по выходѣ источника, выложилъ берега его разнофигурными камнями съ причудливыми естественными формами; что въ избушкѣ, построенной съ незапамятныхъ временъ, всегда помѣщался кто-либо изъ православныхъ гульчанъ (изъ коихъ одинъ въ живыхъ еще) для наблюденія за народною святыней и цѣлостію доброхотныхъ на украшеніе церкви Божіей приношеній. Отнятіе древняго православнаго Свято-николаевскаго приходскаго храма, съ перенесеніемъ церкви въ храмъ новый и съ обращеніемъ перваго—изъ бывшаго православно-уніатскаго въ римско-католическую безприходную каплицу, и помѣщеніе въ гротѣ св. Николая статуи Яна, дали насильственное право вмѣшательства и отчужденія отъ православной церкви того, что народное благоговѣніе приносило у источника на пользу церкви Сватителя Христова Николая.

По смерти Игнатія Подгородецкаго, около 1800 года, зло имъ посѣянное незамедлило принести и плоды соотвѣтственные. Гульча перешла во владѣніе до 10 мелкихъ владѣльцевъ: кружка у источника св. Николая стала предметомъ соискательства между ними, упираясь на право сильнѣйшаго, и благого-

вѣйное чувство народа сдѣлалось доходною ихъ статьею. Помѣщикъ деревни Урвенны Порчинскій, получивъ въ администраціонное управленіе половину Гульчи, требуетъ у гульчанскаго же помѣщика Мартына Подгородецкаго свѣдѣнія объ употребленіи приношеній у источника св. Николая, на что получаетъ въ отвѣтъ, что часть сего пожертвованія онъ употребляетъ на гульчанскій костелъ, а другую—на освѣщеніе этапнаго дома, гульчанскіе же крестьяне говорятъ,—на *гербату*. Порчинскій, при постройкѣ дома въ Урвенной, расчитывался ими съ рабочими и за доставку строительныхъ матеріаловъ. Наслѣдникъ его Викентій Омецинскій, по свидѣтельству крестьянъ, пошелъ еще далѣе: онъ этими пожертвованіями расчитывался съ жидами,—заимодавецъ его Ицко два раза удовлетворялся изъ кружки св. Николая. Тоже нерѣдко повторялось и при недавно бывшемъ поссесорѣ Горновскомъ для удовлетворенія арендаря своего еврея Нейваха. Бѣглый солдатъ нѣсколько лѣтъ назадъ, отбивъ кружку, унесъ ее; истребители кружечнаго сбора долго не прибивали новой; крестьяне-прихожане гульчанской церкви поставили свою кружку, и, когда она наполнилась, Викентій Омецинскій приказалъ принести къ себѣ и опорожнилъ ее. Не стыдъ ли христіанству и владѣльцамъ, хвалящимся своею *цивилизаціею*, благоговѣйное чувство народа обращать въ свою пропинацію или корчемную аренду?!

Но обращаюсь къ послѣднему происшествію у сего благоговѣйнаго прибѣжища молитвы, вызвавшему настоящее розысканіе, основанное на мѣстной исторіи, церковныхъ документахъ и преданіяхъ гульчанскихъ старожиловъ. Въ четвергъ, 31 октября сего 1863 года, по приказанію Генриха Еловицкаго, владѣющаго частію с. Гульчи, два рабочихъ—каменщикъ и плотникъ, вынувъ икону Святителя, отнесли ее въ сторожевую избушку и стали разширать въ стѣнѣ углубленіе, въ коемъ помѣщалась икона, для вставки на ея мѣсто зеркала, которое и вставлено. Проходившій въ это время сельскій староста Степанъ Миськовъ первый увидѣлъ такое нахальное поруганіе святыни. Вѣсть о такомъ оскорбительномъ для народнаго благочестія поступкѣ разнеслась и взволновала все селеніе. Крестьяне то собираются къ источнику, и—бранятся съ рабочими и католическимъ приставникомъ у грота, то обращаются къ священнику, выражая ему намѣреніе всѣхъ идти

къ Еловицкому и требовать возстановленія святой иконы на свое мѣсто, то жалуются вновь прибывшему приставу, который, по прибытію своемъ послѣ произшедшаго, не могъ предупредить совершеннаго Еловицкимъ преступленія. На другой или третій день икона Святителя повѣшена съ правой стороны зеркала такъ однако, что благословляющая рука его и надпись закрыта навѣшенною на ней другою иконой Ченстоховской Богоматери. Видъ и движенія молящагося повторяются въ зеркалѣ, возбуждая задушевную скорбь и идольское омерзеніе. При глубокой религіозности гульчанскихъ крестьянъ и благоговѣнію къ Святителю, ихъ храмовому патрону (въ чемъ я съ умиленіемъ удостовѣрился, молясь съ ними въ церкви), надобно удивляться ихъ воздержанности за публичное и такое дерзкое поруганіе святыни отвѣчать открытымъ своеволіемъ,— въ этомъ честь принадлежитъ ихъ священнику о. Якову Немоловскому. Ноября 8, въ день архистратига Михаила, зеркало невѣдомо кѣмъ *разбито*. Въ поданномъ объ этомъ объявленіи приставу 3 стана помѣщикъ Еловицкій говоритъ: «и такъ дѣйствительно сбылось поруганіе святыни (!), какого до сихъ поръ не только не случалось, но ни о чемъ подобномъ никто не слыхалъ,» и требуетъ открытія виновныхъ и преданія ихъ уголовному суду съ взысканіемъ за разбитое зеркало, внушивъ при томъ всѣмъ прочимъ крестьянамъ с. Гульчи, дабы они впередъ не рѣшались на подобныя нападенія на святыню, имъ непринадлежащую, которую онъ намѣренъ украсить новымъ зеркаломъ. А между тѣмъ, для исполненія сей послѣдней цѣли, загоняетъ къ себѣ въ экономическій дворъ крестьянскій скотъ, бродившій по полѣ и подошедшій къ неогороженной скирдѣ, и требуетъ за каждую штуку по рублю Деньги вносятся ими и отрабатываются крестьянами терпѣливо, толкуя съ своимъ старостой, что это—невинная контрибуція за разбитое зеркало.

Между тѣмъ, не отвѣчая за насиліе насиліемъ и поступивъ благочиннѣе своего оскорбителя благоговѣйнаго чувства, старѣйшины—прихожане Свято-Николаевской церкви селеній Гульчи, Урвенны и Глупанина, съ скорбнымъ выраженіемъ чувствъ своихъ за поруганіе ихъ вѣковой святыни, идутъ путемъ справедливости и защиты закона. Побуждаемые религіозною привязанностію къ лику своего угодника, предъ коимъ,

как они выражаются въ поданномъ его высокопреосвященному архіепископу Антонію 3 прошедшаго ноября прошеніи, они и прадѣды ихъ молились, когда безжалостныя руки отнимали у нихъ большую часть кроваваго труда, а нерѣдко семейную честь и здоровье, и только здѣсь слагали они свое горе и облегчали свое сердце, и потому, видя въ этомъ посрамленіи своей святыни стыдъ не только себѣ, но памяти своихъ предковъ и всей церкви православной, просятъ: 1) съ торжественнымъ молитвословіемъ возстановить икону святителя Николая на прежнее мѣсто, и 2) самый гротъ или капличку, какъ древнее достояніе, отнятое въ смутное время католическихъ насилій, возвратить гульчанской приходской церкви, освященной благословеніемъ Николая Чудотворца; что же касается до сажня земли, къ коему привязано народное благоговѣніе, то, если недостаточно еще для владѣльцевъ с. Гульчи отнятыхъ у церкви въ теченіи почти 70 лѣтъ набожныхъ приношеній у сего источника и обращаемыхъ въ свою пользу,—то они готовы выкупить по частямъ святую для нихъ землю.

Изъ переписки волынской духовной консисторіи видно, что кружка у источника св. Николая отъ благоговѣйныхъ приношеній путниковъ, богомольцевъ и окрестныхъ православныхъ прихожанъ давала въ годъ до 200 р., что въ теченіи 68 лѣтъ (съ 1795 г.) составитъ безбожно отнятаго у церкви достоянія 13,600 руб. Недаромъ бывшій владѣлецъ части с. Гульчи Порчинскій, около 1825—26 года, или близь того времени, пожертвовалъ 40 корцевъ овса, какъ передалъ съ прискорбіемъ бывшій на ту пору благочинный Гловацкій преемнику своему протоіерею Ревиновичу, на засыпку и уничтоженіе жерла источника св. Николая, бьющаго однако и нынѣ съ равною силою.

Такъ какъ фанатическимъ поступкомъ владѣющаго частію с. Гульчи Генриха Еловицкаго нетолько поругана святыня и оскорблено благочестіе народа, но оскорблены съ тѣмъ вмѣстѣ честь и достоинство господствующей религіи, и—въ зеркальной эффектности нельзя не видѣть католической пропаганды;—то, на основаніи всего вышеизложеннаго, не будетъ ли совершенно справедливо:

1) Гротъ, или капличку св. Николая одноименную съ гульчанскою приходскою церковью, освященную народнымъ бла-

говѣніемъ и бывшую древнимъ ея достояніемъ—возвратить православной церкви св. Николая.

2) Древній ликъ Чудотворца возстановить торжественно на прежнее мѣсто, отправивъ статую Яна-Непомуцена въ римско-католическую безприходную каплицу, устроенную въ бывшемъ православно-уніатскомъ храмѣ.

3) Обязать приходскаго священника, принявъ гротъ и кружку въ свое вѣдѣніе, совершать каждогодно къ источнику св. Николая торжественные крестные ходы: января 6, апрѣля 23, мая 9, августа 1, въ день преполовенія и декабря 6.

4) Сельскую стражу, помѣщаемую нынѣ въ корчмѣ, помѣстить въ сторожевомъ при источникѣ домикѣ, какъ для исполненія своей обязанности, такъ и для благочестиваго охраненія святыни.

Примѣч. Католическія притязанія къ источнику св. Николая и его кружкѣ начались со времени устройства косцёла въ бывшемъ храмѣ святителя Николая, приписанномъ въ послѣдствіи по безприходности къ острогскому косцёлу. Въ с. Гульчѣ католическаго исповѣданія живущихъ постоянно и временно м. п. 31 и ж. 29. Ближайшій косцёлъ находится въ Тайкурахъ (8 верстъ). Такимъ образомъ *горсть католиковъ* ругается надъ благочестіемъ *тысячи православнаго народа*.

Ѳ. Китченко.

ОТВѢТЪ г. Н. КОСТОМАРОВУ.

Въ 6-мъ № газеты *День* прочитали мы отвѣтъ г. Н. Костомарова на письмо наше: «о новомъ фазисѣ нашей хохломаніи,» напечатанное въ 13 № *Московскихъ Вѣдомостей* за текущій годъ [1]). Въ этомъ любопытномъ отвѣтѣ г. Н. Костомарова ясно различаемъ мы двѣ главныя мысли: 1) г. Костомаровъ жалуется, что мы назвали его по имени, говоря о хохломаніи; 2) авторитетомъ Академіи Наукъ, одобрившей переводъ Евангелія на малороссійское нарѣчіе, доказываетъ, что тенденціи хохломановъ не сепаративны.

На первое отвѣчаемъ, что не наша вина въ томъ, что г. Костомаровъ, по своей доброй волѣ, сдѣлалъ неизбѣжнымъ свое имя во всякой рѣчи о хохломаніи; на второе, что авторитетъ Академіи Наукъ, одобрившей переводъ Евангелія, нисколько не доказываетъ, что тенденціи нашихъ хохломановъ не сепаративны.

1) Г. Костомаровъ былъ однимъ изъ передовыхъ сотрудниковъ существовавшаго у насъ хохломанскаго органа *Основа*; г. Костомаровъ одинъ изъ первыхъ заявилъ мысль о необходимости обученія на малороссійскомъ нарѣчіи; г. Костомаровъ доказывалъ и теперь доказываетъ пользу и необходимость изданія *Евангелія* [2]) и учебныхъ книгъ на малороссійскомъ на-

[1]) См. Вѣстн. юго-запад. и запад. Россіи за 1863 г. кн. 5.

[2]) Даже, по увѣренію „Меты," самъ занимается переводомъ

рѣчіи и вообще необходимость образованія особой малороссійской литературы; г. Костомаровъ собираетъ деньги и издаетъ никому ненужныя хохлацкія книги; г. Костомаровъ всегда *ратовалъ* и теперь неутомимо ратуетъ за хохломанію; г. Костомарова заграничный хохломанскій журналъ *Мета* величаетъ главою хохломановъ: можно ли было, послѣ всего этого, миновать имя г. Костомарова, говоря о новомъ фазисѣ нашей хохломаніи?

Г. Костомаровъ, сознаваясь, въ помянутомъ отвѣтѣ своемъ на письмо наше, что онъ признавалъ и признаетъ полезность перевода Евангелія на малороссійское нарѣчіе и вообще изданія на этомъ нарѣчіи книги, требуетъ доказательствъ на то, что его тенденціи *вредны, сепаративны*, и *приготовляютъ зло Россіи*. Но развѣ серіозная затѣя, *обособить малороссійское нарѣчіе* и сдѣлать его *самостоятельнымъ литературнымъ языкомъ*, не есть уже и сама по себѣ *сепаративная* тенденція. Развѣ она, въ какомъ-бы-то ни было отношеніи, можетъ быть полезна и обѣщаетъ какое-нибудь добро Россіи? Скажемъ больше: развѣ эта затѣя можетъ имѣть какой-нибудь человѣческій смыслъ безъ обособленія Малороссіи въ особый народъ и отдѣльное государство? Развѣ мы не видѣли и не знаемъ, въ какомъ духѣ и направленіи издавалась *Основа* и печатались въ ней статьи, въ особенности на малороссійскомъ нарѣчіи? Развѣ статьи: «О федеративномъ началѣ Руси,» «Правда полякамъ,» «Правда москалямъ,» и другія подобныя, не тоже говорятъ намеками, что «Становище Руси супротивъ лядско-московской борби,» *Климковича*, говоритъ *ясно и открыто?*... Вы скажете, что мы васъ не поняли?... Должно быть такъ; только всѣ васъ такъ поняли, всѣ, отъ Вѣстника юго-западной и западной Россіи до Меты и ея корреспондентовъ и сотрудниковъ... Не насъ же вините, что своими сочиненіями вы заставляете насъ понимать васъ такъ дурно. Другихъ мы обыкновенно понимаемъ лучше... Послѣ такого заявленія любви вашей къ хохломаніи, послѣ выше помянутыхъ и другихъ подобныхъ статей и сочиненій ва-

его на малорусское просторѣчіе. Не выйдетъ ли изъ этого перевода перелицiованное Евангеліе, похожее на „перелицiованную Энеиду?“ Ред.

щихъ, такая мысль, какъ слѣдующая, помѣщенная въ вышеуказанномъ отвѣтѣ вашемъ Малороссу — Волынцу: «по нашему глубокому убѣжденію, мысль объ отложеніи Малороссіи до такой степени чужда исторической истины, что и говорить объ этомъ серьезно нельзя;» мысль эта, сама по себѣ вполнѣ вѣрная, въ устахъ вашихъ, извините нашу откровенность, есть не болѣе какъ фраза, которая не имѣетъ для насъ никакого значенія, когда говорите вы ее. Такая мысль, съ убѣжденіями вашими, положимъ, хоть въ необходимости перевода Евангелія на малороссійское нарѣчіе и изданія малороссійскихъ учебныхъ книгъ, не имѣетъ ни малѣйшей связи. Съ такими убѣжденіями эта мысль стоитъ не только особнякомъ, но и въ прямомъ противорѣчіи. Въ самомъ дѣлѣ, если чужда исторической истины мысль объ отложеніи Малороссіи отъ Россіи въ политическомъ отношеніи, то не болѣе ли должна быть чужда всякой истины мысль объ отложеніи Малороссіи отъ Россіи въ народномъ отношеніи, особенно въ *языкѣ*, какъ одномъ изъ самыхъ существенныхъ и коренныхъ проявленій народности?.. Такое отдѣленіе по нашему мнѣнію, хуже политическаго: болѣзнь такого *сепаратизма* не ограничивается поверхностію организма, но проникаетъ въ самыя убѣжденія и желанія, — въ самую душу народа.

Г. Костомарову въ литературѣ нашей не однократно было уже замѣчено, что онъ любитъ морочить своихъ читателей софизмами. Такъ онъ дѣлаетъ и въ отвѣтѣ своемъ Малороссу — Волынцу. Появленіе «*Меты*,» напр., онъ называетъ слѣдствіемъ полемическихъ статей *Московскихъ Вѣдомостей* и другихъ. Г. Костомаровъ знаетъ, конечно, что это чистый софизмъ, который называется въ логикахъ: conseqиens pro antecedente et antecedens pro consequente, (послѣдующее вмѣсто предъидущаго и предъидущее вмѣсто послѣдующаго). Ну, а появленіе *Основы* и въ ней вышепомянутыхъ статей вашихъ и другихъ, отдѣльныхъ статей и книжечекъ — чему приписать? Тоже полемическимъ статьямъ?.. А намъ казалось, что хохломаны прежде клали *Основу* (*чего* это *основа*?), а потомъ уже появились люди, которые стали разрушать эту *основу*. А что касается *Меты*, то мы думаемъ, что она также явилась не вслѣдствіе вашихъ полемическихъ статей, а просто вмѣсто *Основы*, которой, послѣ сдѣланныхъ ей въ литературѣ

нашей обличеній, какъ-то неловко и затруднительно было продолжать въ Россіи свое существованіе. За то возродившаяся *Основа* имѣетъ то преимущество предъ первою, что менѣе двоедушничаетъ: она изъ Львова, какъ *Искандеръ* изъ Лондона, яснѣе и откровеннѣе высказываетъ намъ задушевныя идеи хохломановъ.

Напрасны увѣренія ваши, г. Костомаровъ, что ратующіе противъ хохломаніи ратуютъ противъ *призраковъ*. Никто болѣе насъ не увѣренъ, что идея самобытнаго существованія Малороссіи въ высшей степени *нелѣпа*; но дѣло въ томъ, что фактъ существованія такой безразсудной идеи въ головахъ нѣкоторыхъ сумасбродовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Конечно, идея эта останется безъ примѣненія къ дѣлу, если заблаговременно будутъ приняты мѣры противъ этихъ безумцевъ: но дайте волю этимъ господамъ, и вы увидите, что эти призраки превратятся въ такія событія, какія видимъ теперь въ Польшѣ. Вѣдь и тамъ дѣло началось законнымъ, повидимому, требованіемъ введенія польскаго языка въ преподаваніе и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ обойтись безъ него вполнѣ было возможно,—гимнами, манифестаціями, ношеніемъ чемарокъ, траура и другими подобными мелочами. Вѣдь и тамъ не только простой народъ, но и многіе благомыслящіе дворяне и другія сословія не сочувствовали, да и теперь не сочувствуютъ, затѣямъ сумазбродныхъ революціонеровъ: однакожъ бѣдствія и опустошенія страны, къ общему несчастію нашему, ясно,—уже не призракъ, и вотъ длятся уже другой годъ. Намъ, здѣсь на мѣстѣ, гораздо виднѣе, нежели вамъ, изъ такой дали, каковы эти призраки, и чего можно ожидать отъ нихъ.

2) Какъ самое твердое и неопровержимое доказательство того, что тенденціи хохломановъ *не сепаративны*, г. Костомаровъ представляетъ авторитетъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, одобрившаго переводъ Евангелія на малороссійское нарѣчіе. «Неужели,» говоритъ онъ, «и членовъ Академіи станутъ подозрѣвать въ сепаративныхъ тенденціяхъ и въ солидарности съ *Метою*?» Отвѣчаемъ: Академіи Наукъ мы можемъ и не подозрѣвать въ сепаративныхъ тенденціяхъ, а другихъ все-таки имѣемъ право считать *сепаратистами*. Со стороны Академіи Наукъ мы не видимъ иниціативы въ этомъ дѣлѣ.

Академія Наукъ не объявляла съ своей стороны требованія перевода Евангелія на малороссійское нарѣчіе, не предлагала конкурса, не назначала преміи. Академія Наукъ только уступила вашимъ безотвязнымъ требованіямъ и убѣжденіямъ. Понятенъ расчетъ вашъ въ этомъ дѣлѣ! Онъ состоялъ въ томъ, что если Академія Наукъ откажетъ вашей просьбѣ, то вы можете, пожалуй, цѣлому свѣту жаловаться на *притѣсненіе* мнимой, *особой національности*, а если уступитъ вашей просьбѣ, то вы на своей сторонѣ будете имѣть *авторитетъ* ея. Вышло послѣднее. Академія уступила, и вотъ вы дѣйствительно пытаетесь оправдать себя теперь ея авторитетомъ. Слава Богу, что вы не считаете еще *перевода г. Морачевскаго*, какъ одобреннаго Академіей, *обязательнымъ* для насъ! Должно быть вы предоставляете это уже тому времени, когда послѣдуетъ утвержденіе св. Сѵнода?.... Но вамъ-то, г. Костомаровъ, г. *Морачевскому* и прочимъ хохломанамъ и задаемъ вопросъ: съ какой стати отправились вы въ Академію Наукъ съ вашимъ переводомъ Евангелія? Кому и какая надобность въ этомъ переводѣ? Кто васъ проситъ объ немъ?... Точно такъ-же объясняемъ мы себѣ и такія странности, какъ появленіе оригинальной статьи вашей «о куликовской битвѣ» въ Академическомъ Календарѣ на 1864-й г. и статьи «о фонетическихъ и грамматическихъ *особенностяхъ* южнорусскаго (малорусскаго) *языка* (?), не сходныхъ съ великорусскимъ и польскимъ,»—какого-то хохломана, ссылающагося на авторитетъ Миклошича и между тѣмъ скрывшаго отъ насъ любопытный авторитетъ своего имени,—въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія (сент. 1863 г.) Все это не дурно расчитанныя продѣлки хохломановъ, которые, пользуясь снисхожденіемъ правительства, прячутся за авторитетъ его, думаютъ придать своимъ поступкамъ видъ законности и сдѣлать не только затруднительнымъ, но пожалуй даже и невозможнымъ, всякій протестъ противъ нихъ со стороны людей благомыслящихъ. Такъ г. *Морачевскій*, ободренный успѣхомъ первой своей попытки, отправился было и въ другой разъ въ туже Академію Наукъ съ просьбою объ изданіи его священной исторіи на малороссійскомъ нарѣчіи; только этотъ походъ былъ уже не такъ удаченъ. Ему справедливо отвѣтили, что изданіе этого сочиненія, какъ по содержанію, такъ и по назначенію

своему, не относится къ кругу дѣятельности Академіи Наукъ втораго отдѣленія?

Такъ какъ сами вы, г. Костомаровъ, придаете особенное значеніе авторитетамъ, то мы не излишнимъ считаемъ указать и вамъ на авторитетъ, и при томъ высшій *въ этомъ дѣлѣ* авторитета Академіи Наукъ, на авторитетъ св. Сунода, который, по самымъ даже естественнымъ и человѣческимъ средствамъ своимъ, имѣетъ болѣе возможности быть непогрѣшительнымъ судьею въ рѣшеніи вопроса о пользѣ и необходимости для нашего простонародья изданія *Евангелія* на малороссійскомъ нарѣчіи. Кому-же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть столько извѣстенъ у насъ простой народъ, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ не сельскимъ духовнымъ пастырямъ и учителямъ, а чрезъ нихъ епархіальнымъ нашимъ властямъ, и ктожъ изъ епархіальныхъ властей можетъ знать такъ хорошо дѣйствительныя духовныя потребности южнорусскаго народа, какъ такой, наприм., архипастырь, который въ теченіе болѣе 20-ти лѣтъ преемственно правилъ тремя важнѣйшими епархіями юго-западной Россіи, (подольскою, волынскою и кіевскою), и котораго мы видимъ нынѣ въ числѣ первенствующихъ членовъ Святѣйшаго Сунода? Кто вѣрнѣе св. Сунода можетъ оцѣнить достоинство перевода Евангелія и сообразность его съ духомъ ученія Христова, апостоловъ и вселенской церкви? А вѣдь Сунодъ не признаетъ нужнымъ изданія Евангелія на простонародномъ малороссійскомъ нарѣчіи, и на этой-то сторонѣ весь малороссійскій народъ, все здравомыслящее, честное и благонамѣренное изъ всѣхъ сословій этого народа, а васъ, г. Костомаровъ, *не перестаютъ спрашивать*: кто васъ уполномочилъ, кто просилъ васъ объ изданіи малороссійскихъ книгъ вообще и Евангелія—въ особенности? Мы помнимъ только, что вы *сами* заявили мысль объ этомъ (*Основа, май 1862 г.*), но она, со всѣми вашими доказательствами, встрѣчена была у насъ, при самомъ первомъ появленіи своемъ, не сочувствіемъ, а самымъ искреннимъ и глубокимъ негодованіемъ. Много разъ прямо и положительно совѣтовали вамъ и просили васъ потомъ земляки ваши, *прекратить это ненужное дѣло*, но вы не переставали и не перестаете упорно продолжать его, не перестаете, черезъ своихъ корреспондентовъ, насильно, (хотя и безуспѣш-

ну), собирать подписки и издавать никому ненужныя малороссійскія книги. Воля ваша, можете продолжать.

Что касается замѣчанія вашего, что *опасенія*, какъ бы переводъ Евангелія не приготовилъ отложенія южнаго края отъ Россіи, *нелѣпы*, то позвольте намъ усомниться въ томъ, что вы отъ чистаго сердца называете такія опасенія *нелѣпыми*. Мы думаемъ, что вы сами увѣрены въ противномъ. Посему было бы странно пояснять вамъ здѣсь значеніе перевода Евангелія на особое малороссійское нарѣчіе. Ктожъ не понимаетъ, что это была бы ужъ настоящая *основа* не для государственнаго только, но и для народнаго *раздѣленія и обособленія*?.. Мы лучше напомнимъ вамъ, что южнорусскій народъ, даже во время несчастнаго политическаго отдѣленія своего отъ сѣверно-русскаго, глубоко сознавая свое племенное единство съ нимъ, никогда не имѣлъ своего особаго перевода Евангелія, и никогда не выражалъ потребности имѣть его, а напротивъ выражалъ всегда постоянное желаніе сохранить совершенное единство съ нимъ, какъ въ вѣрѣ, такъ и въ языкѣ; что и въ это несчастное время, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ патріотовъ и ревнителей просвѣщенія южнорусскаго народа, *К. К. князь Острожскій*, изъ всѣхъ переводовъ, собранныхъ имъ для печатанія *Библіи* (1581), призналъ единственно совершеннымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не какой-нибудь другой переводъ, а только полученный имъ отъ *великаго князя московскаго*, что этотъ же самый переводъ постоянно и многократно перепечатывался потомъ въ разныхъ мѣстахъ нынѣшней Россіи, для употребленія совершенно одинаковаго, какъ въ сѣверовосточной, такъ и въ югозападной Руси; что самый переводъ *Скорины*, сдѣланный, какъ полагаютъ, по повелѣнію польскаго короля, и остававшійся у насъ безъ всякаго употребленія, — не смотря на нѣкоторыя мѣстныя, (не многія впрочемъ), особенности свои въ выраженіяхъ, названъ тоже, самимъ Скориною, вовсе не малорусскимъ или бѣлорусскимъ, а только прямо *русскимъ*. Послѣ возсоединенія южнорусскаго края съ Россіею и бывшихъ уніатовъ съ православною церковію, южнорусскій народъ нашъ столько успѣлъ въ очищеніи отъ полонизмовъ и въ образованіи роднаго языка своего, что теперь онъ въ тысячу разъ менѣе прежняго можетъ чувствовать какую-нибудь надобность въ переводѣ Евангелія на мѣстное, простонародное нарѣчіе. Если такой переводъ

не нуженъ былъ намъ *лѣтъ пятьдесятъ, сто,* и даже *двѣсти* назадъ; то для чего онъ намъ теперь? Вѣдь мы не нѣмцы, не татары, даже не чехи, не болгары, не сербы, а только *русскіе,* такъ и переводъ имѣемъ, кромѣ церковно-славянскаго, *русскій: не московскій, не великорусскій,* а только прямо *русскій,* т. е. *общерусскій.* Въ языкъ этого перевода вошло все, что только есть лучшаго, совершеннѣйшаго и наиболѣе общепонятнаго въ языкѣ *всего* великаго *народа русскаго, всѣхъ концовъ* широкой *земли русской.* Этотъ переводъ, вполнѣ соотвѣтствующій важности своего содержанія, общепонятный и современный, имѣетъ настоящее и полное образовательное достоинство, не только для ума и сердца, но и *для самаго языка, всего народа русскаго.* А простонародное нарѣчіе, въ самой Малороссіи, въ каждой губерніи и даже уѣздѣ, имѣетъ свои нѣкоторыя особенности: такъ ужели намъ сдѣлать намъ столько различныхъ переводовъ Евангелія, сколько есть у насъ различныхъ *русскихъ говоровъ* въ Россійской Имперіи?...

Не угодно ли вамъ, г. Костомаровъ, собирать и издавать простонародныя малороссійскія сказки, пословицы и пѣсни? Это другое дѣло. Тутъ мы готовы даже помогать вамъ, но *только собирать,* а *не сочинять,* какъ нѣкоторые украинофилы дѣлаютъ, уродуя живой простонародный языкъ и навязывая простонародью мысли и чувствованія, на самомъ дѣлѣ вовсе ему не принадлежащія. А *особая* малороссійская *литература,* въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, *особыя* малороссійскія *ученыя* и *учебныя книги, особый* малороссійскій *переводъ Евангелія,* а за тѣмъ, пожалуй, и другихъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ...; тутъ ужъ мы не все понимаемъ... Признаемся вамъ, что насъ всегда крайне удивляло и теперь удивляетъ даже такое, по видимому очень простое и невинное, *издѣліе,* какъ *особая* малороссійская *азбука, особая (Кулишовская) граматка* и *особое* по этой граматкѣ, *(совершенно произвольное* и *ложное), правописаніе,*— когда для всего этого мы не видимъ рѣшительно никакого разумнаго основанія, и когда южнорусскій народъ преблагополучно обходился безъ всѣхъ этихъ *особенностей* цѣлое *тысячелѣтіе.* Невольно приходитъ грустная мысль, что вы хотите

создать изъ насъ тоже какую-то *особую*, не бывалую доселѣ, *уже не-русскую, народность*.

Въ заключеніе своего отвѣта, г. Костомаровъ высказываетъ сомнѣніе въ томъ, что *Волынецъ* есть дѣйствительно *малороссъ*, и догадывается, что онъ *полякъ*. Догадка слишкомъ странная, отважная и не естественная. Будтожъ г. Костомаровъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, что мысль объ обособленіи малороссійской литературы, при самомъ первомъ появленіи своемъ, встрѣчена поляками съ необыкновеннымъ восторгомъ? Будто онъ не знаетъ, что поляки, помѣщики подольской губерніи, чуть ли не прежде хохломановъ заявили мысль, будто простонародье подольской губерніи не понимаетъ русскаго языка, и что по этому необходимо переводить для него распоряженія правительства на мѣстное малороссійское нарѣчіе? (Чит. «Вѣсти изъ Польши» въ «Сынѣ Отеч. за 1862 г. № 79.) Будто онъ не знаетъ, сколько потрудились они потомъ надъ сочиненіемъ, въ помощь хохломанамъ, книгъ на этомъ нарѣчіи? («Книжн. Вѣстн.» 1863 г. № 10.) Не сомнѣвайтесь, г. Костомаровъ, что я *малороссъ*, хотя, признаюсь вамъ, вообще не охотно называю себя этимъ именемъ, тоже намекающимъ на какое-то непріятное *раздѣленіе* и *обособленіе*. Гораздо естественнѣе и справедливѣе называть намъ себя, какъ всегда водилось, прямо *русскими*. Россія одна. *Еда раздѣлися Христосъ? Еда Павелъ распятся по васъ, или во имя Павлово крестистеся?... Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе*. (1 Коринѳ. I, 13. Ефес. IV. 4. 5.).

Малороссъ—Волынецъ,

28 февр. 1864 г.
Житоміръ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Отвѣтѣ Малороссу-Волынцу,» г. Костомаровъ, предполагая, что «Мета (,) вѣроятно (,) (слишкомъ ужъ невѣроятно) явилась вслѣдствіе филиппикъ *Московскихъ Вѣдомостей* и другихъ,»—вѣроятно (вотъ это такъ вѣроятно). подъ

именемъ этихъ *другихъ* разумѣетъ и *Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи.* Женируясь ли назвать по имени этотъ органъ, или опасаясь чего либо другаго, г. Костомаровъ нашелъ неудобнымъ выразиться ясно. Но дѣло видно и безъ названія. Вотъ почему и мы нашли нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ «Отвѣту Малоросса-Волынца» г. Костомарову.

Доводы, которыми Малороссъ-Волынецъ доказываетъ солидарность г. Костомарова съ бытіемъ и тенденціями Меты, съ хохломанской партіей, — мы торжественно называемъ непоколебимыми. А что г. Костомаровъ говоритъ въ своемъ отвѣтѣ противное, это для насъ совершенно понятно и даже нисколько не удивительно. Развѣ г. Костомаровъ могъ сказать: «я — главная пружина, рычагъ Меты, я былъ тѣмъ Буддой, который метаморфозировалъ ее изъ праха «Основы,» я стою во главѣ безумцевъ, желающихъ обособленія Малороссіи?» Сказать это г. Костомаровъ считалъ, вѣроятно (вотъ это даже болѣе, чѣмъ вѣроятно), неудобнымъ, особенно подъ вліяніемъ воспоминанія кое-какихъ прежнихъ явленій его жизни. Убѣжденій нельзя такъ скоро бросить, какъ изношенную одежду. И самая фальшь историческая отдѣленія Малороссіи отъ Россіи не доказываетъ еще, что нѣтъ теперь охотниковъ допускать эту фальшь, или точнѣе нелѣпость. Мало ли какія нелѣпости роились въ головахъ человѣческихъ и даже находили себѣ рьяныхъ адептовъ! A posse ad esse, г. Костомаровъ, non valet consequentia! А что эти адепты были и есть, что ихъ бытіе — *не призракъ*, что сражающіеся съ ними не борются съ мельницами, а съ людьми — съ костьми и тѣломъ, съ порченой кровью, умомъ и сердцемъ, — это къ несчастію, вопіющая, хоть и горькая, истина. Юридически обслѣдованныя дѣла Шевченка и К°, Стронина, Лободы, Конисскаго, Шевича, Чубинскаго, Синегуба, Носа и мног. другихъ, фактически доказали непреложность того убѣжденія, что мысль объ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи, *при всей своей нелѣпости,* бродила и бродитъ по мозгу и сердцу немалаго числа безпокойныхъ хохломановъ, что сѣемые ими въ народѣ плевелы не такого свойства, чтобъ ихъ можно было безопасно для пшеницы — *оставить расти до жатвы,* чтобы друзья единой Россіи и порядка могли сидѣть, *по совѣту г. Костомарова,* молча, безъ движенія, при

видѣ горючихъ матеріаловъ, тамъ и здѣсь подкладываемыхъ подъ зданіе русскаго единства безпокойными и злонамѣренными людьми,—чтобы патріотовъ, гасящихъ искры этого пожара, можно было назвать Донъ-Кихотами. Такъ назвали насъ въ концѣ 1862 года, когда мы объяснили подлинный смыслъ польскихъ демонстрацій, предсказывали даже генварскую катастрофу; однакожъ, событія скоро доказали, что мы сражались не съ мельницами. Мы, впрочемъ, не говоримъ, чтобъ опасность отъ сгозливости хохломановъ была слишкомъ велика, близка; а только утверждаемъ во всеуслышаніе Россіи, что она существуетъ несомнѣнно и что противъ нея нужно брать мѣры именно теперь, пока она мала и отдаленна, а не тогда уже, когда перья и гласность литературную—нужно будетъ перемѣнить на штыкъ и судебное мѣсто. Легче гасить искру пожара, чѣмъ зданіе, охваченное со всѣхъ сторонъ пламенемъ,—легче потушить одинъ загорѣвшійся домъ, чѣмъ тысячи горящихъ селъ и городовъ. Не думаемъ, г. Костомаровъ, чтобы вы нашлись, что отвѣчать на эти неодолимыя истины.

Коснемся частностей. Вы, г. Костомаровъ, говорите, что вамъ никто не доказалъ безполезности малорусскихъ книгъ, не опровергъ аргументовъ вашихъ насчетъ ихъ пользы и необходимости, насчетъ созданія малорусской литературы. Полно—такъ ли! Одно изъ двухъ: или вы ничего не читаете, или вы утратили способность убѣждаться въ истинахъ, которыя вамъ не нравятся. Едва ли какой либо парадоксъ и увлеченіе были разобраны такъ разносторонно, разбиты такъ окончательно, какъ разобранъ и разсѣянъ миражъ хохломановъ насчетъ оязмененія порченаго малорусскаго просторѣчья и созданія на немъ отдѣльной литературы. Вотъ что доказано хохломанамъ, какъ 2+2=4.

1) Когда хохломаны доказывали возможность созданія отдѣльной малорусской литературы, мы имъ сказали и доказали, что изъ малорусскаго просторѣчья нельзя сдѣлать языка литературнаго, какъ «нельзя сдѣлать изъ рогожи сафьянной кожи,» что обратить его въ языкъ литературный можно только подъ условіемъ поглощенія и совершеннаго исчезновенія нарѣчія въ языкѣ польскомъ или русскомъ, что въ этомъ нарѣчіи менѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ словъ и оборотовъ научныхъ, техническихъ, отвлеченныхъ и всякихъ другихъ, что все это

нужно красть изъ другихъ языковъ, другой разъ портить порченое и сдѣлать наконецъ изъ него такой венигретъ [1]), составные элементы котораго останутся тайной на долго для ученыхъ и навсегда для неученыхъ, и проч. и проч.

2) Когда хохломаны толковали, что народъ не понимаетъ русскаго языка (это ихъ сильнѣйшій аргументъ), мы доказали и a priori, и a posteriori, что это ложь, что народъ здѣшній совершенно свободно понимаетъ, когда къ нему обращаются на простомъ русскомъ языкѣ, что онъ понимаетъ же доселѣ, безъ переводчика, *при меньшей степени развитія*, и чиновника и панъ-отца (священника), и москаля (солдата), и купца русскаго, прикащика и проч., что непонятны для него только предметы (не забудьте—не слова), названія которыхъ вѣтъ въ его нарѣчіи, что для него гораздо непонятнѣе тарабарщина тѣхъ книжонокъ, которыми надѣляютъ ихъ хохломаны, не знающіе туземнаго просторѣчія и уродующіе его такимъ правописаніемъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ выговоромъ народнымъ, и проч. и проч.

3) Когда хохломаны увѣряли незнающихъ либо легковѣрныхъ, что они дѣйствуютъ отъ народа, изъ любви къ нему; мы доказали имъ, что они даже неспособны любить кого-либо безкорыстно, что они влюблены только въ себя, въ свои миражи, оригинальности, *ворохобни*, что народъ ихъ не видитъ, не знаетъ, а гдѣ видитъ, тамъ смѣется надъ ними, презираетъ, а нерѣдко (если паничи проболтаются) выдаетъ ихъ правительству. Мы доказали, что народъ повсюду старается скорѣе забыть свое, испорченное политическимъ гнетомъ Польши, нарѣчіе, усиливается скорѣй овладѣть обще-русскимъ языкомъ нашего отечества, что онъ никого не уполномочивалъ писать книжечки на туземномъ просторѣчіи, и что деньги на изданіе ихъ были обираемы съ него путемъ пропаганды, обмана, а иногда насилія, что народъ повсемѣстно заявляетъ свое безучастіе въ затѣяхъ всякаго рода хохломановъ, и проч. и проч.

Словомъ: нѣтъ изворота хохломановъ, котораго не разсѣяла, не уничтожила критика—самая непобѣдимая, опирающаяся на незыблемыхъ данныхъ историческихъ, фактическихъ, фило-

[1]) Языкъ, наприм., „Меты“ („Галичанинъ“ выражается почти правильно по русски), особенно ея редактора—Климковича.

логическихъ, априорныхъ; нѣтъ точки, на которой хохломаны продержались бы хоть одну недѣлю, не были разбиты окончательно. Оттого, не находя поля для битвы, не предвидя шансовъ для побѣды здѣсь, они сперва метнулись въ Петербургъ, въ Москву, думая, что тамъ еще можно морочить кое-кого изъ незнающихъ дѣла; но, когда стрѣлы здравой критики и безпощаднаго обличенья достали ихъ и тамъ, они—выразимся по вашему—«перенесли свой варстатъ» [1]) въ Галицію и оттуда, что есть мочи, клевещутъ на все русское, на всѣхъ честныхъ людей, безнаказанно и безчестно обвиняютъ «Москву» въ угнетеніи, въ разореніи «Украйны» и проч. и проч.

Чтожъ, г. Костомаровъ, все это еще не доказательства, не факты? Чтожъ это такое по вашему? Не метанье ли бисера предъ.........? По крайней мѣрѣ вы доселѣ не опровергли, не отважились даже опровергать, ни одного изъ тѣхъ доказательствъ, которыя вамъ заявлены съ разныхъ сторонъ десятками, не отвергли тѣхъ фактовъ, которые вамъ предъявлены сотнями и съ которыми бороться—сверхъ силъ человѣческихъ. Теперь уже дѣло остановилось за вами, а не за нами, за отвѣтчиками, а не за истцами. Чтожъ,—милости просимъ! Не прикидывайтесь угнетенными, жертвами! Это фокусъ! Сказать вамъ правду, опровергать неосновательную теорію—никто вамъ не запрещаетъ. За отвѣтами вамъ—дѣла также не станетъ.....

Увѣряя, что Малороссъ-Волынецъ—не малороссъ, г. Костомаровъ хотѣлъ, вѣроятно, этимъ сказать то, что малороссъ—дескать—никогда не сталъ бы такъ разсуждать о хохломаніи вообще и малорусскомъ Евангеліи въ частности. Плохо же вы, г. Костомаровъ, аттестуете вашихъ земляковъ, вашу родину! Вѣроятно, вы давненько съ ними и съ ней раззнакомились и не потрудитесь провѣрить *прежнія* ваши теоріи и убѣжденія съ жизнію и настоящими ея явленіями. Въ Малороссіи, благодаря Бога, не перевелись еще люди здраваго смысла, честныхъ убѣжденій и благородныхъ тенденцій! Большинство малорусское смотритъ на егозливость немногихъ легкихъ либо горячихъ головъ совершенно такъ же, какъ смотритъ на нихъ Малороссъ-Волынецъ, какъ смотрятъ на нихъ всѣ передовые, всѣ разви-

---

[1]) Машина вообще и какой нибудь станокъ (наприм., ткацкій, столярный и проч.) въ частности.

тые люди — какъ на безумную, то есть, либо революционую затѣю. Это вамъ подтверждаетъ протестъ 72 передовыхъ полтавцевъ, это вамъ подтверждаетъ прекрасная статейка, напечатанная въ тамошнемъ органѣ [1], это вамъ подтверждаютъ имена, И., М. Ю., Г., К., Д. и мн. друг. это подтверждаютъ вамъ многие сотрудники Вѣстника, не хуже васъ понимающіе дѣло, видящие подлинныя намѣренія хохломановъ и даже больше, и ниже васъ любящіе Малороссію и родившіеся не въ Великороссіи. У всѣхъ этихъ (и безчисленныхъ другихъ), весьма извѣстныхъ людей, весьма компетентныхъ судей въ хохломанскомъ дѣлѣ, нѣтъ ни какихъ личностей къ вамъ и кому бы то ни было изъ вашихъ друзей; для нихъ существуетъ только принципъ и истина; нелѣпо было бы предполагать въ нихъ ненависть къ Малоррсеи, ея нарѣчію; они ненавидятъ только парадоксы, увлеченія, затѣи немногихъ безпокойныхъ и неразумныхъ хохломановъ.

Самый слабый аргументъ г. Костомарова, безспорно, есть тотъ, который онъ считалъ сильнѣйшимъ и на который такъ торжественно оперся обѣими руками. Это аргументъ, заимствованный отъ авторитета трехъ личностей, принадлежащихъ къ корпораціи Академіи Наукъ. Нелогичность извѣстная подъ именемъ *предразсудка авторитета*, есть нелогичность весьма древняя, но тѣмъ не менѣе — нелогичность. Не всякая личность, весьма авторитетная въ одной спеціальности, можетъ быть авторитетною въ другой: авторитетъ знаменитаго инженера становится весьма ничтожнымъ, при разрѣшеніи какого нибудь юридическаго казуса; мнѣніе знаменитаго философа можетъ равняться почти нулю въ дѣлѣ сапожнаго мастерства, стратегіи и многихъ другихъ спеціальностей. И члены Академіи Наукъ, быть-можетъ, люди самые ученые, не могутъ быть судьями компетентными и авторитетными въ оцѣнкѣ перевода *священнаго писанія*, подобно тому какъ не всѣ, можетъ быть, члены св. Синода могутъ быть судьями компетентными, при рѣшеніи вопроса, напр., о русскомъ правописаніи, моравскомъ нарѣчіи и проч. Члены Академіи Наукъ могутъ, наприм., вполнѣ владѣть малорусскимъ нарѣчіемъ, но не всегда могутъ безошибочно взвѣсить отношенія этого нарѣчія къ слову Божію,

[1] Полтавскія Губернск. Вѣдомости № 5, стр. 54—56,— „Нѣсколько словъ объ изданіяхъ книгъ на малорусскомъ нарѣчіи.“ Смотр. IV отдѣлъ настоящей книжки.

не всегда могутъ удачно избѣгнуть вульгарностей и грубостей нарѣчія при выраженіи на немъ высокихъ, отвлеченныхъ, откровенныхъ истинъ Евангелія, не всегда могутъ понимать, какъ нужно характеръ, значеніе, духъ этихъ истинъ, соблюсти, при облочкѣ ихъ въ слово, подобающее имъ благоприличіе, авторское цѣломудріе и духовность. Они слишкомъ далеки отъ той спеціальности, которая въ этомъ дѣлѣ далеко важнѣе и нужнѣе знанія малорусскаго просторѣчія. Думать иначе, значило бы утверждать, что всякій филологъ есть въ тоже время и знаменитый теологъ. Весьма, поэтому, легко можетъ случиться, что члены Академіи Наукъ, повѣряющіе переводъ Евангелія на какое нибудь нарѣчіе, могутъ не замѣтить такихъ же глумленій надъ Словомъ Божіимъ, какими недавно отличился самый передовой малороссъ въ своей граматкѣ. Весьма легко можетъ случиться и то, что изъ трехъ судей перевода Морачевскаго, двое будутъ малороссы, неравнодушные къ просторѣчью своей родины, желавшіе-бы видѣть на немъ Евангеліе, а третій, не знающій даже этого нарѣчія, можетъ пріобщить свое имя къ ихъ аттестаціи этого перевода—просто для компаніи, чтобы не обидѣть товарищей отказомъ. Все это можетъ случиться......

И такъ, «если вы, г. Костомаровъ, честный человѣкъ» (воспользуемся вашимъ выраженіемъ), если вы желаете счастья вашей родинѣ и спокойствія Россіи, отстаньте отъ своихъ заблужденій, перестаньте собирать съ нашего бѣднаго народа разными способами, трудовыя копѣйки на изданіе ненужныхъ, а быть можетъ, и опасныхъ для него книженокъ и собранныя уже употребите на матеріальное вспомоществованіе сельскимъ школамъ, въ которомъ они весьма нуждаются, только лишь постарайтесь метко, приспособить эту жертву къ истиннымъ пользамъ народа, Россіи и намѣреніямъ правительства. Если вы не желаете погибели вашихъ земляковъ, употребите вашъ авторитетъ на вразумленіе легкомысленныхъ, буйныхъ, неопытныхъ; разсѣйте ихъ миражи политическіе, разрушьте ихъ софизмы соціальные и филологическіе. Если вы любите Россію, если вы патріотъ русскій, перемѣните ваши точки зрѣнія, откажитесь отъ любимыхъ сюжетовъ вашей историко-литературной дѣятельности, не глумитесь умышленно надъ предметами нашего обожанія, не топчите съ такимъ злорадствомъ и непростительнымъ искаженіемъ фактовъ, въ грязь такихъ дорогихъ

именъ для сердца нашего, каковы имена Сусаниныхъ, Димитріевъ донскихъ, заявите въ галиційской прессѣ, что у васъ нѣтъ никакой солидарности ни съ нею, ни съ фантазерами малорусскими, прикажите этой прессѣ, чтобъ она не смѣла поносить имя ваше и—его авторитетомъ—прикрывать свои уродливыя мечты и тенденціи.

Малороссъ-Кіевлянинъ.

IV.

—

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ПОЛЬСКІЙ МИРАЖЪ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА 1.

Въ одинъ прекрасный весенній день, въ мѣстечко Новодивовъ собиралось множество окружнаго панства. Ежеминутно, во всякую изъ трехъ заставъ мѣстечка, въѣзжали брички, нейтечанки, коляски и кареты, набитыя польскими панами и паньками, ихъ женами, дѣтьми, слугами и домочадцами. Шановная шляхта собиралась въ Новодивовъ, повидимому, по случаю храмоваго новодивовскаго костельнаго праздника, единственные же обитатели мѣстечка—евреи съ удивленіемъ и съ радостію замѣчали, что ни въ одномъ еще году, не случалось имъ въ этотъ день видѣть, столь значительнаго стеченія пановъ и что, слѣдовательно, имъ будетъ чѣмъ поживиться. Служеніе въ костелѣ еще не начиналось; а между тѣмъ костелъ и обнесенный высокимъ каменнымъ заборомъ, обширный дворъ его, были уже наполнены народомъ, а къ воротамъ костельнымъ постоянно подъѣзжали новые экипажи съ новыми богомольцами. Но, къ удивленію, наблюдательный зритель не замѣтилъ бы выраженія набожности на физіономіяхъ лицъ, собравшихся, повидимому, съ набожною цѣлью. Напротивъ того, судя по суетливымъ движеніямъ и оживленнымъ разговорамъ, происходившимъ въ разныхъ кружкахъ, по спѣсивому и угрожающему виду разговаривавшихъ, можно было подумать, что съѣхавшіеся собирались вовсе не на богомолье. Самый значительный кружекъ собрался вокругъ стройнаго и красиваго старика, игравшаго, повидимому,

тутъ весьма значительную роль. Старикъ назывался Мондровскій. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ окрестности помѣщиковъ и занималъ нѣкогда одну изъ первыхъ выборныхъ, дворянскихъ должностей. Наружность Мондровскаго была благородна, и умное выраженіе его сѣрыхъ глазъ, заставляло думать, что онъ привыкъ первенствовать и руководить толпою. Всякій изъ подходившихъ къ старику выражалъ словами и движеніями должное ему уваженіе, начто Мондровскій отвѣчалъ хоть и вѣжливымъ, но полнымъ сознанія собственнаго достоинства обращеніемъ. Рядомъ съ старикомъ стояла дочь его Ядвига—краса всей окрестности и, разумѣется, предметъ обожанія всей окрестной молодежи. Высокій, молодой и худой, съ ястребинымъ взглядомъ, ксендзъ, обращавшійся съ Мондровскимъ съ такимъ же, повидимому, какъ и всѣ прочіе уваженіемъ, но бывшій въ тоже время, какъ можно было замѣтить, въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ Ядвигой,—старался принимать самое дѣятельное участіе въ разговорѣ, происходившемъ въ многочисленномъ кружкѣ пана Мондровскаго.

— »Co to będzie, co to będzie«, шепнулъ онъ Ядвигѣ, намекая на извѣстную польскую поэму Мицкевча [1]), въ то время, какъ панъ Мондровскій отвѣчалъ на вѣжливое привѣтствіе князя Полинскаго.

—Ахъ, да, быть чему-то, отвѣтила ему радостно и тоже тихо Ядвига.

—Имѣю честь кланяться, говорилъ между тѣмъ Мондровскому князь Полинскій. Славный день выпалъ на нашу долю сегодня.

—Да день весенній, отвѣтилъ Мондровскій. Но чрезъ чуръ уже жаритъ, небыло бы грозы.

—Ну что гроза..., началъ было князь. Онъ хотѣлъ продолжать, но видимо не находилъ словъ.

—Только послѣ грозы очищается воздухъ и настаютъ настоящіе лѣтніе дни, т. е. настоящая жизнь, подхватилъ въ тужe минуту князь.

—Ваша правда, отвѣтилъ Мондровскій, но не забудьте, однакожъ, и тѣхъ, которыхъ сокрушитъ гроза и унесутъ горные потоки; а это такъ легко можетъ случиться съ неосторожными.

([1] Dziady.

Ксендзъ тоже замялся и не отвѣчалъ, а между тѣмъ Мондровскій продолжалъ:

— Князь, я ожидаю васъ къ себѣ, мы поговоримъ вмѣстѣ объ интересномъ предметѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ князь. Я тоже хотѣлъ бы поговорить съ вами.

Богатое имѣніе Мондровскаго—село Мондровицы, было отъ Новодивова неболѣе какъ въ трехъ верстахъ, и Мондровскій всякаго изъ подходившихъ къ нему значительныхъ пановъ приглашалъ такъ же, какъ и князя Полинскаго, къ себѣ на обѣдъ. Ядвига, бывшая хозяйкой въ домѣ отца, въ свою очередь, приглашала дамъ и дѣвицъ.

— Княгиня здѣсь, спросила она съ самымъ невиннымъ видомъ князя, не смотря на то, что прекрасно видѣла за минуту предъ тѣмъ, какъ великолѣпная княгиня вошла вмѣстѣ съ ксендзомъ въ костельный дворъ и, кинувъ на нее полувзглядъ, будто незамѣчая, что Ядвига здѣсь, вошла въ костелъ?

— Княгиня въ костелѣ, отвѣтилъ князь.

— Вы проведете меня къ ней, сказала Ядвига и подала князю руку. Великосвѣтская пара направилась къ дверямъ костела посреди живой изгороди раздвигавшейся при видѣ ея толпы. Между тѣмъ жирный ксендзъ пролатъ, сопровождаемый мѣстнымъ парохомъ, оба съ потупленными взорами, вышли изъ ризницы, подошли къ олтарю; загудѣлъ органъ, служба началась. Но ни органъ, ни пѣніе ксендзовъ не привлекали къ себѣ вниманія присутствующихъ; бывшіе въ костелѣ паны и пани, съ прежнимъ одушевленіемъ, хоть и шопотомъ, продолжали свой интересный разговоръ. Одинъ только старикъ Мондровскій, сѣвъ въ одну изъ заднихъ костельныхъ лавокъ и, раскрывъ молитвенникъ, устремилъ на него такой внимательный взглядъ и придалъ лицу своему такое серьезное молитвенное выраженіе, что порывавшіеся заговорить съ нимъ сосѣди, взглянувъ на него, пятились назадъ и не осмѣливались мѣшать набожному настроенію Мондровскаго. Какъ за минуту предъ тѣмъ, на дворѣ костельномъ самый значительный кружокъ составился возлѣ пана Мондровскаго, такъ теперь, порхающіе, какъ мотыльки по костелу кренолины всего чаще устремлялись къ сидѣвшей возлѣ княгини Полинской дочери Мондровскаго Ядвигѣ.

Старикъ порой бросалъ на свою дочь серіозный взглядъ,

а Ядвига, какъ видно, привыкшая читать во взглядѣ отца мысли его и ощущенія, смущалась на мгновеніе отъ этихъ взглядовъ, но, увлеченная интересомъ занимавшаго ее разговора, старалась избѣгать зоркихъ глазъ старика, и по прежнему глухой, но въ тоже время и густой шопотъ заглушалъ по временамъ тоненькій голосокъ жирнаго ксендза пралата.

Въ обычное время явился на амвонѣ ксендзъ Бронскій. Будто по манію волшебнаго жезла, все смолкло въ костелѣ; изъ двора и изъ ризницы хлынула толпа въ костельную залу и плотною массою придвинулась къ амвону. Пока шумъ, происходившій отъ движенія толпы, не умолкъ, Бронскій молчалъ, а всѣ присутствующіе, съ видимымъ нетерпѣніемъ, ожидали его казанья. Но вотъ утихло все.

— Во имя Отца, и Сына и св. Духа, началъ ксендзъ.

Можно было подумать, что за этимъ славословіемъ послѣдуютъ слова изъ Евангелія, но Бронскій не произносилъ ихъ, а сразу началъ такъ:

— Отечество гибнетъ, насталъ великій часъ его спасенія. Путь къ этому спасенію въ васъ самихъ. Говорю къ вамъ, братія, именемъ Бога, именемъ намѣстника св. Петра и именемъ дорогого намъ отечества и докажу вамъ, что путь къ его спасенію въ васъ самихъ! Возстанемъ всѣ до единаго, возстанемъ, юноши и старцы, жены и дѣвы. Но мы возстанемъ не одни: возстанутъ съ нами и живые и мертвые, возстанетъ вся Европа, возстанутъ стихіи, и мы сбросимъ съ себя, сбросимъ несомнѣнно тяжелое и постыдное иго! Но прежде чѣмъ начать это великое дѣло, мы, по примѣру Іисуса Христа, приготовлявшагося въ пустынѣ къ побѣдѣ надъ діаволомъ и великому подвигу спасенія человѣчества, должны тоже приготовиться къ побѣдѣ надъ Москвою и спасенію отчизны нашей отъ узъ неволи. Въ чемъ же будетъ состоять подвигъ приготовленія нашего? Въ постѣ, братья, самоотверженіи и молитвѣ? Поститесь всѣ, излишнюю же пищу, которую вы употребляли бы во время поста, сберегите для того, чтобы возложить ее на олтарь отечества. Скиньте богатые наряды, достопочтенныя жены и дѣвы; облеките душу въ порфиру, тѣло въ трауръ и власяницу, а тѣ тлѣнные наряды, которые вы износили бы во время траура, тоже сберегите и возложите на олтарь отечества. Я

знаю, что вы исполните это потому, что вы достойныя жены великаго польскаго народа.

Сказавъ эти слова, Бронскій взглянулъ на Ядвигу и, получивъ отъ нея полный признательности взглядъ, продолжалъ:

— Третій и самый важный актъ приготовленія нашего есть молитва, и мы должны исполнить это въ сію же минуту. Вельможные мужи, доблестныя жены и святыя дѣвы, бросьтесь на колѣна, вознесите руки къ небесамъ, пролейте горячія слезы, и вдохновленные святымъ чувствомъ, переполняющимъ душу вашу въ сію торжественную минуту, излейте изъ груди вашей восторженный гимнъ Всевышнему; а я васъ увѣряю, что онъ будетъ услышанъ Тѣмъ, Который сказалъ: *просите и дастся, стучите и вамъ отворятъ!*

При послѣднихъ словахъ ксендза, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, все въ костелѣ заколебалось, и первая Ядвига, придавъ лицу своему восторженное выраженіе, поднявъ руки къ небу, подошла къ олтарю и, въ изнеможеніи, упала на колѣна. Уже она открыла ротъ, уже звуки готовы были вырваться изъ груди ея, какъ въ туже минуту услыхала, что кто-то тихо тронулъ ее за плечо. Ядвига оглянулась, предъ ней стоялъ старикъ отецъ.

— Служба кончилась, и намъ пора ѣхать домой, сказалъ Мондровскій дочери.

— Отецъ,.... могла только проговорить Ядвига.

— Вставай—ѣдемъ, повторилъ ей строго отецъ.

— Но гимнъ, возразила нерѣшительно дочь.

— Уставомъ церкви гимнъ нынѣ не полагается, отвѣтилъ ей сухо старикъ. Нечего медлить, поѣдемъ, Ядвига. Незабудь, что мы ожидаемъ сегодня много гостей, а ты хозяйка въ домѣ.

Нечего было дѣлать; приподнялась, привыкшая исполнять волю отца,—Ядвига; старикъ подалъ ей руку, и чрезъ минуту они были уже у выхода изъ костела, и только въ то время, когда уже садились въ экипажъ, до ушей Ядвиги долетѣли величественные, но нестройные звуки пресловутаго гимна: Boże, coś Polskę!...

Усѣвшись въ экипажѣ, отецъ и дочь нѣсколько минутъ молчали. Мондровскій, казалось, внимательно смотрѣлъ изъ окна кареты на давно знакомые ему поводивовскіе дома, а Ядвига, раскрывъ молитвенникъ, устремила въ него упорный

взглядъ. Но, судя потому, что всегда ласковый и привѣтливый Мондровскій не отвѣчалъ на низкіе поклоны бывшихъ на улицѣ евреевъ, судя по нервической дрожи, пробѣгавшей по временамъ по лицу Ядвиги, нетрудно было догадаться, что ни отца, ни дочь не занимаютъ тѣ предметы, на которые они смотрѣли, повидимому, съ такимъ вниманіемъ. Когда выѣхали за заставу, Мондровскій первый прервалъ молчаніе:

— Что за глупую комедію состряпали вы нынче въ костелѣ, спросилъ онъ дочь?

Ядвига не отвѣчала и даже не оторвала глазъ отъ молитвенника.

— Ядвига, я къ тебѣ говорю, замѣтилъ ей строго отецъ; но въ эту минуту, съ трудомъ сдерживаемыя до того времени, потоки слезъ вырвались изъ глазъ Ядвиги. Мондровскій отвѣтилъ на эти слезы взглядомъ, выражавшимъ въ одно и тоже время досаду и сожалѣніе. Видно было, что отецъ привыкъ повелѣвать, былъ строгъ въ обращеніи съ дочерью, но видно было и то, что Ядвига нѣжно любимая дочь.

— Бѣдное и глупое дитя, сказалъ онъ! Во всю дорогу ни отецъ, ни дочь не сказали болѣе ни слова.

Подъѣхавъ къ обширному дому, Мондровскій вышелъ изъ экипажа, не взглянувъ даже на дочь, отправился въ свои комнаты и, приказавъ удалиться слугамъ, велѣлъ позвать къ себѣ, жившую у него въ домѣ вдову-сестру, пани Терлецкую. Въ ожиданіи сестры, онъ скорыми и тревожными шагами началъ ходить по своему кабинету. Но ожиданіе его не долго продолжалось,—пани Терлецкая, всегда покорная волѣ брата, не замедлила своимъ приходомъ. Встрѣтивъ всю въ слезахъ Ядвигу и сообразивъ кое-какія другія извѣстныя ей данныя, Терлецкая догадалась, что между братомъ ея и племянницей что-то случилось. Какъ полуизсохшій листокъ, колеблемый бурею, такъ бѣдное полуувядшее сердечко пани Терлецкой трепетало въ груди ея въ ту минуту, когда она переступала порогъ братняго кабинета. Войдя въ комнату, она пріостановилась, потомъ произнесла обычную фразу: добрый день, любезный братъ, наконецъ, въ смущеніи, торопливо начала приводить въ порядокъ хаосъ, виднѣвшійся на письменномъ столѣ Мондровскаго.

— Чѣмъ бы заниматься пустяками, вы бы лучше досмот-

рѣли, любезная сестрица, чтобы не выходило скандаловъ изъ моего дома, строго замѣтилъ ей Мондровскій.

— Я не понимаю васъ, любезный братъ.

— Говорите по совѣсти: кто подучилъ Ядвигу дѣлать глупости въ костелѣ, приступилъ Мондровскій прямо къ дѣлу.

— Ксендзъ Бронскій, робко отвѣтила Терлецкая. Ахъ, любезный братъ, если бы вы знали, какъ я умоляла Ядвигу во всемъ признаться вамъ!

— Гдѣ и когда они видались и кто кромѣ ихъ принималъ участіе въ этихъ сумазбродствахъ?

— По вечерамъ и у насъ, и у княгини. Лишь только вы выйдете изъ комнаты, то и дѣло, всѣ толкуютъ о спасеніи нашей отчизны. При васъ скрывались, думая, что вы не одобрите ихъ затѣй.

— Вы поступили неосторожно, не сказавъ мнѣ объ этомъ, и я прошу васъ впередъ быть благоразумнѣе и откровеннѣе. Но дѣло уже сдѣлано; теперь я прошу васъ идти къ Ядвигѣ и убѣдить ее, чтобъ она не надѣлала новыхъ сценъ при гостяхъ. Быть можетъ вы не знаете, что къ намъ соберутся чуть ли не за 50 верстъ вокругъ всѣ окрестные помѣщики.

Вышла Терлецкая, а братъ ея, въ глубокомъ раздумьи, опять началъ шагать по своему кабинету.

ГЛАВА II.

Между тѣмъ, тѣже брички, нейтечанки, коляски и кареты, тѣже паны и пани, которые за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ съѣзжались въ Новодивовъ, подъѣзжали теперь къ великолѣпному дому Мондровскаго, который, стоя по среди залы, привѣтливо встрѣчалъ каждаго изъ входившихъ въ него гостей. Блестящая панна Ядвига, успѣвшая уже переодѣться въ черное бархатное платье и вплесть въ черную, какъ смоль, косу свою нитку дорогаго жемчуга, съ любезной улыбкой и съ остаткомъ недавней грусти на лицѣ, въ гостинной тоже принимала пріѣзжавшихъ дамъ. Рой молодежи окружалъ ее, но она, всегда привѣтливая и говорливая, теперь почти не отвѣчала на слова постоянно обращавшихся къ ней молодыхъ людей, изъ которыхъ почти всякій помнилъ суровое, по ихъ мнѣнію, обращеніе

съ ней отца въ костелѣ и, предусмотрительною внимательностію, старался хоть отчасти загладить произведенное старикомъ на Ядвигу непріятное впечатлѣніе. Одному только двоюродному брату своему Генриху Терлецкому, Ядвига иногда отвѣчала полнымъ выраженія и сочувствія словомъ и взглядомъ. Мать Генриха—пани Терлецкая—робкая, но болтливая старушка, не смотря на то, что еще была подъ впечатлѣніемъ недавно происходившаго между нею и братомъ разговора, не смотря на явные признаки недоразумѣній между отцемъ и дочерью,—съ любопытствомъ разспрашивала гостей о происходившемъ въ этотъ день въ костелѣ, а дамы, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсказывали ей, какъ всѣ ожидали чего—то необыкновеннаго, какъ сильно и многозначительно ксендзъ Бронскій произнесъ проповѣдь и какъ всѣ потомъ, въ одинъ голосъ, пропѣли въ костелѣ тотъ гимнъ, который въ послѣднее время они привыкли пѣвать у себя по домамъ. Но о конфузной ретрадѣ восторженной Ядвиги съ ступеней олтаря, изъ уваженія къ хозяину дома, никто не сказывалъ пани Терлецкой ни слова. Одинъ только Генрихъ шепнулъ кое-что матери объ этомъ событіи, а чувствительная старушка устремила на свою племянницу полный состраданія взглядъ. Замѣчательно, что въ домѣ Мондровскаго никто и не думалъ о танцахъ, ни о какихъ либо другихъ развлеченіяхъ, до которыхъ такъ пристрастны пани, панны и паничи польскіе. Между тѣмъ подъѣхалъ къ дому богатый экипажъ князя и княгини Полинскихъ, и Мондровскій, встрѣчавшій прочихъ гостей посреди залы, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ея дверямъ, чтобы встрѣтить ясневельможныхъ гостей. Взявъ подъ руку княгиню и проводивъ ее въ гостинную, хозяинъ возвратился въ залъ и, обратившись къ князу, сказалъ:

— Князь! неставало только васъ, чтобы начать рѣчь о томъ предметѣ, который въ настоящее время, по всей вѣроятности, болѣе всего занимаетъ всѣхъ насъ и по поводу котораго, я по преимуществу просилъ васъ къ себѣ, дорогіе и почтенные сосѣди.

При этихъ словахъ, движеніемъ головы, Мондровскій привѣтсвовалъ своихъ гостей. Слова его, произнесенныя громче обыкновеннаго, привлекли изъ гостинной и другихъ комнатъ бывшихъ въ его домѣ гостей. Мондровскій продолжалъ:

— Я полагаю, что умные люди прежде чѣмъ рѣшатся на какое либо предпріятіе, пожелаютъ соразмѣрить свои средства съ

цѣлью, а потомъ уже принимаютъ или отвергаютъ свое предпріятіе. Такъ ли, князь?

— Я догадываюсь о чемъ вы хотите говорить, отвѣтилъ князь Полинскій; но я думаю, что дѣло, о которомъ вы говорите, достаточно уже обдумано умными людьми.

— Кто они и гдѣ они, спросилъ Мондровскій.?

— Вы найдете подобныхъ людей во всякомъ почти полякѣ, началъ было, вмѣшавшійся въ разговоръ, ксендзъ Бронскій; но Мондровскій перебилъ его:

— Духовнымъ не слѣдуетъ мѣшаться въ политику, ксендзъ каноникъ; ваше дѣло молиться за насъ Богу, совершать требы, говорить проповѣди, сказалъ Мондровскій, ударивъ на послѣднее слово; предоставьте жъ намъ, людямъ свѣтскимъ, толковать о политикѣ. И такъ я спрашиваю васъ, князь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Полинскому, равно и васъ, дорогіе и почтенные сосѣди, обдумано ли большинствомъ то предпріятіе, на которое, по видимому, уже рѣшились болѣе неосторожные изъ насъ.

— Господинъ Мондровскій, началъ было князь, но, не находя словъ, онъ замялся и замолчалъ.

— Позвольте мнѣ отвѣтить за васъ, князь, подхватилъ панъ Бернацкій, бывшій гувернеромъ при дѣтяхъ князя Полинскаго, слывшій въ околоткѣ весьма умнымъ человѣкомъ. Никто не сомнѣвается въ великомъ благоразуміи пана Мондровскаго, но въ тоже время мнѣ и, я думаю, многимъ изъ насъ кажется, что не однимъ только благоразуміемъ, но и благородными порывами чести и сердца нужно руководиться тѣмъ, кто любитъ свою отчизну и желаетъ вырвать его изъ рукъ тирановъ.

— Гдѣжъ и въ комъ, пане Бернацкій, вы видите тирановъ? Повѣрьте мнѣ, что я, также какъ и всякій изъ насъ, люблю свою отчизну, но, не смотря на то, это чувство еще не ослѣпило меня на столько, чтобы не видѣть той истины, что теперь намъ не начто и не накого жаловаться. Костелы не конфискуются, въ училища допускаютъ нашъ языкъ, эмигрантовъ прощаютъ, имѣнія политическихъ преступниковъ возвращаются, благодѣтельныя льготы въ Королевствѣ ниспосланы, въ немъ нѣтъ почти русскихъ чиновниковъ и кромѣ того обѣщаны Царемъ русскимъ разныя національныя учрежденія и реформы......

— А кнутъ и Сибирь, перебилъ неугомонный ксендзъ Бронскій.

— Я слыхалъ, что кнутъ отмѣняется, а Сибирь—самое удобное мѣсто для охлажданія горячихъ головъ. Впрочемъ я думаю, что и во всѣхъ другихъ государствахъ наказаніе ожидаетъ тѣхъ, которые бунтуютъ, лѣзутъ непрошенные—не въ свое дѣло. Бываетъ даже и то, что нахаловъ изгоняютъ изъ общества порядочныхъ людей, сказалъ многозначительно Мондровскій.

Бронскій понялъ намекъ хозяина и замолчалъ, а въ залѣ между дамами пробѣжалъ глухой шопотъ неудовольствія.

— И такъ, господа, продолжалъ Мондровскій, какъ хотите, а я не вижу, чтобы насъ здѣсь тиранили.—Но, положимъ, что вы недовольны, что вы даже имѣете причины быть недовольными нашимъ правительствомъ, что жъ изъ этого слѣдуетъ? Гдѣ у насъ средства воевать съ могущественнѣйшею въ мірѣ націей? Гдѣ наша армія? Гдѣ наши вожди, пушки, гдѣ наши финансы?

— Не безпокойтесь о средствахъ, пане Мондровскій, сказалъ Бернацкій, онѣ уже обдуманы: Царство Польское скоро возстанетъ, всѣ отъ мала до велика—вооружатся, мы тоже поможемъ, чѣмъ кто можетъ: посильная жертва всякаго изъ насъ на олтарь отчизны составитъ финансы наши. А если эти средства окажутся недостаточными, то великодушный императоръ французовъ Наполеонъ восполнитъ наши недостатки; мудрая Англія и даже хитрая Австрія обѣщаютъ оказать намъ свою помощь, чтобъ ослабить опаснато для нихъ врага.

— И вы на это полагаетесь? Ахъ, панове, какъ вы легковѣрны! Ну—что Польша, съ своими пятью милліонами жителей обоего пола, изъ которыхъ возстанетъ, можетъ быть, одно только сословіе,—что значитъ эта ничтожная сила людей, окруженныхъ милліонами враговъ—крестьянъ, въ сравненіи съ могуществомъ Россіи? Неужели вы не видите того, что, прежде чѣмъ мы успѣемъ собраться, одна десятая часть воиновъ рускаго Императора безъ труда успѣетъ обезоружить насъ. Что касается иностранной помощи, я считаю ее болѣе чѣмъ сомнительною. Повѣрьте, что Наполеонъ довольно уменъ и эгоистиченъ для того, чтобы неначинать рискованаго дѣла изъ за мечтаній слабаго, чуждаго и ненужнаго ему народа, а Англія довольно расчетлива и благоразумна для того, чтобы не желать ни матеріальнаго, ни нравственнаго возвышенія Наполеона. Что же касается Австріи, то мнѣ даже смѣшно, что вы можете вѣрить тому, что бы держава, связанная съ Россіей одинаковостью интересовъ

въ польскомъ дѣлѣ, могла дѣйствовать противъ нея, ослабляя себя безъ всякой пользы. Но, положимъ, что миражи ваши могутъ превратиться въ дѣйствительность, что къ намъ придутъ на помощь Англія, Франція и Австрія; въ такомъ случаѣ неблагоразумнѣе ли будетъ ожидать того момента, когда стотысячныя арміи нашихъ друзей войдутъ въ предѣлы Королевства, чѣмъ раздроблять и истощать безразсудною торопливостью тѣ утлыя силы, которыя, быть можетъ, и пригодились бы великодушнымъ спасителямъ нашимъ? Скажите, князь, имѣю ли я резонъ? Скажите и вы, дорогіе сосѣди, неблагоразумнѣе ли будетъ послушать совѣта старика, который, право, отъ души желаетъ добра своимъ соотечественникамъ?

Князь и многіе изъ пожилыхъ пановъ стояли потупя головы и, повидимому, соглашались съ мнѣніемъ Мондровскаго, а ксендзъ, Бернацкій, дамы и молодежъ видимо досадовали на его силогистику, но не находили возраженій противъ очевидныхъ истинъ Мондровскаго, который, какъ бы не замѣчая этого затрудненія своихъ слушателей, продолжалъ:

—Съ душевною радостью я вижу, панове, что слова отъ души любящаго васъ сосѣда производятъ на васъ то впечатлѣніе, котораго я ожидалъ отъ словъ непоколебимой истины, а потому я буду продолжать. Намъ слѣдуетъ быть крайне осторожными, и ежели вы уже непремѣнно хотите возстанія, то до поры до времени намъ не слѣдуетъ раздражать правительство съѣздами, траурами и тѣми кукольными комедіями, въ родѣ которыхъ устроена была нынѣ ксендзомъ Бронскимъ въ костелѣ. Что касается вещей болѣе важныхъ, какъ-то: тайнаго перевоза оружія, описковъ денежныхъ сборовъ, то объ этомъ и думать не слѣдуетъ. Если же вы не послушаетесь убѣжденій разсудка, то вотъ что васъ ожидаетъ: одни изъ насъ бѣгутъ заграницу, другихъ сошлютъ въ Сибирь, большую часть молодежи перебьютъ, другую отдадутъ въ солдаты, а вы, прелестная княгиня, продолжалъ Мондровскій, обращаясь къ Полинской, вмѣсто того, чтобы жить и умирать прилично вашему званію и богатству, въ вашемъ великолѣпномъ палацѣ, остатки дней вашихъ проведете гдѣ нибудь въ угрюмой и курной избѣ, въ снѣгахъ Сибири, или, въ случаѣ удачной эмиграціи, снискивая себѣ пропитаніе трудомъ рукъ вашихъ, въ модномъ парижскомъ магазинѣ.

—Фи, какія гадости вы разсказываете, сказала, покраснѣвъ отъ досады, княгиня.

— Извините, княгиня, но я счелъ обязанностію стараго друга предупредить васъ о томъ, что могло бы случиться съ вами, въ случаѣ неблагоразумія князя Полинскаго.

—Я надѣюсь, сказала испугавшись княгиня, что мужъ мой будетъ настолько благоразуменъ, что не доведетъ меня до чего нибудь подобнаго.

—Успокойся, душа моя, сказалъ князь, на котораго слова Мондровскаго тоже произвели ожиданное имъ впечатлѣніе, Мы люди не молодые и, благодаря Бога, не такъ ужь ограничены, какъ это полагаетъ нашъ много-уважаемый сосѣдъ, панъ Мондровскій. Собраться, потолковать, почему бы не такъ? Но отъ всего этого весьма еще далеко до дѣла. Не правда ли,-панове?

—Спасибо вамъ, князь, спасибо и вамъ, панъ Мондровскій, сказалъ старый судья Дубовскій,—спасибо вамъ, панове, за ваши мудрыя рѣчи. Повѣрьте, что и я не разъ тоже самое толкую моимъ молодцамъ. Сказавъ это, Дубовскій указалъ на присутствующихъ здѣсь двоихъ дюжихъ сыновей своихъ.

—Но что прикажите дѣлать, продолжалъ судья! Съ сыновьями я еще какъ нибудь справился бы, но на бѣду и моя баба тудажъ. А если впутается куда баба, нашему брату, разумѣется, остается только махнуть рукой.

—Вы безчувственны, сказала, обращаясь къ мужу, вся вспыхнувъ, жирная пани Дубовская! Неужели васъ не трогаютъ прекрасныя, правдивыя рѣчи каноника?

—Въ томъ то и бѣда, что въ этомъ дѣлѣ слишкомъ ужъ юлитъ ксендзъ Бронскій, мрачно сказалъ Дубовскій.

Услышавъ, что рѣчь зашла о немъ, ксендзъ навострилъ уши и выступилъ было впередъ, но Мондровскій презрительно взглянулъ на него и, прежде чѣмъ ксендзъ успѣлъ раскрыть ротъ, сказалъ.

—Хорошо толковать о разныхъ бунтахъ ксендзу каноннику! Онъ вѣдь птица перелетная,—прибылъ въ наши окрестности, чтобы поживиться; удастся, хорошо, а нѣтъ, онъ поѣдетъ въ другой околодокъ искать счастья; сборы у него коротки, а до многочисленныхъ жертвъ, которыя онъ можетъ вовлечь въ погибель, сиротство, нищету—ему, по видимому, и горя мало.

Услыхавъ эти слова, Бронскій сперва растерялся было, но

потомъ, чувствуя, что, для поддержанія своего авторитета, ему, во что бы то ни стало, слѣдуетъ опровергнуть сарказмъ Мондровскаго, онъ собрался съ силами и, придавъ своему голосу возможный пафотизмъ, а лицу незлобіе, сказалъ:

—О, дорогая отчизна, я готовъ для тебя перенести все даже клевету на самыя благородныя движенія моего духа!

—Не унывайте, ксендзъ Бронскій, сказала пани Дубовская, дасть Богъ-будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

—И въ этотъ праздничный день, возразилъ Мондровскій, вы будете имѣть удовольствіе видѣть вашихъ сыновей, наряженными въ русскія, солдатскія шинели.

—О, Боже упаси, воскликнула Дубовская, сплеснувъ руками! Пораженная словами Мондровскаго, она начала искать въ залѣ глазами сыновей своихъ съ такимъ выраженіемъ лица, какъ бы опасаясь, чтобы не случился уже предсказанный Мондровскимъ метаморфозъ.

Видимо довольный старикъ произведеннымъ его словами на все общество впечатлѣніемъ, собирался было еще что то сказать, чтобъ окончательно разсѣять миражи своихъ сосѣдей,—но...въ эту минуту, дверь залы отворилась и въ нее вбѣжалъ незнакомый мужчина среднихъ лѣтъ. На немъ было дорожнее, запыленное платье. Судя по его угловатымъ и неловкимъ манерамъ, можно было догадаться, что онъ не принадлежитъ къ разряду людей высшаго общества. Въ замѣнъ того самая отчаянная рѣшительность и самая наглая самоувѣренность видиѣлись во взглядѣ его и движеніяхъ. Остановившись не вдалекѣ отъ порога, пріѣзжій спросилъ дерзкимъ и рѣзкимъ голосомъ:

—Кто здѣсь хозяинъ?

—Къ панскимъ услугамъ,—но кто вы и что вамъ угодно, сказалъ, подходя къ незнакомцу, Мондровскій?

—Станиславъ Волинскій, изъ Варшавы. А, здравствуйте, ксендзъ Бронскій!

Бронскій, который видимо обрадовался и пріободрился, увидѣвъ Волинскаго, подошелъ къ нему и судорожно пожалъ ему руку.

—Я прибылъ къ вамъ съ инструкціями и приказаніями отъ нашего правительства, продолжалъ Волинскій и, узнавъ отъ одного встрѣчнаго, что здѣсь собралось панство всей почти околицы, явился сюда.

Мондровскій былъ пораженъ.

—У насъ нѣтъ другого правительства, кромѣ русскаго, съ твердостію, однакожъ, возразилъ онъ.

—Я коммиссаръ Варшавскаго Народнаго Комитета; вы, старина, какъ я вижу, держитесь старыхъ предразсудковъ, а потому, оставляя васъ въ сторонѣ, прямо обращусь къ этимъ панамъ. Насталъ часъ спасенія нашей отчизны изъ подъ московскаго ига! Царство польское уже возстало; чрезъ мѣсяцъ ни одного москаля не будетъ ни въ Конгресовкѣ, ни въ нашихъ руссинскихъ провинціяхъ!

Услыхавъ эти слова, все общество взволновалось, дамы и молодежъ разразились шумною радостью. Толпа хлынула къ Волинскому, а ксендзъ Бронскій громко воскликнулъ:

— Виватъ пану Волинскому!

Виватъ подхватили юноши, виватъ затянули пани, виватъ запищали панны, и только нѣсколько стариковъ, понуря головы, молчали.

Мондровскій что-то проговорилъ, но слова его затерялись въ шумномъ гулѣ сотни экзальтированныхъ людей.

— Быть бѣдѣ, шепнулъ Мондровскому Дубовскій!

— Погодите, пусть немного поуспокоятся, я постараюсь вразумить ихъ, отвѣтилъ Мондровскій.

— Да вы бы велѣли вытолкать его въ шею, сказалъ, подходя къ Мондровскому, старый отставной маіоръ русскихъ войскъ Гурскій.

— Ну нѣтъ, это пока не годится, да и не въ моей натурѣ, возразилъ Мондровскій; подобныхъ пановъ, я думаю, намъ не разъ теперь прійдется встрѣчать, и если перваго изъ нихъ намъ не удастся сбить съ толку благоразумными доводами, то послѣ того намъ не сладить съ нашими дамами и съ нашею молодежью.

Между тѣмъ Волинскій, дождавшись момента, когда восторженные крики начали утихать въ залѣ, продолжалъ:

— Черезъ мѣсяцъ, говорю вамъ, ни одного москаля не будетъ на нашей землѣ. Но для этого нужно, чтобы всѣ поголовно возстали, оказали дружную помощь нашимъ конгресовскимъ героямъ, которые, перерѣзавъ ночью, во время сна, одну половину москалей, одержали надъ остальными нѣсколько блистательныхъ побѣдъ и осадили въ Варшавѣ небольшое количество спасшихся отъ нашей мести москалей. Всѣ поляки и всѣ польскіе

подданные возстанутъ, возстанетъ и вашъ округъ. Я прибылъ къ вамъ, чтобы, вопервыхъ, собрать денежную жертву для спасенія отчизны, чтобы....

— Позвольте,.... началъ было, Мондровскій.

— Молчать, когда я говорю, перебилъ его Волинскій!

— Я прибылъ, чтобы собрать съ васъ денежную жертву, чтобъ организовать изъ васъ отряды.... и назначить вамъ начальниковъ.... Кто изъ васъ князь Полинскій?

— Имѣю честь рекомендоваться, сказалъ Полинскій.

— Еще въ Варшавѣ я слыхалъ о вашемъ патріотизмѣ, князь, а ксендзъ Бронскій убѣдилъ меня въ томъ окончательно письмомъ, и я назначаю васъ, князь, начальникомъ здѣшняго округа.

Судя по выраженію, которое приняло лице князя и по его блѣдности, можно было думать, что онъ скорѣе испугался, чѣмъ обрадовался высокой роли, которую назначалъ ему Волинскій. Князь тревожно взглянулъ на жену свою, но та, забывъ уже, повидимому, о недавномъ страхѣ, внушенномъ ей словами Мондровскаго, взглядомъ и жестами убѣждала мужа скорѣе принять предложенную ему должность. Но ни краснорѣчіе глазъ, ни выразительность жестовъ княгини, ни ея восторженная улыбка на этотъ разъ не подѣйствовали на мужа, и князь, обращаясь къ Волинскому, робко сказалъ:

— Благодарю васъ за оказанную мнѣ честь, но я старъ уже, и по долгу честнаго человѣка скажу вамъ, что я чувствую себя слабымъ для этой роли; я не могу употребить во зло оказаннаго мнѣ довѣрія, я отказываюсь отъ должности. Что касается денежной жертвы, о которой вы изволили упомянуть, то повѣрьте, что я съ охотою пожертвую на дѣло отчизны всѣми средствами, какими только могу располагать.

Тучи, набѣжавшія на чело Волинскаго при началѣ рѣчи князя, мгновенно разсѣялись при послѣднихъ словахъ его.

— Я долженъ однакожъ, добавить, продолжалъ съ большею еще радостью князь, что нашъ благоразумный сосѣдъ панъ Мондровскій,.... впрочемъ пусть онъ самъ говоритъ за себя!

— Молчать, старикъ, грозно закричалъ Волинскій, услыхавъ слова Полинскаго, топнулъ ногою и погрозилъ пальцемъ Мондровскому.

Старикъ вспыхнулъ.

— Панове, воскликнулъ онъ, растолкуйте, пожалуста, этому егомосцю, что я 60 лѣтъ живу здѣсь и что въ продолженіи этихъ лѣтъ я имѣлъ честь пользоваться вашею любовью и вашимъ, смѣю сказать, уваженіемъ! Объясните, пожалуста, ему, что я здѣсь хозяинъ, что никакія политическія затѣи не извиняютъ слишкомъ безцеремоннаго, чтобы не сказать хуже, поведенія въ чужомъ домѣ пана Волинскаго, что я хочу говорить съ нимъ и что онъ долженъ выслушать меня!

Князь, старый Дубовскій и еще нѣсколько человѣкъ окружили Волинскаго и начали убѣждать его выслушать Мондровскаго. Но тотъ, увлекшись важностью своей миссіи и не обращая на нихъ вниманія, снялъ висѣвшую у него черезъ плечо сумку и, роясь въ ней, чтобы найдти какія то бумаги, небрежно и насмѣшливо сказалъ:

— Не хочетъ ли старина просить, чтобы я назначилъ его начальникомъ округа? Но, добавилъ онъ, послѣ небольшой паузы: вы, князь, примете начальство надъ округомъ.

— Прежде чѣмъ назначать начальниковъ, нужно набрать подчиненныхъ, сказалъ Мондровскій. А мнѣ кажется, пане Волинскій, что не разъ наученное тяжелымъ опытомъ дворянство наше не рѣшится ни начто, пока неубѣдится въ возможности успѣха предпріятія.

— А, такъ ты, старикъ, мало того, что глупъ, но, какъ я вижу, еще и бунтовщикъ! А знаешь ли, что ждетъ тебя, если ты рѣшишься еще продолжать подобныя возмутительныя рѣчи, грозно сказалъ Волинскій?

— Этого я незнаю, сказалъ выведенный изъ терпѣнія Мондровскій, но знаю то, что ни я, ни гости мои непозволимъ вамъ говорить дерзости хозяину въ его домѣ, и что если вы будете еще толковать въ моемъ домѣ о возмутительныхъ затѣяхъ, то я прикажу людямъ моимъ связать васъ и доставить, вмѣстѣ съ вашей сумкой, куда слѣдуетъ!

Многіе заволновались, но молчали, а Волинскій обвелъ прежде глазами все общество и, замѣтивъ общую нерѣшительность и твердость хозяина, до того потерялся, что началъ—было собирать вынутыя уже изъ сумки бумаги и, казалось, готовъ былъ скорѣе убраться, по живу по здорову, куда глаза глядятъ, но ксендзъ Бронскій, замѣтившій смущеніе гостя, выступилъ впередъ и, съ обычнымъ энтузіазмомъ, завопилъ на весь

домъ. Панове, сказалъ онъ, неужели все, собравшееся здѣсь благородное шляхетство допуститъ, до подобнаго униженія посла земли польской, явившагося здѣсь съ вѣстью о сокрушеніи цѣпей московскихъ? Неужели мы, столько лѣтъ стонавшіе, столько лѣтъ мечтавшіе о томъ, чтобы кровію и жизнію искупить святую отчизну нашу, послушаемъ безумныхъ совѣтовъ этого упрямаго старика теперь, наканунѣ спасенія Польши, славы ея сыновъ! Нѣ не быть, этому? Я знаю благородныя сердца нашихъ юношей, нашихъ женъ, нашихъ дѣвъ, и въ эту торжественную минуту предлагаю всякому. кто любитъ нашу святую Польшу, воскликнуть вмѣстѣ со мною: виватъ пану Волинскому!

—Громогласное: виватъ пану Волинскому, виватъ пану Волинскому, раздалось вторично въ обширной залѣ Мондровецкаго дома.

Всѣ, даже и тѣ, которые за минуту предъ тѣмъ были сторонниками Мондровскаго, опасаясь, чтобъ ихъ не сочли единомысленниками хозяина, столпились вокругъ Волинскаго и всѣ кричали: виватъ, виватъ!!

—Виватъ святому отечеству нашему, виватъ пану Волинскому, громче всѣхъ кричала Ядвига.

Гробовою блѣдностью покрылось лице стараго Мондровскаго. Онъ отошелъ въ сторону, сложилъ крестообразно на грудь руки и съ болью душевною глядѣлъ на своихъ сосѣдей и на свою любимую Ядвигу.

—Не унывайте, дядюшка, сказалъ съ участьемъ подошедшій къ Мондровскому племянникъ его Генрихъ Терлецкій.

—Жалкіе безумцы, произнесъ тихо, какъ бы въ раздумьи, Мондровскій! Генрихъ, добавилъ онъ потомъ, я имѣю къ тебѣ просьбу,—ты имѣешь нѣкоторое вліяніе на Ядвигу, пойди вразуми ее.

Молодой Генрихъ незамѣтно подошелъ къ своей двоюродной сестрѣ и тихо сказилъ ей:

—Ядвига, взгляни, какъ страдаетъ твой отецъ. Неужели ты безъ сердца? Я не меньше тебя люблю свое отечество, по въ тоже время я чувствую, что и связи родства имѣютъ надъ нами законныя права.

—Отецъ, отецъ! воскликнула тронутая словами Генриха, восторженная Ядвига. Отецъ, отецъ, умоляю тебя! И громко крича, Ядвига побѣжала въ отдаленный уголъ, въ которомъ

стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, старый Мондровскій, бросилась предъ отцемъ на колѣна и сквозь сильныя рыданія, какъ будто въ безпамятствѣ, цѣлуя ноги старика, она лепетала изступленныя безсвязныя фразы.

—Встань, Ядвига! Богъ съ тобою, Ядвига,—ты больна, говорилъ растерявшійся Мондровскій.

—Отецъ, молю тебя! Ради Польши, ради святаго дѣла нашего...., лепетала Ядвига.

Генрихъ, Терлецкая, Дубовская, князь и княгиня Полинскіе и многіе изъ присутствующихъ лицъ обратили вниманіе на судорожные вопли Ядвиги и всѣ, съ тревожнымъ вниманіемъ, столпились вокругъ Мондровскаго и его рыдающей дочери. Панъ Волинскій, успѣвшій уже оправиться отъ смущенія, которое произвела недавно на него угроза хозяина дома, тоже подошелъ къ нимъ.

—Что за глупая сцена, спросилъ онъ грубо?

—Рекомендую вамъ достойную дѣву Польши Ядвигу Мондровскую, сказалъ находчивый ксендзъ Бронскій. Она одна изъ ревностнѣйшихъ патріотокъ въ нашемъ округѣ.

—Положимъ что такъ, и я похваляю чувства панны Ядвиги, сказалъ Волинскій, но теперь намъ не до чувствительныхъ сценъ, намъ слѣдуетъ поговорить о болѣе важныхъ дѣлахъ.

—Пане Волинскій, сказала, привставъ Ядвига, не считайте пустой чувствительной сценой кровавыхъ слезъ и пламенной мольбы одной изъ самыхъ преданныхъ слугъ отчизны! Вы видите предъ собою ничтожную, пожалуй, дѣвицу, но вѣрьте, прошу васъ, что она съ радостію пожертвуетъ жизнію для ея свободы. Ежели не ради меня, то ради святыхъ чувствъ, которыми преисполнена въ эту торжественную минуту душа моя, молю васъ, пане Волинскій, простите моему благородному, но слишкомъ ужъ осторожному отцу.

И, бросившись опять передъ Мондровскимъ на колѣна, она начала умолять его присоединиться къ общему дѣлу; въ тоже время дамы, а въ слѣдъ за ними и мужчины, окружили пана Волинскаго и въ одинъ голосъ начали просить его, чтобы онъ простилъ честнаго, но упрямаго, по ихъ мнѣнію, старика.

—Господа, не унижайтесь, началъ было, возвысивъ голосъ, Мондровскій, но въ ту же минуту панъ Бернацкій, желая, по-

добно ксендзу Бронскому, отличиться въ этотъ день, громко сказалъ:

—Пане Мондровскій! Гласъ народа—гласъ Божій, и вы должны присоединиться къ большинству. Я предлагаю всякому, кто любитъ отечество, закричать вмѣстѣ со мною: съ нами, пане Мондровскій!

—Съ нами пане Мондровскій, съ нами пане Мондровскій, закричали гости, и потомъ все общество начало просить Мондровскаго присоединиться къ общественному дѣлу.

— Да будетъ воля Божія, сказалъ наконецъ Мондровскій! Дѣлайте, панове, какъ хотите, я вижу, что мнѣ не вразумить всѣхъ васъ.

Сказавъ это, старикъ медленно вышелъ изъ комнаты.

Послѣ кратковременнаго совѣщанія, на другой день назначенъ былъ съѣздъ къ князю Полинскому; всѣ разъѣхались.

ГЛАВА III.

На другой день князь Полинскій, привыкшій почивать обыкновенно часовъ до десяти и долѣе, въ восемь часовъ утра тревожно расхаживалъ уже по своему кабинету и хотя онъ зналъ, что княгиня спитъ еще, но не смотря на то почти всякія десять минутъ посылалъ узнать не проснулась ли она. Наканунѣ княгиня возвратилась не совсѣмъ здоровою, а потому Полинскій не успѣлъ поговорить съ ней, а между тѣмъ онъ чувствовалъ необходимость въ откровенной бесѣдѣ съ женой. Говоря правду, и было надъ чѣмъ призадуматься князю! Принять предложенное ему начальство это, значило бы принять на свою голову бездну заботъ, а въ случаѣ неудачи или неосторожности первому подвергнуться отвѣтственности, быть можетъ, испытать тѣ плачевныя послѣдствія своего увлеченія, которыя предсказывалъ Мондровскій; а князю, разумѣется, этого вовсе не хотѣлось. Съ другой стороны, ему, всегда такъ много и такъ краснорѣчиво проповѣдывавшему о своей безконечной любви къ отчизнѣ, отказаться на отрѣзъ отъ предложенія пана комиссара, значило бы бросить на себя тѣнь подозрѣнія, испытать насмѣшки и упреки и пани Дубовской, и Ядвиги, и княгини, и игравшаго такую важную роль въ дѣлѣ повстанья, ксендза Бронскаго, а быть можетъ, подвергнуться еще наказанію отъ неумолимаго комиссара. Наконецъ, какъ знать, быть можетъ, княгиня,

которой по всей вѣроятности весьма хочется быть начальницей, поведетъ дѣла такъ, что ему волей неволей прійдется принять начальство? Князь впалъ въ уныніе

— Славны бубны за горами, славны бубны за горами, мысленно повторялъ онъ, и все еще надѣялся, что ему удастся извернуться въ столь критическомъ положеніи.

Княгиня, не смотря на вчерашнюю болѣзнь, проснулась тоже раньше обыкновеннаго и, наконецъ, князю дали знать, что она одѣта и ожидаетъ его въ своемъ будуарѣ. Немедля ни минуты, Полинскій отправился на половину жены. Не трудно представить себѣ, каково было удивленіе, а вмѣстѣ и досада князя, когда, переступая порогъ будуара, онъ увидѣлъ, что ксендзъ Бронскій былъ уже тутъ.

— О, ксендзъ каноникъ, какъ видно, ранняя птичка, сказалъ онъ, состряпавъ на лицѣ своемъ улыбку, которая, по его мнѣнію, скрывала досаду.

— Орелъ не дремлетъ, когда почуетъ добычу, высокопарно, но не ловко, отвѣтилъ ксендзъ.

— Судя по вашимъ словамъ, можно подумать, что и мой князь тоже орелъ; онъ, говорятъ, проснулся сегодня еще до разсвѣта, насмѣшливо сказала княгиня.

— Куда мнѣ старому равняться съ орлами, скромно замѣтилъ князь!

— А между тѣмъ, судя по вашему полету, вы скоро достигнете высоты—Костюшки, пане начальникъ здѣшняго округа, сказалъ ксендзъ.

— Вы очень кстати, ксендзъ Бронскій, намекнули о сдѣланномъ мнѣ вчера паномъ Волинскимъ предложеніи. Я именно съ тѣмъ и пришелъ къ моей женѣ, чтобы потолковать съ ней объ этомъ предметѣ. Теперь, когда я имѣлъ удовольствіе застать васъ здѣсь, я, вдвойнѣ радъ: совѣтъ нашъ обогатился такимъ членомъ, которымъ могъ бы гордиться любой тріумвиратъ. Князь очень мало думалъ о нежданномъ совѣтникѣ; но надѣялся лестью склонить ксендза на свою сторону.

— Благодарю васъ за вниманіе, отвѣтилъ ксендзъ; но мнѣ кажется, что нашъ совѣтъ окончится очень скоро. Вы, безъ сомнѣнія, хотите говорить о томъ, какъ приступить къ дѣлу, какія слѣдуетъ принять мѣры въ вашемъ новомъ званіи; но объ

этомъ вы въ подробности узнаете изъ привезенныхъ паномъ Волинскимъ изъ Варшавы точныхъ инструкцій.

— Я не сомнѣваюсь, отвѣтилъ князь, но я хотѣлъ бы посовѣтоваться еще.....

Княгиня перебила его.

— Ты не повѣришь, сказала она, какъ дѣльно составлены инструкціи. Когда ты входилъ сюда, ксендзъ Бронскій разсказывалъ мнѣ о нихъ и, судя потому, что я узнала, я ни на минуту не сомнѣваюсь въ успѣхѣ нашего дѣла. Единодушіе есть безъ сомнѣнія главный залогъ успѣха, и инструкціи повелѣваютъ всѣмъ полякамъ, отъ молодыхъ до старыхъ, отъ мущины до женщины, быть участниками возстанія. Панъ Волинскій имѣетъ неограниченное полномочье и, слѣдовательно, право приговаривать къ позорной смертной казни всякого, кто бы осмѣлился ослушаться его приказаній. Ксендзъ говорилъ, что Мондровскій вчера былъ прощенъ только благодаря просьбѣ дамъ, которыхъ панъ Волинскій вообще очень уважаетъ. Хорошо, что мы догадались попросить о Мондровскомъ, иначе несдобровать бы нашему бѣдному мудрецу, и Ядвига теперь была бы уже круглой сиротой.

Сильно покоробило князя Полинскаго, когда онъ услышалъ слова жены.

— Ахъ-да, княгиня, прибавилъ ксендзъ, я и забылъ расказать вамъ еще о томъ, что случилось въ Конгрессовкѣ, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Варшавы пана Волинскаго. Представьте себѣ, кое-какіе паны вздумали-было перечить волѣ комитета. Задали жъ имъ лупня! шесть человѣкъ заболтало своими аристократическими ножками на висѣльницахъ, которыми угостили ихъ наши братья красные.

— Ахъ, чортъ побери, подумалъ князь, невольно взглянувъ на свои, обутыя въ парижскіе ботинки, ноги. Лице его покрылось блѣдностью и, чтобы скрыть свое волненіе, онъ полубезсознательно сказалъ:

— Кого бы мнѣ выбрать себѣ въ адъютанты? Княгиня и ксендзъ Бронскій, пожалуйста, посовѣтуйте мнѣ.

— Разумѣется, рѣшительно отвѣтила княгиня, что никто не можетъ быть лучшимъ адъютантомъ вашимъ, какъ Генрихъ Терлецкій. Мы бы избрали Ядвигу, но старый хричъ не отпуститъ ее; такъ, по крайней мѣрѣ, пусть братъ займетъ мѣсто

сестры. Ксендзъ Бронскій зналъ объ извѣстной авантюристкѣ съ русской фамиліи, служившей адъютантомъ у Лангевича, и, видно было, что ему понравилась мысль княгини произвести Ядвигу въ адъютанты; но ему почему-то не понравилась эта комбинація, онъ охотно изъявилъ согласіе на назначеніе Генриха, а князь, разумѣется, и не думалъ противорѣчить. Безсознательно онъ поглядывалъ, то на жену свою, то на ксендза Бронскаго, то на свои ноги, которыя онъ воображалъ уже болтающимися въ воздухѣ, въ то печальное время, когда грубая веревка на вѣки остановитъ дыханіе въ его аристократическомъ горлѣ.

— Славны бубны за горами, подумалъ онъ снова, и, не въ силахъ будучи скрывать долѣе свое волненіе и совладѣть съ путаницей разнородныхъ мыслей и чувствъ, онъ сказалъ: мнѣ нужно заняться важными дѣлами и вышелъ изъ комнаты въ положеніи человѣка, брошеннаго въ бездонный омутъ.

Громкій хохотъ раздался въ будуарѣ княгини по выходѣ князя.

— Порядочный же онъ у васъ трусъ, сказалъ хорошо изучившій психологію князя ксендзъ, указывая глазами на скрывшую князя дверь.

— Ахъ, милый ксендзъ каноникъ, вы не повѣрите, сколько я страдаю, возясь всю жизнь съ этимъ олухомъ!

— Пугнули же мы его! Я думаю, онъ уже, какъ автоматъ, полѣзетъ въ силки пана Волинскаго.

— Не повѣрите, какъ я вамъ благодарна, мой милый ксендзъ, проговорила княгиня и, о времена, о нравы! крынолинъ княгини, а съ нимъ и его обладательница, въ припадкѣ ли благодарности, или другаго чувства, перепорхнули изъ занимаемаго ими мѣста на колѣна ксендза Бронскаго, и аристократическая ручка пани Полинской потрепала по худой, но, конечно, не непріятной для нея щекѣ ксендза волокиты, и глядя въ очи Бронскому, старалась придать возможную нѣжность своей сорокалѣтней физіономіи.

— Вишь ее, какъ, нащекатурилась, старая стерва, думалъ ксендзъ и, цѣлуя нарумяненную щеку княгини, сказалъ: о, милое существо, не повѣришь, какъ я люблю тебя! Отчизна и ты, вы обѣ — двоицы нераздѣльныя души моей!

Какъ ни сладки были эти слова княгинѣ, но все таки ей

думалось, что соловья баснями не кормять, и она еще выразительнѣе взглянула на своего любовника....

— Почему бы не быть Ядвигѣ Мондровекой на ея мѣстѣ, думалъ ксендзъ! Но чортъ возьми, та не такъ податлива, съ досадой вспомнилъ онъ.

Старая Дульцинея поглядывала уже на дверные замки своего будуара, какъ неожиданный приходъ мужа вывелъ благочестиваго духовника ея изъ затруднительнаго положенія.

Удивительный метаморфозъ произошелъ въ душѣ Полинскаго въ промежутокъ его визита княгинѣ, и онъ возвращался уже съ спокойнымъ и даже веселымъ выраженіемъ лица. Какая то новая мысль видимо успокоила его, но за то, увы, онъ чуть—чуть не убѣдился было собственными глазами въ томъ, что давно уже смутно предугадывала его душа. Но у ксендза Бронскаго было чуткое ухо, и онъ въ ту самую секунду, какъ услыхалъ чье то прикосновеніе къ двери, столкулъ весьма безцеремонно княгиню съ колѣнъ и однимъ скачкомъ очутился въ совершенно противуположной отъ нея сторонѣ комнаты. Какъ ни проворенъ былъ ксендзъ, князь замѣтилъ этотъ скачекъ; но какъ человѣкъ деликатный, не измѣнилъ секрету жены ни взглядомъ, ни движеніемъ.

—Ну, нечего дѣлать, сказалъ онъ весело, когда этого непремѣнно желаютъ, нужно отбросить скромность въ сторону и принять предлагаемое мнѣ начальство. Вскорѣ мы будемъ драться на славу, ксендзъ Бронскій; но пока еще не долго до этого, взгляните друзья мои на ту лепту, которую я намѣренъ возложить на олтарь отчизны.

Князь раскрылъ бывшій у него въ рукахъ банковый билетъ, и лице ксендза вытянулось, а глаза сверкнули какимъ то лихорадочнымъ блескомъ въ ту минуту, когда онъ глядѣлъ на количество нулей и предшествующую имъ солидную цифру, которыя крупнымъ шрифтомъ красовались на билетѣ князя.

Когда князь достаточно налюбовался произведеннымъ на ксендза Бронскаго его билетомъ впечатлѣніемъ, а ксендзъ каноникъ нѣсколько успокоился отъ смѣси разнообразныхъ ощущеній; то онъ разсказалъ князю и княгинѣ о прежней жизни пана Волинскаго и объ его нынѣшнемъ огромномъ значеніи въ дѣлѣ спасенія отчизны.

По словамъ Бронскаго, Волинскій происходилъ отъ древ-

няго, но бѣднѣйшаго рода и былъ дѣятельнымъ участникомъ, не смотря на свои молодые тогда лѣта, революціи 1830 года. Потомъ онъ эмигровалъ и въ продолженіи 30 лѣтъ, будучи въ связяхъ со всѣми польскими революціонными знаменитостями, онъ игралъ важную роль въ поддержаніи патріотическаго духа въ эмигрантахъ. Во время венгерской кампаніи онъ былъ адъютантомъ и вмѣстѣ самымъ уважаемымъ совѣтникомъ Бема. Потомъ онъ былъ профессоромъ въ генуэзской академіи и съ этого поста призванъ теперь въ Польшу, чтобы своимъ умомъ, опытомъ и энергіей содѣйствовать несомнѣнному освобожденію отчизны. Въ варшавскомъ комитетѣ, по словамъ ксендза Бронскаго, Волинскій занимаетъ самое почетное мѣсто и на него возлагаются только самыя важныя порученія, въ родѣ теперешняго.

Чтобы не остаться въ долгу предъ истиной и ксендзомъ каноникомъ, раскажемъ подлинную исторію пана Волинскаго. Онъ былъ сынъ варшавскаго цирюльника. Въ 1831 г. дѣйствительно онъ былъ въ рядахъ польскихъ мятежниковъ и по усмиреніи бунта бѣжалъ за границу. Тамъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, онъ шлялся изъ страны въ страну, снискивая себѣ пропитаніе профессіей своего отца и наконецъ открылъ цирюльню въ одномъ швейцарскомъ городкѣ. Тутъ было много польскихъ эмигрантовъ, которые излишекъ отросшихъ волосъ всегда оставляли въ заведеніи пана Волинскаго, чтобы тѣмъ поддержать своего соотечественника; и такимъ образомъ дѣла польскаго цирюльника пошли хорошо. У Волинскаго былъ уже небольшой капиталецъ, когда одна изъ революціонныхъ польскихъ знаменитостей, прибывъ въ городокъ, наняла у земляка-цирюльника комнату со столомъ. Но знаменитость была—голь и, проживъ у Волинскаго цѣлый годъ, не имѣла чѣмъ расчитаться съ нимъ. Цирюльникъ началъ требовать денегъ, а между тѣмъ подоспѣла настоящая польская революція, и знаменитость, вмѣсто денегъ, взялась рекомендовать Волинскаго въ Варшавѣ, какъ самаго ревностнаго и способнаго къ революціонной дѣятельности патріота. Рекомендацію знаменитости, разумѣется, уважали въ Варшавѣ, и мы видимъ теперь, авантюриста, пана Волинскаго комиссаромъ революціоннаго комитета, предъ которымъ благоговѣетъ новодиковская околица и трепещетъ самъ князь Полинскій.

Когда ксендзъ окончилъ свой разсказъ, князь, обращаясь къ женѣ, сказалъ:

— Я полагаю, княгиня, что теперь намъ слѣдуетъ подумать о томъ, чѣмъ и какъ мы будемъ угощать нашихъ сосѣдей и нашего именитаго гостя пана Волинскаго?

Дернувъ въ колокольчикъ, онъ сказалъ вбѣжавшимъ въ комнату слугамъ:

— Приказать поварамъ, чтобы все, что есть лучшаго въ домѣ, подано было сегодня на столъ; достать старинное серебро и выкопать изъ песку въ погребѣ дюжину пятидесяти лѣтняго венгерскаго и столько же бутылокъ дѣдовскаго меду.

Говорятъ, что чужая душа потемки; но я думаю, читателямъ не трудно будетъ проникнуть въ душу князя Полинскаго, въ тотъ моментъ, когда онъ поражалъ своимъ билетомъ ксендза Бронскаго, а потомъ дѣлалъ распоряженія къ пріему комитетскаго комиссара, пана Волинскаго.

ГЛАВА VI.

Опять покатились и задребезжали колеса разнаго рода экипажей по узкимъ и дурно устроеннымъ дорогамъ окрестностей Новодивова, но на этотъ разъ достопочтенное польское шляхетство, согласно съ указаніемъ пана Волинскаго, собиралось уже въ палацъ князя Полинскаго. Собрались тоже панъ и пани Дубовскіе, съ двумя дюжими своими сыновьями. Сидѣвшіе въ старомодной коляскѣ—пани Дубовская и паничи Адольфъ и Карлъ Дубовскіе были въ самомъ отрадномъ настроеніи духа, за то старикъ судья поминутно хмурилъ свои сѣдыя брови.

— Я думаю, когда мы будемъ отправляться въ походъ, то вы мнѣ подарите вашего сѣраго *муцыка* (лошадку), сказалъ отцу Карлъ.

— Ну нѣтъ, братъ, не видать тебѣ сѣрка, какъ своихъ ушей. Еще въ прошломъ году отецъ обѣщалъ мнѣ подарить его, проговорилъ Адольфъ.

— Дурни вы, дурни, отвѣтилъ судья. Нагаями подарить бы васъ, а не сѣркой.

— Вы вѣчно ругаете бѣдныхъ дѣтей. Грубіянъ вы неотесанный, медвѣдь вы косолапый, завопила съ досадой пани Дубовская.

— Ну-ужъ пошла молоть, сказалъ, махнувъ рукой, судья.

— Замѣчаніе судьи было очень вѣрно: языкъ во рту жены его замололъ, какъ колесо на вѣтряной мельницѣ, а для полноты этого сходства, пани Дубовская замахала, какъ мельничными крыльями, своими жирными руками. Дубовскій, разумѣется, молчалъ, но, когда жена его наконецъ угомонилась, онъ съ горечью произнесъ:

— Будь онъ проклятъ, чортовъ ксендзъ. Всему-то онъ виной!

— Вы безбожникъ, вы еретикъ, вы святотатецъ, замололъ еще съ большей быстротой языкъ пани Дубовской, и уже во всю дорогу судьѣ не удалось произнести ни слова.

Раскраснѣвшееся отъ досады лице пани Дубовской приняло однакожъ самое масляное выраженіе въ то время, когда она входила въ наполненную уже гостями аристократическую гостинную Полинскаго. Бывшая уже тамъ княгиня приняла ее съ обычною своею важностью,—привставъ съ занимаемаго ею дивана въ то только время, когда пани Дубовская была отъ нея недалѣе, какъ въ двухъ шагахъ; она указала ей рукой на ближайшее кресло. Князь оказался болѣе привѣтливымъ хозяиномъ и дружески пожималъ руки у стараго и у молодыхъ Дубовскихъ.

— Панъ Волинскій еще не пріѣхалъ, былъ первый вопросъ пани Дубовской?

— И пана Мондровскаго тоже нѣтъ, спросилъ въ тоже время мужъ ея?

— Мой отецъ нездоровъ и не будетъ здѣсь, отвѣчала Ядвига.

—Жаль, отвѣтилъ судья и, покручивая свои сѣдые усы, на минуту призадумался. Ну — такъ и быть, воскликнулъ онъ потомъ, какъ бы рѣшившись на какое то важное дѣло. Ужъ сердись или не сердись, душа моя, продолжалъ онъ, обращаясь къ своей женѣ, а я надѣюсь, что при такомъ именитомъ обществѣ ты не рѣшишься перекричать меня и позволишь мнѣ высказать еще разъ во всеуслышаніе свое мнѣніе на счетъ настоящихъ затѣй.

Услыхавъ сказанное судьею предисловіе, пани Дубовская поняла, что въ настоящую минуту она не можетъ помѣшать мужу говорить и, съ досады покраснѣвъ и спрятавъ руку между складками своего платья, она показала судьѣ кукишъ, но, разумѣется, такъ ловко, что никто кромѣ мужа не видѣлъ

этой нѣжности. Между тѣмъ гости окружили Дубовскаго, чтобы послушать, что онъ будетъ говорить, а судья, понюхавъ изъ своей табакерки, что онъ обыкновенно дѣлалъ, приступая къ какому либо важному дѣлу, началъ такъ:

—Чтобы москалей я любилъ, я этого не скажу; но что я боюсь ихъ какъ огня,—какъ хотите, а это несомнѣнная правда. Несмотря на мои 70 лѣтъ, я не могу забыть, что мой дядя Лукіанъ Дубовскій умеръ въ Сибири, что имѣніе его конфисковано и что, вмѣсто владѣльца двухъ обширныхъ и богатыхъ селъ, я теперь мелкій панъ одной деревушки, лишиться которой теперь, на старости лѣтъ, я не имѣю ни малѣйшей охоты. Да, жаль мнѣ—жаль и этихъ болвановъ, тутъ онъ указалъ на сыновей, и русская, солдатская шинель, о которой намекнулъ вчера панъ Мондровскій, всю ночь торчала у меня передъ глазами!..

—Неужели вы не угомоните этого глупца, шепнула княгиня ксендзу Бронскому, который тотъ часъ выступилъ впередъ и, подойдя къ судьѣ, громко сказалъ:

—Чѣмъ бы вамъ болтать глупости, не лучше ли будетъ выслушать, что сказано въ инструкціяхъ нашего правительства?

—А что такое, спросилъ озадаченный Дубовскій?

—А то, что, если вы будете продолжать ваши возмутительныя рѣчи и если панъ Волинскій узнаетъ объ этомъ, то, на основаніи своего полномочія, онъ прикажетъ вздернуть васъ на висѣльницу.

—Какъ такъ?.. могъ только проговорить пораженный судья и полѣзъ опять въ свою табакерку.

—Jezus, Maria, воскликнула пани Дубовская!

Какъ громомъ поражено было все общество словами ксендза Бронскаго, и съ этой минуты никто ужъ болѣе не смѣлъ сомнѣваться въ могуществѣ комитета, въ успѣхѣ и святости великаго польскаго дѣла. Пользуясь впечатлѣніемъ публики, Бронскій разсказалъ содержаніе варшавскихъ инструкцій, а потомъ, впавъ по своему обыкновенію въ экстазъ, началъ такъ:

—О, дорогая намъ отчизна! Какъ сладокъ будетъ тотъ часъ, когда мы узримъ наконецъ тебя свободною! И кто изъ васъ, дорогіе братья, при воспоминаніи о тѣхъ тяжкихъ мукахъ, которыя мы терпѣли и терпимъ, не зальется сладкими слезами горячей благодарности тому, кто наконецъ освобождаетъ насъ

отъ узъ тирановъ! Насъ преслѣдовали, насъ терзали, храмы наши обращаютъ въ московскія кумирни!...

—Сыновей нашихъ отдаютъ въ солдаты, плаксиво дополнила пламенную рѣчь ксендза Бронскаго пани Дубовская.

—Умнымъ людямъ не даютъ ходу, добавилъ искавшій значительной должности, бездомный педагогъ панъ Бернацкій.

—Мужей нашихъ лишаютъ власти, сказала княгиня.

—Но, къ сожалѣнію, подлецовъ все еще терпятъ въ обществѣ, подумалъ, глядя на ксендза Бронскаго и Бернацкаго, тоже присутствовавшій здѣсь Генрихъ Терлецкій.

Въ эту минуту поставленный княземъ у въѣзда въ село гонецъ доложилъ ему, что панъ Волинскій подъѣзжаетъ уже къ палацу. Князь и всѣ мужчины вышли на крыльцо, чтобы встрѣтить и привѣтствовать полновластнаго комитетскаго коммисара.

—Ну, что, князь, хлопцы собрались уже, спросилъ панъ Волинскій, вылѣзая изъ посланной за нимъ въ Новодворъ Полинскимъ богатой кареты и, недожидаясь отвѣта, а только спѣсиво кивнувъ головою присутствующимъ, онъ направился во внутренность палаца.

Въ залѣ, у порога ксендзъ Бронскій встрѣтилъ его съ крестомъ, но панъ Волинскій, видно неожидавшій и слѣдовательно не приготовившійся къ этой встрѣчѣ, не поцѣловалъ креста, а только пожалъ кулакъ ксендза, не найдясь, что дѣлать съ вооруженною крестомъ рукою, которую каноникъ совалъ ему. Панна Ядвига, сопровождаемая дѣвицами, тоже встрѣтила не вдалекѣ отъ порога залы пана Волинскаго. Она граціозно держала въ рукахъ лавровый вѣнокъ, который готовилась возложить на главу великолѣпнаго тріумфатора; но тотъ устранилъ и эту демонстрацію.

—Вы, дѣвицы, вѣчно возитесь съ цвѣточками, сказалъ онъ, но, право, мнѣ теперь не до нихъ.

А все—таки важный человѣкъ взглянулъ на хорошенькіе, черные глазки Ядвиги и даже готовъ былъ поцѣловать пухленькую ручку, но, вспомнивъ, что это не соотвѣтствуетъ его настоящему высокому сану, онъ обратился ко всѣмъ присутствующимъ и сказалъ:

—Дамы и слуги могутъ удалиться, а мы, панове, прямо приступимъ къ дѣлу.

Нечего было дѣлать, и изгнанныя вторично изъ рая прекрасныя половины рода человѣческаго, со стыдомъ, удалились въ гостиную.

—Во первыхъ, объявляю вамъ, сказалъ, послѣ ухода дамъ, Волинскій, что, пользуясь даннымъ мнѣ нашимъ всесильнымъ комитетомъ полномочіемъ, я прикажу повѣсить всякого, кто только дерзнетъ ослушаться моей воли.

Панъ Волинскій обвелъ при этомъ присутствующихъ глазами, а въ отвѣтъ на это получилъ отъ пановъ низкіе поклоны.

—Потомъ объявляю вамъ, продолжалъ комиссаръ, что къ первому мая назначается здѣсь поголовное возстаніе, и всякому поляку, которому болѣе четырнадцати лѣтъ отъ роду, должно вооружиться, чтобъ общими силами сбросить московское иго. Наши руссинскіе схизматики, по мѣрѣ надобности, тоже будутъ вооружены. Въ полякахъ я не сомнѣваюсь, но если бы грубое мужичье—чего впрочемъ я не надѣюсь—вздумало намъ противиться, то мы склонимъ его на свою сторону обѣщаніемъ разныхъ привиллегій, которыя выражены въ привезенныхъ мною золотыхъ грамотахъ. О подробностяхъ сообщено вамъ будетъ начальникомъ округа, княземъ Полинскимъ.

Князь поклонился.

—Теперь, ксендзъ Бронскій, продолжалъ Волинскій, вы приведете шляхту къ присягѣ; начинайте!

Отвѣсивъ смиренно поклонъ цирюльнику — Волинскому, ксендзъ зажегъ приготовленныя заранѣе четыре восковыя свѣчи, поставилъ ихъ на столъ по обѣимъ сторонамъ распятія, а панъ комиссаръ досталъ изъ своей нераздѣльной сумки черную шелковую длинную, какъ мѣшокъ, рубашку, положилъ на столѣ какъ ее, такъ и вынутый изъ за пояса револьверъ и сказалъ:

— По уставу комитета, приводимые къ присягѣ должны быть покрыты саваномъ, какъ эмблеммой смерти, на которую обрекаетъ себя всякій присягнувшій. Но теперь, по причинѣ значительнаго числа присягающихъ, одинъ только князь, какъ начальникъ округа, надѣнетъ его. Одѣвайтесь, князь!

Нечего было дѣлать, князь подѣзъ въ саванъ.

— Повернитесь лицемъ къ ксендзу Бронскому, сказалъ цирюльникъ, взявши, безъ церемоніи, князя за плечо и поворачивая его къ столу.

Лице князя вспыхнуло, его покоробило, но онъ молчалъ и, какъ автоматъ, повернулся къ Бронскому.

— Вы, панове, станьте ордынкомъ (въ порядкѣ), позади вашего начальника, скомандовалъ шляхетству комиссаръ.

Послушная толпа барановъ построилась въ шеренгу за княземъ.

— Вы, старый, не лѣзьте впередъ, сказалъ грубо Волинскій и ткнулъ пальцемъ въ брюхо пану Дубовскому.

Панъ Дубовскій попятился назадъ.

— Начинайте, ксендзъ Бронскій, сказалъ Волинскій.

Лишь только каноникъ началъ читать присягу, комиссаръ, взявъ со стола револьверъ, приставилъ дуло его чуть не ко лбу князя Полинскаго. Поблѣднѣлъ блѣдный князь, губы его слегка задрожали.

— Повторять слова присяги, говорить внятно, комадовалъ Волинскій. Громче, князь!

Паны присягнули.

Присяга кончена, подходите къ кресту вы первый, князь, потомъ остальные по порядку, говорилъ Волинскій.

И по командѣ цирюльника подходило, по одиначкѣ, къ столу гоноровое, богохульствующее шляхетство, попирало данную своему законному повелителю присягу и цѣловало крестъ варшавской ремесленной управы! Послушный командѣ, первый подошелъ князь, цѣловали крестъ и Дубовскій, и Гурскій и всѣ прочіе и даже воспитанникъ пана Мондровскаго–Генрихъ Терлецкій, которому князь успѣлъ уже объявить объ его новой должности.

Когда гнусная комедія присяги окончилась, панъ Волинскій сказалъ:

— Теперь, князь, берите бумагу, и мы составимъ реэстръ денежнымъ пожертвованіямъ на спасеніе отчизны. Посмотримъ, такъ ли вы щедры, панове, на дѣлѣ, какъ на словахъ.

Князь взялъ листъ бумаги и вооружился перомъ.

— Не пишите князь, командовалъ Волинскій, полной своей фамиліи а только первоначальныя буквы. Какъ ваше имя?

— Брониславъ, проговорилъ все еще блѣдный, какъ полотно, Полинскій. Ну пишите буквы: К. Б. П. Написали?

— Да, панъ коммиссаръ!

— Ну—теперь ставьте цифру!

Дрожащая рука князя начертала на бумагѣ такую цифру, что панъ коммиссаръ, не смотря на кажущееся самообладаніе, не могъ удержаться отъ изумленія; изъ груди его вырвался невольно звукъ, выражавшій и радость и удивленіе.

— Это на злотые, спросилъ онъ?

— Нѣтъ, на рубли, скромно отвѣтилъ князь, вынулъ изъ боковаго кармана своей чамерки банковый билетъ и вручилъ его пану коммиссару.

— Ну, право, вы молодецъ, сказалъ тотъ, дружески трепя князя по плечу.

Князя снова покоробило отъ мѣщанской фамиліарности цирюльника.

Подписка продолжалась, и всякій по мѣрѣ силъ своихъ дѣлалъ пожертвованіе, а многіе, вспомнивъ о револьверѣ пана Волинскаго, удвоивали ассигнованную прежде на дѣло отчизны сумму.

— Гдѣ же старый дуралей Мондровскій? Не пьянъ ли онъ былъ вчера, спросилъ, какъ бы спохватясь Волинскій?

— Онъ ничего не пьетъ, отвѣтилъ князь.

— Ну—такъ я велю его повѣсить.

Панъ коммиссаръ вралъ, онъ не такъ былъ храбръ, что бы затрогивать стараго медвѣдя въ его берлогѣ, а болтнулъ только для эффекта. Между тѣмъ грубыя слова его взволновали до глубины души Генриха Терлецкаго. Онъ подошелъ къ пану Волинскому и спросилъ его:

— Пане коммиссаръ, я думаю, что вы присланы къ намъ, для того чтобы дѣло дѣлать, а не для того, чтобы не принятою между порядочными людьми бранью обижать, всѣми уважаемаго магната.

— А ты, что за птица, презрительно спросилъ Волинскій?

— Я племянникъ Мондровскаго-Генрихъ Терлецкій, и если вы порядочный человѣкъ, то я прошу у васъ сатисфакціи.

— Уведите этого щенка, скомандовалъ Волинскій. Ксендзъ Бронскій первый подскочилъ къ Генриху, за нимъ подбѣжали молодые Дубовскіе и еще нѣсколько человѣкъ изъ молодежи и увлекли въ другую комнату Терлецкаго. Черезъ нѣсколько минутъ бѣдный молодой человѣкъ во всю скачь возвращался въ Мондровицы.

Всегда находчивый ксендзъ Бронскій старался придумать,

чтобъ изгладить непріятное впечатленіе, произведенное на все общество приключеніемъ пана Терлецкаго, но благодѣтельный случай явился къ нему на помощь: на дворѣ раздается звонъ колокольчика; и стоявшій не вдалекѣ отъ выходящаго на дворъ окна панъ Дубовскій громко закричалъ:

— Становой приставъ ѣдетъ!

— Кой чортъ несетъ его, могъ только произнесть панъ Волинскій и до того растерялся, что не зналъ что ему дѣлать; но Бронскій выручилъ коммиссара, онъ подхватилъ его подъ руку и увелъ въ сосѣднюю комнату блѣднаго какъ полотно, дрожащаго какъ осиновый листъ, едва передвигающаго ноги, недавняго варшавскаго героя.

Едва успѣли они скрыться, какъ рыжеволосый и толстобрюхій становой ввалился въ комнату.

— А, панъ совѣтникъ! Милости просимъ, прошу садиться; что слышно новаго, говорилъ въ смущеніи князь.

— Плохо слышно, князь. Въ Варшавѣ бунтуютъ, а намъ приказано строго—на строго смотрѣть, что бы наши паны другъ къ другу безъ нужды не таскались.

— Оно такъ, сказалъ князь, но ежели случатся гдѣ нибудь имянины, крестины, свадьба или что либо подобное? Вотъ у меня, напримѣръ, сегодня....

— Это не резонъ, не принимается въ оправданіе, перебилъ становой. И, какъ вамъ угодно, князь, а я долженъ донести по начальству, что я засталъ у васъ сегодня шляхту со всей новодимовской околицы.

— Э, не гнѣвайтесь, милѣйшій панъ совѣтникъ! У меня есть къ вамъ секретное дѣльцо. Пойдемъ-ка въ кабинетъ да потолкуемъ.

Князь ловко подхватилъ подъ руку становаго и онъ покатился съ Полинскимъ на его половину. Войдя въ кабинетъ, усадивъ становаго и усѣвшись самъ, а потомъ закуривъ сигару и подавая другую своему собѣседнику,—князь повелъ рѣчь на слѣдующій ладъ:

— Панъ совѣтникъ, теперь времена тяжелыя, и вы, какъ человѣкъ опытный, вѣроятно, согласитесь со мною, что умному человѣку слѣдуетъ поступать такъ, чтобъ и волкъ былъ сытъ и коза цѣла.

При этомъ князь уставилъ въ становаго свои проницательные, по его мнѣнію, глаза; но тотъ отвѣтилъ на отрѣзъ.

— Знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю; я донесу по начальству о революціонныхъ въ домѣ вашемъ занятіяхъ, и дѣлу конецъ.

Князь обидился тѣмъ, что этотъ тонкій намекъ, по видимому, не произвелъ на правосудіе ни какого впечатленія, и онъ, доставъ изъ кармана бумажникъ, завертѣлъ имъ въ рукахъ.

— Донесу, повторялъ отрывисто становой.

— Ну—нѣтъ, не донесете, сказалъ съ усмѣшкою князь.

— Ей—ей донесу, повторилъ становой, жадно смотря на бумажникъ и облизываясь.

— А это что, проговорилъ медленно князь, показывая становому вынутую изъ бумажника сторублевую.

— Дудки, князь, не надуете! У васъ въ домѣ есть эмиссаръ изъ Варшавы.

— Что, загудѣлъ протяжно князь?

— А цирульникъ Волинскій гдѣ, хладнокровно спросилъ становой? Я получилъ циркуляръ.

— Панъ Волинскій,... панъ Волинскій,... замялся князь, онъ не эмиссаръ.

— Ну вотъ и сами сознались! Сей часъ же его арестую. Со мною команда жандармовъ и вы, князь, тоже собирайтесь!

— Какъ это можно, повторилъ, струся, Полинскій!

— Чтоже дѣлать князь! Долгъ службы!. Собирайтесь!.. И блюститель закона, указавъ князю на дверь, привсталъ и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ. Князь стоялъ въ оцѣпенѣніи, но вдругъ становой повернулся и, смотря князю прямо въ глаза, какъ бы въ припадкѣ вдохновенія сказалъ:

— Давайте пять тысячъ цѣлкачей; меньше ни злотаго!..

— Не много ли будетъ, робко спросилъ князь?

— Вамъ стыдно, князь, торговаться! Вѣдь сами знаете, какое дѣло! Едва ли откроется нашему брату подобный случай поправить свои дѣлишки, сказалъ становой, потирая руки; князь, не говоря болѣе ни слова, отсчиталъ и подалъ становому три тысячи, который сосчиталъ прежде медленно и аккуратно деньги, а потомъ сказалъ:

— Вы, князь, сказали, что умному человѣку нужно теперь поступать такъ, чтобы волкъ былъ сытъ и коз ацѣла, а я добавлю, что рука руку моетъ, и поговорю съ вами откровенно. Я

обѣщаюсь, что на всѣ продѣлки ваши буду смотрѣть сквозь пальцы и ни кому ни-гу-гу,... а вы за то, какъ начальникъ округа, дайте мнѣ ваше княжеское слово, что, въ случаѣ возстанія, ваши не сдѣлаютъ ни мнѣ, ни моему семейству ни малѣйшаго зла. Вѣдь, говорятъ, что становыхъ собираются вѣшать?

Становой устремилъ на князя внимательный взглядъ.

— Это только такихъ, которые будутъ противодѣйствовать намъ, сказалъ князь.

— Такъ я буду безопасенъ?

— Даю вамъ слово, но не забывайте и вы своего.

— Я буду молчаливъ, какъ рыба. Ну-что, по рукамъ? И становой протянулъ князю свою грязную нравственно и физически руку, которую князь пожалъ не поморщившись; торгъ былъ заключенъ.

Спустя нѣсколько минутъ, становой пробрался заднимъ выходомъ къ своей бричкѣ, и лишь только звонъ его колокольчика послышался въ отдаленіи, панъ Волинскій храбро вошелъ въ залъ, чтобы продолжать прерванныя непрошеннымъ визитомъ распоряженія; къ 1-му мая условлено было всеобщее возстаніе.

Вскорѣ поданъ былъ великолѣпный обѣдъ, за которымъ пятидесятилѣтнее венгерское и прадѣдовскій медъ лились рѣкой; тостамъ за воскресеніе Польши, за варшавскій комитетъ, пана Волинскаго, новаго начальника округа, за шляхетство новодивовское, за погибель москаля, небыло конца и счета. Kochajmy się—не умолкало ни на минуту. Собесѣдники, разумѣется, нализались по старопольски, неисключая и важнаго пана Волинскаго. Но и въ хмѣлю комиссаръ былъ неумолимъ и лишь только вспомнилъ о Мондровскомъ или о Терлецкомъ, кричалъ, что прикажетъ повѣсить ихъ. Проницательный хозяинъ предвидѣлъ эти сцены и, щадя Ядвигу, распорядился такъ, что дамы обѣдали въ другой комнатѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО ДѢЛУ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Въ 3 книжкѣ Вѣстника юго-западной и западной Россіи, напечатана замѣтка сельскаго священника объ улучшеніи быта

духовенства юго-западнаго края Россіи. Она касается исключительно быта матеріальнаго. Предполагается какъ будто достаточнымъ прибавить жалованье, замѣнить обработку священническихъ долей натурою или деньгами, назначить содержаніе на рабочихъ, пособить вдовамъ, сиротамъ и проч.

Позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по настоящему дѣлу, составляющему въ западномъ краѣ самый серьезный жизненный вопросъ. Прежде всего мы замѣтимъ, что высказанный сельскимъ священникомъ взглядъ на дѣло одностороненъ [1]), не вполнѣ практиченъ и сильно пріуроченъ къ идеѣ чиновника, неслишкомъ лестною пользующагося популярностію въ глазахъ народа.

Прежде чѣмъ трактовать о разныхъ увеличеніяхъ содержанія чиновниковъ, необходимо рѣшить вопросъ: есть ли какія средства увеличить это содержаніе? Наше государство, при всей своей громадности, при всѣхъ богатствахъ произведеній природы, при 70 милльономъ населеніи, имѣетъ, въ сравненіи съ другими, гораздо меньшими націями, доходы, значительно несоразмѣрные его величинѣ, между тѣмъ платежи всѣхъ частныхъ лицъ, каковы они ни есть, становятся тяжелы и обременительны, особенно теперь, при всеобщемъ безденежьи. Естественно рождается вопросъ: отъ чего это? По нашему мнѣнію отъ того, что у насъ повсемѣстно и исключительно преобладаетъ элементъ чиновничій, что всѣ образованные люди стремятся къ одной *службѣ*, что даже лица низшихъ сословій, лишь только получатъ кое-какое образованіе, бѣгутъ туда же, такъ что даже крестьяне, едва ли не для того и учатся грамотѣ, чтобы поступить въ службу, хотя бы въ качествѣ волостныхъ и другихъ писарей [2]). Самыя воспитательныя заведенія почти не имѣютъ другой цѣли, какъ обучать молодыхъ людей для службы государственной, спеціальныхъ же заведеній, съ цѣлями

---

[1]) О. С...ій сдѣлалъ задачей своей замѣтки одно матеріальное обезпеченіе духовенства, не болѣе. Ред.

[2]) Это убѣжденіе существуетъ даже между крестьянами, которые, инстинктивно сознавая безполезность такого обученія, преимущественно, поэтому, уклоняются отъ посылки дѣтей въ школы.

хозяйственными и промышленными, почти нѣтъ; еслижъ они и открыты кое-гдѣ, то именно для бѣдныхъ и простыхъ людей, но все таки съ разными привиллегіями и правами на чины. Въ такія заведенія, по самому учрежденію ихъ, шли только покрайней нуждѣ, а по выходѣ изъ нихъ, стремились все таки къ службѣ и чинамъ, такъ-что эти заведенія такъ или иначе достигаютъ своего назначенія.

Духовное сословіе стремится тоже въ свои учебныя заведенія, съ исключительною цѣлію получить мѣсто. Не только священники и діаконы, но дьячки, пономари и все, что принадлежитъ къ духовному званію, хлопочетъ о томъ, чтобы помѣстить дѣтей въ тѣ же заведенія, и при томъ наиболѣе на казенный счетъ и съ одиноковою цѣлію.

А коль скоро всѣ мало-мальски образованные и воспитанные люди, изъ какого бы званія они ни были, идутъ въ службу и въ чины (все равно гражданскую, или духовную); то для всякой частной дѣятельности, на всѣхъ ея разнообразныхъ поприщахъ, остается классъ людей необразованныхъ, неимѣющихъ нужныхъ познаній для развитія производительности и промышленности въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ моглибъ обогащать и недѣлимыхъ, и общую кассу. Всѣ мастерства, ремесла, бухгалтерія, негоціанство, техника и разныя производства у насъ и досслѣ недалеко ушли отъ первобытнаго состоянія, отъ чего всякій, такъ называемый нѣмецъ, имѣетъ по всѣмъ этимъ отраслямъ дѣятельности много шансовъ предъ русскими людьми и, нажившись у насъ, уходитъ, съ нашею звонкою монетой, въ свою сторону. Сила времени и обстоятельствъ заставляетъ, правда, теперь уже многихъ уклоняться отъ господствующей идеи чиновничества, начинаютъ браться за дѣла, но не будучи къ нимъ подготовлены спеціально, съ малолѣтства, ведутъ ихъ крайне не утѣшительно, путаются, дѣлаютъ промахи, не рѣдко разоряются. Между тѣмъ классъ людей бѣдныхъ, но чиновныхъ, или духовныхъ, вмѣстѣ со всѣми вдовами и сиротами, увеличивается естественно и прогресивно. Но какъ ни бѣденъ этотъ классъ, какъ ни достойна участь его сожалѣнія, пролетаріи способны хлопотать по цѣлымъ годамъ о пособіи или содержаніи въ 10 и 15 руб. въ годъ, готовы скорѣе быть попрошайками, нежели взяться за дѣло, которое могло бы принести пользу и

имъ и обществу. Сыскать для дѣлъ хозяйственныхъ и т. п. честнаго и знающаго человѣка, составляетъ великое счастіе.

При такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ недостаткѣ разныхъ специальностей и накопленія чиновничества, весьма естественно у насъ приволье лѣни, недобросовѣстности, тунеядству, ябедничеству и т. п. При такихъ условіяхъ, ни какое производство, ни какая промышленность, не могутъ имѣть должнаго развитія, а все это, вмѣстѣ взятое, не можетъ увеличить матеріальныхъ средствъ государства, какъ бы оно громадно ни было. Поэтому, прежде разныхъ требованій улучшенія быта матеріальнаго такого или другаго сословія, необходимо заняться отысканіемъ средствъ, которыя могли бы поднять наше народное богатство, удвоить его, утроить.

Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на нынѣшнее собственно время, когда начинается новый періодъ русской исторіи. Крестьянская реформа дала первый толчекъ старинѣ и заставляетъ всѣхъ иначе мыслить и дѣйствовать. Ожидаемыя реформы земства и гласности, вводя начало выборное, должны породить со всѣмъ другой взглядъ на дѣла и отношенія. Бѣлое духовенство не должно и не можетъ быть устраняемо отъ этихъ дѣлъ, потому что оно живетъ такою же общественною жизнію, принадлежитъ къ такимъ же гражданамъ государства, какъ и всѣ другія сословія; а въ западныхъ губерніяхъ его значеніе, его вліяніе на дѣла общественныя еще серьезнѣе и неизбѣжнѣе. Тутъ нужно браться за разныя дѣла всѣмъ здѣшнимъ русскимъ людямъ дружно, усердно и съ полнымъ сознаніемъ своего положенія.

При такомъ значеніи духовенства, мы думаемъ, что улучшеніе быта его должно касаться не одного матеріальнаго обезпеченія, но и гражданской его жизни и значенія моральнаго. Если дѣла общія пойдутъ лучше, если положеніе и бытъ народа измѣнится къ лучшему, само собою разумѣется, что и матеріальное состояніе духовенства улучшится естественнымъ образомъ. Но для этого надо поставить его въ приличное ему положеніе, и прежде всего нужно, чтобъ оно находилось съ своими прихожанами и съ цѣлымъ обществомъ въ самомъ близкомъ единеніи, безъ всякой претензіи на господство и чиновничество безъ кастаціонной изолированности, безъ ригаристическаго и ревниваго отдѣленія интересовъ жизни отъ обязанностей религіи.

Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, мы позволяемъ себѣ выразить наше мнѣніе, вызванное вопросомъ объ улучшеніи быта духовенства, въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Сохранить настоящее штатное содержаніе духовенства и земли со всѣми угодьями. Въ имѣніяхъ казенныхъ предоставить въ постоянное пользованіе священника фермы, мельницы, или какія другія угодья, не вошедшія въ надѣлъ крестьянъ и не превышающія въ ежегодномъ доходѣ стоимости въ 200 р. сереб. Въ имѣніяхъ владѣльческихъ и крестьянъ—собственниковъ, предоставить владѣльцамъ и прихожанамъ—сдѣлать соотвѣтственное съ этою цифрою пожертвованіе.

2) Образовать въ каждомъ приходѣ приходской совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ священника, изъ сельскихъ и церковныхъ старостъ и старшины, гдѣ они въ приходѣ есть, и кромѣ того нѣсколькихъ выборныхъ около 4, изъ болѣе опытныхъ, честныхъ и благонамѣренныхъ прихожанъ. Лица, не принадлежащія къ сельскимъ обществамъ, могутъ быть приглашаемы къ принятію званія почетныхъ членовъ совѣта.

3) Вѣдѣнію совѣта принадлежитъ: а) мѣсячная повѣрка церковныхъ книгъ и денегъ, б) матеріальныя нужды церкви, в) учрежденіе и содержаніе приходскихъ школъ и библіотекъ и е) соглашеніе съ прихожанами на счетъ обработки священническаго участка—натурою ли, или работу замѣнить деньгами или другими предметами.

4) Въ положеніи гражданскомъ, предоставить священнослужителямъ всѣ тѣ права, какими пользуются всѣ прочіе граждане высшаго сословія, какъ въ отношеніи личномъ и житейскомъ, такъ и по участію во всѣхъ выборныхъ дѣлахъ земства и проч.

5) Въ отношеніи семейства священнослужителей, предоставить имъ право, какъ для поступленія во всѣ роды службы государственной, такъ и дѣятельности общинной, безъ необходимости увольненія изъ духовнаго званія.

6) Оставить при церквахъ только по одному штатному причетнику; всѣхъ же прочихъ съ ихъ семействами уволить изъ духовнаго званія и отчислить къ обществамъ, по взаимному соглашенію. Затѣмъ перемѣщеніе, назначеніе и увольненіе причетниковъ, предоставить непосредственному разрѣшенію благочинныхъ, по представленіямъ мѣстнаго священника и приход-

скаго совѣта. Обязанности пономаря и старосты церковнаго могутъ исполнять, по назначенію приходскаго совѣта, или по охотѣ, сами прихожане и дѣти ихъ, обучающіяся въ приходской школѣ.

7) Въ видахъ улучшенія мѣстной духовной администраціи, установить постоянные пункты благочиній, гдѣ бы сосредоточивались мѣстные интересы церквей, духовенства, причта и сельскаго образованія. Выборъ этихъ пунктовъ предоставить самому духовенству, по удобству централизаціи и другимъ выгодамъ. Число благочиній въ уѣздахъ ограничить тремя, а въ большихъ уѣздахъ четырьмя.

8) Благочиніе должны составлять: благочинный и два его помощника, священникъ—наблюдатель приходскихъ школъ и священникъ—депутатъ для разныхъ разбирательствъ и слѣдственныхъ дѣлъ. При церкви благочиннаго, вмѣстѣ и приходской, первый есть настоятель, помощники его викарные. При этой церкви необходимъ діаконъ. Для канцелярскихъ расходовъ благочинному и на разъѣзды слѣдуетъ назначить содержаніе: благочинному около 300 р., помощникамъ около 150 р., діакону 100 р.

Прим. Пока устроены будутъ помѣщенія и разовьются окружныя школы, помощники благочинныхъ могутъ быть приходскіе священники другихъ церквей.

9) Благочинные и помощники ихъ должны быть избираемы пожизненно [1]) всѣми священниками благочинія и членами приходскихъ совѣтовъ, посредствомъ одного выборнаго отъ нихъ. Они утверждаются въ должностяхъ епархіальнымъ начальствомъ. Увольненіе отъ должностей благочиннаго не иначе должно быть допускаемо, какъ или по суду, въ слѣдствіе злоупотребленій или не исполненія своей обязанности, или по письменному предложенію большинства избирателей, или по прошенію.

10) При каждомъ благочиніи должны быть заведены окруж-

---

[1]) Относясь къ желаніямъ автора вполнѣ симпатично, мы не вездѣ сходимся съ ними въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ частностей. Мы думаемъ, напр., что пожизненное благочиніе возлагало бъ иногда на свою жертву бремя не по силамъ и симпатіямъ.

Ред.

ныя сельскія школы—мужеская и женская, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ благочиннаго, съ правомъ принимать въ эти школы какъ дѣтей духовенства, такъ и всѣхъ другихъ сословій, безъ исключенія. Программу обученія приспособить такимъ образомъ, чтобы желающіе могли поступать изъ этихъ школъ прямо въ среднія учебныя заведенія: семинаріи, гимназіи и другія, могущія открыться съ спеціальною цѣлію. Для этого необходимо въ мужеской школѣ открыть два отдѣленія,—одно для приготовленія къ среднимъ заведеніямъ, а другое для развитія знаній агрономическихъ и техническихъ, съ правомъ по времени и возможности открывать мастерскія и ремесленныя заведенія.

11) Для устройства и первоначальнаго заведенія этихъ школъ, необходимо оказать пособіе по крайней мѣрѣ 300 руб. и на ежегодное содержаніе ассигновать до 200 руб. на каждую. Школы подчинить епархіальному и учебному начальству и на эти школы возложить обязанность наблюдать и руководить приходскими школами, разсылать къ нимъ учебники и другія принадлежности школы. Распорядителями этихъ школъ должны быть благочинные, а учителями ихъ помощники съ діаконами; въ послѣдствіи же времени, при развитіи этихъ школъ, смотря по средствамъ и обстоятельствамъ, могутъ быть, въ пособіе помощникамъ благочиннаго, назначаемы особые учители и наставницы.

12) При каждомъ благочиніи открыть продажу разныхъ церковныхъ книгъ: молитвенниковъ, евангелій, букварей и проч., которые должны быть высылаемы къ нимъ на коммиссію духовными типографіями, по требованію благочинныхъ. Они же могутъ продавать и другія церковныя книги, необходимыя при богуслуженіи и требахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при благочиніяхъ должна быть открыта, на правахъ коммиссіонерскихъ, и продажа разныхъ другихъ книгъ: учебниковъ, руководствъ и народныхъ книгъ, которыя могутъ быть имъ высылаемы разными учеными обществами и книгопродавцами.

13) Не касаясь семинарскаго образованія и управленія, признаемъ необходимымъ усилить въ нихъ практическое преподаваніе тѣхъ наукъ, которыя способствуютъ исполненію священническихъ обязанностей, по отношенію къ прихожанамъ. Но самая вопіющая необходимость—увеличить содержаніе на-

ставниковъ семинаріи, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ гимназическими учителями.

и 14) Въ консисторіяхъ упростить коллегіальное дѣлопроизводство,—назначить предсѣдателя, которымъ долженъ бы быть каѳедральный протоіерей,—двухъ членовъ духовныхъ съ жалованьемъ, по выбору всѣхъ благочинныхъ епархіи, на каждые три года, и двухъ членовъ свѣтскихъ, по назначенію высшаго начальства. Въ случаѣ выбора священниковъ не изъ городскаго духовенства, они должны считаться при каѳедральномъ соборѣ, а приходы ихъ временно поручаются наблюденію ближайшихъ священниковъ, съ раздѣломъ доходовъ съ прихода по равной части между настоятелемъ его и наблюдающимъ.

По нашему мнѣнію важнѣе всего въ этихъ предположеніяхъ приходскіе совѣты и благочинія, съ окружными при нихъ школами и библіотеками.

Приходскіе совѣты больше всего могутъ поднять нравственность, религіозность и бытъ житейскій прихода, сблизитъ священника съ прихожанами, а прихожанъ съ дѣлами своей церкви и причта, обобщить интересы церкви, пастыря и пасомыхъ. Допустимъ, что въ началѣ найдутся священники, которые, въ отношеніи приходскаго совѣта, будутъ держать себя свысока и только оффиціально, особенно когда въ совѣтѣ, кромѣ прихожанъ-крестьянъ, не будетъ никого изъ другихъ сословій; но нѣтъ сомнѣнія, что многіе священники отнесутся къ нимъ съ теплымъ сочувствіемъ, значеніемъ отца въ семействѣ и будутъ имѣть благотворное вліяніе на улучшеніе внѣшней и внутренней стороны прихода. Эти же совѣты могутъ послужить и къ образованію братствъ, гдѣ окажется въ томъ потребность и желаніе.

Образованіе постоянныхъ благочиній, съ окружными при нихъ школами, можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія въ западныхъ особенно губерніяхъ. Онѣ будутъ служить сильными опорными пунктами противъ полонизма, крѣпкою стражею противъ латинопольской пропаганды, будутъ поддерживать и развивать русскую народность, русское образованіе и православіе. Духовенство православнаго населенія, имѣло бы, такъ сказать, подъ рукою училища для первоначальнаго, а для многихъ и

окончательнаго обученія дѣтей [1]). Постоянно сталкиваясь въ нихъ, какъ по дѣламъ благочинія, такъ и по воспитанію дѣтей, они получали бы всегдашнюю моральную поддержку и силу, развивались бы чтеніемъ въ окружной библіотекѣ, откуда могли бы безъ затрудненія и пріобрѣтать не дорогія книги, и получать на домъ для прочтенія. Мы увѣрены, что современемъ въ этихъ школахъ будетъ получать образованіе и вся мелкая польская шляхта и, быть можетъ, обратится къ прежнему своему православію.

Остается сказать на счетъ содержанія этихъ благочиній. Оно будетъ стоить съ небольшимъ 30,000 руб. на губернію, и мы полагаемъ, что въ этой суммѣ, для такой важной цѣли, государственное казначейство не затруднится. И весьма недавно почти такая же сумма назначена для пособія духовенству въ каждой епархіи; эта сумма и могла бы быть обращена на благочинія, гдѣ она принесла бы большую пользу, потому что нынѣ, раздробляясь на мелкія части, никому существенной пользы принести не можетъ, а напротивъ можетъ породить или несправедливость, или ошибочность въ распредѣленіи и неудовольствіе, или зависть у тѣхъ, кому ничего не достанется. Для образованія самихъ школъ, можетъ оказать пособіе и Министерство Народнаго Просвѣщенія, такъ какъ мѣсто открываемыхъ народныхъ школъ, весьма раціонально могутъ занять школы окружныя, съ тою разницею, что эти послѣднія школы могутъ идти не въ разъединеніи одного вѣдомства, одного направленія съ другимъ, а въ совокупности. Насчетъ устройства помѣщеній. мы тоже непредвидимъ большаго затрудненія; потому что тамъ, гдѣ будутъ избраны пункты благочиній, даже мѣстные владѣльцы могутъ оказать пособіе, ради собственнаго матеріальнаго интереса.

Для нѣкоторыхъ господъ, считаемъ необходимымъ прибавить, что, при непосредственномъ вліяніи духовенства на первоначальное сельское образованіе, нечего безпокоиться о клери-

---

[1]) Въ женскомъ училищѣ, если воспитанницъ наберется не менѣе 10 (а ихъ можетъ быть всегда больше), не трудно будетъ содержать особую и знающую учительницу, которыми одинъ Кіевъ могъ бы снабдить всѣ эти окружныя школы.

кализмѣ, рутинѣ, отсталости и проч.; наше духовенство, вообще, а сельское преимущественно, слишкомъ далеко отъ мысли даже о клерикальности, развито на столько, что можетъ учить въ какой угодно школѣ, а главное—чуждо опасностей нигилизма, космополитизма и всегда и во всемъ идетъ заодно съ обществомъ и государствомъ, здравымъ смысломъ и коренными пользами Россіи [1]).

С. Еремѣевъ.

Января 1864 г.

ВАЖНОЕ СВѢДѢНІЕ

для приходовъ, въ которыхъ есть народныя школы, или въ которыхъ стараются учреждать ихъ.

Извѣстно, что церковно-приходскія школы, подъ управленіемъ и руководствомъ духовенства, возникли уже и дѣйствовали по всѣмъ мѣстамъ кіевской епархіи, когда неожиданно для нихъ въ скоромъ времени появилась конкуренція. Конкуренты, прибывши въ приходъ, собирали прихожанъ, предлагали имъ оставить церковно-приходскія школы и устроить новыя народныя школы. Простой народъ не хотѣлъ отдаться не извѣстнымъ ему руководителямъ и предполагалъ въ ихъ требованіяхъ какія-то тайныя сѣти и ловушки; зачѣмъ это хотятъ устроивать новыя школы, и зачѣмъ не хотятъ помогать уже учрежденнымъ школамъ, спрашивалъ народъ? И не получалъ удовлетворительнаго разрѣшенія своихъ сомнѣній. Мы можемъ насчитать въ одномъ васильковскомъ уѣздѣ до 20-ти селъ, гдѣ ревнители народнаго образованія встрѣтили полный отказъ на свои предложенія. При такой неудачѣ, учредители новыхъ школъ перемѣнили тактику,

---

[1]) За это лестное и правдивое слово о православномъ духовенствѣ, оно должно сказать душевное спасибо автору настоящей замѣтки. Эта обязанность тѣмъ обязательнѣй и законнѣе, что онъ не принадлежитъ къ числу заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ, изучивъ предметъ добросовѣстно, смотритъ на дѣло со стороны, безъ пристрастія, предразсудковъ и увлеченій. Ред.

призвали къ себѣ на помощь мировыхъ посредниковъ (не забудьте, тогда еще поляковъ) и пустили въ ходъ обаятельное средство, состоящее въ обѣщаніи матеріальныхъ отъ казны средствъ на содержаніе училища и въ замѣчаніи, что церковно-приходскія школы будутъ содержаться на счетъ обществъ. Народъ однако плохо вѣрилъ чиновникамъ и, не смотря на кое-какія прижимки мировыхъ посредниковъ и на обольщеніе денежныхъ пособій, писалъ приговоры, что не желаетъ народныхъ школъ. Многіе изъ этихъ приговоровъ представлены начальству, а нѣкоторые получили печатную гласность. Иные остановлены на мѣстѣ властію мировыхъ, есть даже удержанные благочинными... Причина явнаго не расположенія народа къ новымъ школамъ, очень понятна. Чего простолюдинъ желаетъ отъ школы, чему и для чего онъ въ ней хочетъ учить свое дитя... Полный отвѣтъ на это былъ бы слишкомъ общиренъ. Ограничимся исчисленіемъ ложныхъ отвѣтовъ на этотъ простой и естественный вопросъ. Простолюдинъ и при посредствѣ министерской школы не составитъ себѣ лучшей карьеры. Онъ знаетъ, что ему выше пановъ не стать; да и панамъ, или панскимъ дѣтямъ, научившимся всему въ высшихъ школахъ, иногда трудновато пристроиться. А пановъ мужики не опередятъ. Должность волостнаго писаря ни чуть не привлекательна для простолюдина, и расчитывать на нее для своего сына всякій порядочный отецъ семейства сочтетъ нелѣпостью Писарь долженъ быть одинъ въ селѣ. Какъ же пяти десяти стамъ или болѣе грамотнымъ одного села всѣмъ быть писарями? До открытія волостей, при всей малограмотности простонародья, нашлись же люди, способные быть писарями. Управы не остались же безъ писарей. Весьма замѣчателенъ и тотъ фактъ, что крестьяне грамотныхъ своихъ собратій обходили при выборахъ на общественныя должности. Остается одинъ вопросъ, нужна ли грамотность крестьянину для его домашняго обихода въ матеріальномъ отношеніи при неизмѣняемости его положенія? Отвѣтъ незатруднителенъ. Грамотою простолюдинъ не пріобрѣтетъ и копѣйки, тогда какъ есть возможность изъ за нея потерять кое-что. Сто копѣекъ, сто рублей, три пары воловъ своихъ онъ считаетъ безъ пособія письма, и едва ли будетъ вести приходорасходныя книги; священники, конечно, ведутъ хозяйство въ большомъ размѣрѣ, чѣмъ простолюдины, но найдете ли вы хоть у одного изъ нихъ приходо-расходныя

книги? Едва ли!.. Да и развѣ ариѳметика, съ ея *дѣйствіями*, не таже въ народныхъ, что церковно-приходскихъ школахъ? Скажете, случится когда нибудь прочитать письмо отъ солдата, родственника или написать къ нему; но случится же, что крестьянину понадобятся сапоги, которыхъ онъ не умѣетъ сшить, нужна кожа для нихъ, которой онъ не умѣетъ выдѣлать, случится и молоть зерно на мельницѣ, которой у него нѣтъ. То, чего у насъ нѣтъ, нужно достать у другихъ. Но не нужно же каждому крестьянину быть кожевныхъ дѣлъ мастеромъ, сапожникомъ и проч. Раздѣленіе труда есть необходимое условіе для процвѣтанія промышленности и производительности. Да и люди съ высшимъ образованіемъ, для составленія дѣловыхъ бумагъ, не прибѣгаютъ ли къ спеціалистамъ по роду нужнаго дѣла. И простолюдину можетъ написать и прочитать письмо дьячокъ или другой грамотѣй, который, вѣроятно, найдется во всякомъ селѣ. Для чего же простолюдинъ учится грамотѣ, что хочетъ онъ знать, какихъ цѣлей онъ хочетъ достигнуть въ школѣ? Конечно, счастья,—но счастья своеобразнаго, искомаго имъ по преимуществу. Придавленный, особенно въ прежнія времена, своею политическою судьбою, неимѣвшій возможности пользоваться благосостояніемъ другихъ высшихъ классовъ въ государствѣ, народъ въ одной религіи находитъ утѣшеніе въ своихъ несчастіяхъ, задушевною вѣрою примиряется съ гнетущею его дѣйствительностію. Идея о воздаяніи загробномъ, о Богѣ правосудномъ и благомъ, о молитвѣ, *непропадающей* за Богомъ и о службѣ *непропадающей* за царемъ—помазанникомъ Божіимъ—вотъ идеи, составляющія основу народной философіи, духовную жизнь поселянина. Онъ всегда старается разъяснить себѣ эти идеи, о нихъ онъ хочетъ читать въ книгахъ, для нихъ учится грамотѣ. Народъ грамоту считаетъ средствомъ стать ближе къ Богу, ищетъ въ грамотѣ счастья—читать на клиросѣ, молиться Богу по книжкѣ, почитать что-либо домашнимъ, *отъ божественнаго*. Народныя школы не вполнѣ соотвѣтствуютъ духовнымъ потребностямъ народа и удовлетворяютъ его настроенности, и его положенію. И народъ отвернулся отъ народныхъ школъ. Нужна была вся настойчивость мировыхъ и другихъ чиновъ, чтобы набрать мальчиковъ въ народныя школы; нужны были угрозы, обѣщанія, чтобы перегнать мальчиковъ изъ церковной школы въ народную. Видно, подумали мужички,

самъ Царь приказалъ намъ учить дѣтей только въ министерской школѣ, а тобы посредники такъ за нихъ небрались. Эта мысль легла въ основаніи народныхъ, или лучше простонародныхъ школъ. Ну что, если народъ узнаетъ, что посредники принуждали его, только такъ—по пріятельству съ учредителями простонародныхъ школъ. Какія будутъ тогда гарантіи для прочности существованія этихъ школъ и нравственнаго къ нимъ отношенія простолюдья....

Другая опора простонародныхъ, министерскихъ школъ состоитъ въ томъ, что поселянъ вполнѣ увѣрили, будто содержаніе этихъ школъ будетъ идти отъ казны, безъ взиманія денегъ съ народа. Учредители школъ вездѣ за всѣхъ увѣряли, что казна никогда ничего не потребуетъ для содержанія сельскихъ министерскихъ училищъ. Подъ этимъ только условіемъ прихожане посылаютъ своихъ дѣтей въ народныя школы. За эту мысль очень ретиво держатся всѣ пропагандисты народныхъ школъ. Желаніе ихъ увѣрить въ этомъ народъ и священниковъ доходило до крайностей. Былъ, напримѣръ, такой фактъ, что одного благочиннаго требовали къ суду за то, что онъ прочиталъ прихожанамъ статьи проекта народныхъ школъ, въ которыхъ говорилось, что народныя школы должны содержаться на счетъ народа. И послѣ этого обвиненія, разумѣется, сыпались новыя увѣренія, что народныя школы будутъ содержаться на счетъ казны, или даже самаго кабинета... И что же? Благодѣтельное время разоблачаетъ всякую неправду!.. Самый жаркій защитникъ народныхъ школъ печатно признается, что денегъ для будущаго содержанія народныхъ школъ—нѣтъ. Значитъ школы народныя и съ этой стороны поставлены были на ложной гарантіи, на мечтательной идеѣ. Трудно повѣрить, но дѣло во очію совершается. Министерскія школы, такъ обольстительно все обѣщающія, становятся по средствамъ въ уровень съ церковно-приходскими, и ихъ конкуренція, основавшаяся на обѣщаніяхъ средствъ, и дѣйствительно имѣвшая до сего времени нѣкоторыя средства, или теперь понизится до точки замерзанія, съ давленіемъ компрометирующихъ ихъ разглашеній, или школы народныя будутъ существовать на счетъ собираемыхъ съ народа копѣекъ. Но прочтемъ самый документъ.

Въ 9 № газеты «Голосъ,» отъ 9 января настоящаго 1864 г., на шестомъ столбцѣ первой страницы напечатано:

«За тѣмъ необходимо обезпечить матеріальную сторону новыхъ «учрежденій (т. е. народныхъ школъ) опредѣленіемъ со сто-«роны правительства постоянной суммы на жалованье учителямъ «и на необходимые по школамъ расходы; ибо суммы, выдан-«ныя, до сего времени, министерствомъ, ассигнованы только «*единовременно*.»

Эти слова не требуютъ комментарія, смыслъ ихъ ясенъ. Но—что всего важнѣе—они составляютъ заключеніе и цѣль огромной статьи. Авторъ много потратилъ труда и времени, чтобы получить эти результаты, не щадилъ себя, даже досталось отъ него и другимъ, наполнилъ статью свою риторическими похвалами всему, что соприкасается народнымъ школамъ. Похвала, напримѣръ, достойнымъ наставникамъ бывшей педагогической школы выражена такъ: «они передали своимъ вос-«питанникамъ тотъ духъ живаго интереса къ народному обра-«зованію, которымъ одушевлены сами; они приготовили изъ «нихъ не ремесленниковъ, изъ-за куска хлѣба дѣлающихъ «свое дѣло болѣе или менѣе добросовѣстно, но людей, искренно «и всею душею отдавшихся избраннымъ занятіямъ и глубоко «понимающихъ всю ихъ трудность и важность.» Подумаешь, что авторъ такъ и читаетъ всѣ тайны въ сердцахъ учителей народныхъ школъ и ихъ наставниковъ! Жалко, что читать въ сердцахъ другихъ дѣло невозможное. О школахъ говорится, что «онѣ стали близки народу; ибо, какъ общественныя учреж-«денія, они успѣли занять мѣсто, какое имъ должно принад-«лежать; онѣ стоятъ ни выше, ни ниже того, какъ имъ слѣ-«дуетъ стоять.» Эта фраза напоминаетъ юмористическое описаніе одного плутоватаго господина у Гоголя: и «Чичиковъ былъ ни очень толстъ, ни очень тонокъ.» «Онѣ (школы) не есть оффиціальныя учрежденія» и проч. Но если школы эти суть учрежденія «общественныя», т. е. сельскихъ обществъ, а не оффиціальныя, казенныя; то по какой же логикѣ требовать для нихъ обезпеченія отъ правительства? Если онѣ учрежденія общественныя; если онѣ *открыты обществомъ*, нужды ихъ совпадаютъ съ ихъ вкусомъ и потребностями; то общество и обязано содержать ихъ. Если онѣ нуждаются въ пособіяхъ отъ правительства; то значитъ общество къ нимъ равнодушно, онѣ учрежденія не общественныя и не жизненныя, а только на время гальванизированныя прижимками и обѣщаніями. Въ па-

негирикѣ самымъ школамъ утверждается, что «имъ нельзя от-«казать въ глубокомъ политическомъ значеніи, и этому значе-«нію нельзя отказать въ сильномъ практическомъ характерѣ.» Можно подумать, что въ школахъ читаются какія нибудь политическія прокламаціи, или по крайней мѣрѣ внушается идея о величіи Россіи, о бѣдственной участи другихъ славянъ, о приводящемъ въ восторгъ идеалѣ будущей всеславянской націи, съ грудью изъ русскихъ, съ головою изъ поляковъ, съ оконечностями изъ чеховъ, моравовъ, иллирійцевъ, о страхѣ, какой наведетъ это огромное политическое тѣло вражьимъ нѣмцамъ, хитростнымъ французамъ..... Ахъ, нѣтъ! «все, что «тамъ преподается можно назвать въ нѣсколькихъ словахъ: «Законъ Божій, чтеніе, письмо, счетъ, и кое-какія свѣдѣнія «по естествознанію. «Что же тутъ, скажетъ изумленный читатель, національно-политическаго? Развѣ этого не знаютъ поляки, нѣмцы и французы? Что тутъ народнаго, отдѣляющаго народность русскую отъ другихъ народностей? «Но все это, отвѣ-«чаетъ авторъ, преподается въ понятной формѣ, съ практи-«ческимъ характеромъ (?);» будто счетъ, письмо, и что бы то-ни-было можно преподавать въ непонятной формѣ? «Всѣмъ «этимъ дѣйствуютъ на нравственную сторону дѣтей.» Оригинальная мысль автора. Жалко, что онъ не объяснилъ, а можетъ быть и никогда не объяснитъ, какъ это «всѣмъ этимъ»— т. е. письмомъ, счетомъ—можно дѣйствовать на нравственную сторону дѣтей. Не шутя, кажется, авторъ думаетъ, что, научившись въ народной школѣ счету и письму, крестьяне будутъ образцами нравственнаго совершенства. Такими-то эксцентрическими фразами авторъ статьи и старается возвысить небывалую привязанность народа къ министерскимъ школамъ и ихъ политическое значеніе.

Въ порицаніяхъ церковныхъ школъ, авторъ высказываетъ незнаніе дѣла, доходящее индѣ до крайней наивности. Совершенно, наприм., извѣстно и даже давно предано печати, что духовенство обезпечило многія, открытыя имъ, школы приговорами отъ обществъ, что всѣ прихожане наперерывъ утвердили посильные, постоянные сборы въ пользу церковныхъ школъ, не смотря даже на противодѣйствія нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей. Но авторъ статьи въ Голосѣ пишетъ: «принято было «необходимымъ, чтобы община, въ которой будетъ открываться

«училище, формальнымъ приговоромъ признала какъ его не-«обходимость, такъ и свою готовность помогать ему.... Это «обстоятельство совершенно упущено изъ виду церковно-при-«ходскими школами» и проч. Нѣтъ, это обстоятельство неупущено изъ виду. Почти до тысячи приговоровъ составлено было въ прошломъ году въ пользу церковно-приходскихъ школъ, и приведено въ исполненіе. По приговорамъ жертвовалось и до 120 руб., и до 30 корцевъ хлѣба на школу.

Очень интересно слышать признаніе въ несостоятельности простонародныхъ школъ отъ лица, какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ, до крайности заинтересованнаго ими!...

Да, Н. Б. очень кстати предалъ гласности, «что суммы, выданныя до сего времени министерствомъ, ассигнованны *единовременно*. Но какъ возстановить нравственное достоинство учредителей народныхъ школъ, говорившихъ недавно совсѣмъ иное, и народныхъ учителей, за ними повторявшихъ тоже? О онѣ облекутся въ листвіе смоковничье изъ эластичныхъ фразъ Н. Б. и прочувствованнаго нами его безпристрастія. Онъ скажетъ, или лучше уже сказалъ: «это дѣло чисто личное и за-«виситъ болѣе отъ личнаго характера тѣхъ, въ зависимость «отъ которыхъ поставлено дѣло народнаго образованія.» Да каковъ-то характеръ этихъ лицъ? Дѣйствовалъ ли Н. Б. на ихъ нравственную сторону счетомъ, письмомъ, которыми дѣйствуютъ въ народныхъ школахъ, или другими какими менѣе дѣйствительными средствами?

И. Пр......въ.

17 февраля 1864 года.

ОБЪЯСНЕНІЕ НА ЗАМѢТКУ »КОЕ-ЧТО О НАШИХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ.«

Въ ноябрской книжкѣ Вѣстника юго-западной и западной Россіи 1863 года помѣщена замѣтка »Кое-что о нашихъ народныхъ школахъ«.

Если не ошибаемся, въ замѣткѣ этой идетъ рѣчь о народныхъ школахъ, открытыхъ въ прошедшемъ году въ подольской губерніи. Авторъ позаботился о томъ, чтобы облегчить намъ эту догадку; хотя было бы гораздо лучше, если бы онъ прямо назвалъ лица и мѣстности, о которыхъ говоритъ. На-

меки затрудняютъ объясненіе. Но мы тоже сознаемъ весь вредъ того разлада, противъ котораго вооружается авторъ замѣтки, и потому считаемъ нашимъ долгомъ откровенно объясниться.

Г. С.... К... въ замѣткѣ своей говоритъ: »въ маѣ мѣ»сяцѣ прибылъ въ г. К.... г.***, съ цѣлью осмотрѣть сель»скія приходскія школы и на мѣсто ихъ открыть новыя«. Такой цѣли, вѣдомство, командировавщее г*** въ г. К...., не могло имѣть, такъ какъ оно не имѣло никакого права распоряжаться школами, открытыми духовенствомъ.

Цѣль командировки г*** (котораго мы знаемъ, насколько можемъ знать самаго себя) заключалась въ томъ, чтобы, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 18 января 1862 г., войдти въ соглашеніе съ подлежащими вѣдомствами объ открытіи въ подольской губерніи народныхъ училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Уже, вслѣдствіе этого соглашенія, намъ разрѣшено было посѣтить нѣкоторыя церковно-приходскія школы и имѣть въ виду не открытіе одной школы на мѣсто другой, а совмѣстное употребленіе учебныхъ и воспитательныхъ средствъ обоихъ вѣдомствъ для преуспѣянія народнаго образованія, согласно съ тѣмъ же самимъ Высочайшимъ повелѣніемъ 18 января.

Считаемъ не излишнимъ привести здѣсь и самыя основанія взаимнаго содѣйствія духовнаго и учебнаго вѣдомствъ въ дѣлѣ устройства народныхъ училищъ подольской губерніи. Основанія эти изложены въ отношеніи г. попечителя кіевскаго учебнаго округа къ его высокопреосвященству архіепископу подольскому. Они слѣдующія:

1) По важности религіозно-нравственнаго образованія, мѣстному приходскому священнику, кромѣ законоучительства, ввѣряется, въ званіи блюстителя школы, главное наблюденіе за ходомъ воспитанія въ ней, и потому во всѣхъ случаяхъ училищной дѣятельности ему оказывается первенство передъ учителемъ предметовъ. По своей же учебной части этотъ послѣдній долженъ руководствоваться исключительно инструкціею и программою отъ учебнаго вѣдомства.

2) За исполненіе обязанностей законоучителя народной школы мѣстному приходскому священнику назначается отъ министерства просвѣщенія по 50 р. въ годъ жалованья, за обученіе же церковному пѣнію въ народной школѣ назначается ежегодно по 20 р., и отъ мѣстнаго приходскаго священника будетъ за-

вмѣстѣ принять на себя обученіе церковному пѣнію или же поручить оное кому-либо изъ своего причта.

3) Народная школа въ отношеніи чисто учебномъ и административномъ состоитъ въ вѣдѣніи учебнаго округа, вслѣдствіе чего и законоучитель, касательно распредѣленія учебнаго времени, какъ и вообще всего учебнаго порядка, сообразуется съ инструкціею отъ окружнаго начальства.

4) Епархіальное же начальство черезъ довѣренныхъ лицъ, имъ назначаемыхъ, слѣдитъ съ своей стороны за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. попечитель кіевскаго учебнаго округа предложилъ его высокопреосвященству архіепископу подольскому, не признаетъ ли онъ удобнымъ въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ подольской губерніи, въ которыхъ будутъ открыты народныя училища министерствомъ просвѣщенія, ограничиться только одною народною школою, въ которой равномѣрно будутъ участвовать оба вѣдомства: духовное въ лицѣ своего блюстителя и законоучителя, а учебное въ лицѣ своего учителя предметовъ.

На всѣ эти положенія его высокопреосвященство изъявилъ свое совершенное согласіе въ отзывѣ къ г. попечителю отъ іюля 18 дня 1863 года, за № 10618.

Г. С..... К..... упрекаетъ насъ въ томъ, что въ бытность нашу въ Каменцѣ мы не видались ни съ кѣмъ изъ каменецкаго духовенства. Дѣйствительно не видались, но не потому что, какъ говоритъ г. С..... К ...., не хотѣли знаться съ этими людьми, а по другимъ причинамъ. Намъ казалось, что за совѣтомъ и указаніями о томъ, какъ устроить сельскія школы, ближе всего обратиться къ сельскому духовенству. У духовества г. Каменца мы желали просить совѣта и содѣйствія по другому дѣлу, именно по дѣлу устройства въ Каменцѣ педагогической школы для приготовленія учителей въ народныя училища. Устроить эту школу при гимназіи, значило бы сблизить будущихъ сельскихъ учителей съ учениками поляками и тѣмъ самымъ открыть въ школу доступъ вліянію среды, которая, подъ знаменами феодолизма и папскихъ индульгенцій, называетъ себя интеллигенціею края. Противуправительственныя и противународныя стремленія этой среды соблазняютъ гимназическую молодежъ, потому что понимаются ею, какъ стрем-

ленія либеральныя. Напротивъ того, въ подольской православной семинаріи педагогическая школа встрѣтила бы среду, которая тоже имѣетъ право, и при томъ право, завѣщанное исторіею, смотрѣть на себя, какъ на интеллигенцію края, какъ на образованное меньшинство, но меньшинство родное большинству кореннаго населенія, вмѣстѣ съ нимъ, преданное правительству и въ тоже время способное стать во главѣ всѣхъ дѣйствительно живыхъ интересовъ края.

Вотъ причина, по которой мы полагали ходатайствовать объ открытіи педагогической школы въ Каменцѣ не при гимназіи, а при православной семинаріи, разумѣется, съ участіемъ въ школѣ и гимназическихъ педагоговъ Одно это можетъ служить доказательствомъ, что мы относились къ каменецкому духовенству не съ индифферентизмомъ и опасеніями, а съ полнымъ довѣріемъ и должнымъ пониманіемъ всей важности его участія въ дѣлѣ народнаго образованія. Мы не имѣли довольно времени для того, чтобы лично войдти въ сношеніе съ каменецкимъ духовенствомъ по вопросу о школѣ и просили учителя каменецъ-подольской гимназіи М. Л. Стефановича переговорить объ этомъ дѣлѣ съ знакомыми ему лицами семинарскаго духовенства и о результатѣ совѣщаній написать намъ въ Кіевъ. Письмо г. Стефановича послужило бы намъ основаніемъ для ходатайства объ учрежденіи въ Каменцѣ педагогической школы, и совмѣстныя занятія по школѣ, мы надѣялись, дадутъ намъ болѣе дѣйствительное право пользоваться совѣтами каменецкаго духовенства, нежели право личнаго знакомства. Ходъ этого дѣла, какъ и вообще открытіе училищъ въ подольской губерніи замедлились, по причинамъ чисто случайнымъ; но обстоятельства, заставлявшія насъ желать учрежденія педагогической школы при каменецъ-подольской семинаріи, не измѣнились. Мы и теперь не теряемъ надежды на то что въ Каменцѣ, при участіи духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, устроится, если не педагогическая школа, то покрайней мѣрѣ училище, которое будетъ приготовлять кандидатовъ для кіевскаго учительскаго института. Мѣра эта необходима для того, чтобы облегчить семинаристамъ—подолянамъ поступленіе въ учительскій институтъ, съ правомъ полученія стипендіи. Г. С..... К..... не рѣшается утверждать, чтобы школы, открытыя духовенствомъ, составляли верхъ совершенства. Съ своей стороны не рѣшаемся утверждать, чтобы

школы, открываемыя вѣдомствомъ учебнымъ, отвѣтили всѣмъ требованіямъ народной школы, безъ того содѣйствія, которое учебному вѣдомству можетъ оказать духовенство своимъ пастырскимъ авторитетомъ, своимъ близкимъ знаніемъ нуждъ народа и своимъ практически-консервативнымъ отношеніемъ къ дѣлу народнаго образованія. Возможное совершенство и дѣйствительная польза зависятъ отъ соединенныхъ усилій обоихъ вѣдомствъ. Но чтобы дружно стремиться къ общей цѣли, для того нужны: взаимное довѣріе и возможность сближенія для обмѣна мыслей и уясненія вопросовъ. Этому послѣднему требованію могла бы между прочимъ отвѣтить и предполагаемая нами школа при подольской православной семинаріи, съ участіемъ въ ней гимназическихъ педагоговъ. Совершенно несправедливо насъ обвиняетъ г. С... К..., что, при устройствѣ народныхъ училищъ въ селахъ, мы не видались *ни съ однимъ* священникомъ. Напротивъ, не только видались, но и не разставались, пока продолжались волостные сходы, на которыхъ рѣшался вопросъ о школѣ. Мы очень хорошо помнимъ то благосклонное вниманіе, съ которымъ приняли насъ и наше предложеніе о школѣ, то содѣйствіе, которое оказали намъ приходскіе священники Мазуровки, Межирова, Деражни, Женишковецъ, Кузьмина, Купина, Браги, Мурованныхъ, Куриловецъ, Ярышева, Лучинца, Чечельника, Бершади, Крутыхъ, Голованевскаго. *Съ однимъ только* священникомъ мы не видались, при устройствѣ волостной народной школы въ его приходѣ, именно съ священникомъ с Кучи, потому что когда хотѣли отправиться къ нему, то намъ сказали, что его нѣтъ дома. Мы дѣйствительно виноваты въ томъ, что не настояли на своемъ желаніи быть у него. Но въ то время въ Кучѣ мы пробыли не два дня, а всего три часа, то есть столько, сколько продолжался волостный сходъ, собранный предварительно по распоряженію мѣстной полиціи.

Во той же Кучѣ мы не выбирали и не указывали мѣста для постройки школы, а только приняли готовый домъ, пожертвованный для школы управляющимъ кучскимъ имѣніемъ отъ имени владѣльца. Домъ этотъ дѣйствительно возлѣ корчмы, но намъ казалось, что сосѣдство это еще не составляетъ такого недостатка, чтобы изъ за него отказаться отъ пожертвованія, тѣмъ болѣе, что на теперешнее помѣщеніе кучскаго училища мы смотрѣли и смотримъ только какъ на временное.

Что сказать въ отвѣтъ на обвиненіе въ назначеніи въ Кучу учителя, который принесъ въ сельскую среду спѣсь и презрѣніе къ священнику? Г. С.... К..... быть можетъ и не подозрѣваетъ, какъ несправедливо обижаетъ онъ существо честное, достойное уваженія, если не по высокимъ познаніямъ своимъ, то по искренной преданности дѣлу, существо беззащитное, которое всю жизнь свою училось переносить спѣсь и презрѣніе другихъ и неспособно оказывать презрѣнія кому бы то ни было, тѣмъ болѣе священнику.

Было бы съ нашей стороны нескромно входить въ дальнѣйшія объясненія съ г. С.... К.... на счетъ личности кучскаго учителя; скажемъ только, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1863 г. мы вторично посѣтили Кучу, были въ училищѣ, имѣли честь познакомиться съ приходскимъ священникомъ, г. Шманкевичемъ, у него въ домѣ, и слышали отъ него совершенно удовлетворительный отзывъ объ учителѣ.

Объясняя причину спѣси кучскаго учителя, г. С.... К.... говоритъ: «И какъ было не забыться, когда въ бумагѣ, предъ«явленной имъ (учителемъ) священнику, говорилось, что та«кой-то учитель долженъ *доносить о священникѣ и его «дѣйствіяхъ въ школѣ кому слѣдуетъ*. Новый учитель «снабженъ инструкціею, которую священникъ не знаетъ; онъ «же получаетъ секретныя предписанія, которыя тоже неизвѣстны «священнику.»

Самая крайность этого обвиненія служитъ лучшимъ доказательствомъ его несправедливости. Неужели г. С.... К.... думаетъ, что учебное вѣдомство систематически ведетъ дѣло къ тому, чтобы поселить вражду между учителемъ и священникомъ, что люди, которымъ правительство ввѣрило воспитаніе молодаго поколѣнія, только и заботятся о томъ, чтобы внушить своимъ учителямъ неуваженіе къ духовенству? Здѣсь выражается уже больше, нежели одно недовѣріе: здѣсь выражается предубѣжденіе, готовое все перетолковать въ другую сторону.

Вся инструкція, которую получаютъ учителя, при отправленіи на должность, заключается въ слѣдующемъ:

«Только вслѣдствіе указаній опыта можно будетъ составить болѣе полную инструкцію для сельскихъ учителей. Въ настоящее время учителя новоучреждаемыхъ въ кіевской и по-

дольской губерніяхъ народныхъ училищахъ обязываются принять къ свѣдѣнію и исполненію главнымъ образомъ слѣдующее.

1) Законоучителю во всѣхъ случаяхъ училищной жизни принадлежитъ первенство передъ учителемъ предметовъ и общее наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы. По части учебной учитель предметовъ руководствуется наставленіемъ, даннымъ ему отъ учебнаго начальства.

2) Учителю строго вмѣняется въ обязанность не выходить изъ круга чисто педагогической дѣятельности и отнюдь не вмѣшиваться въ дѣла крестьянскихъ обществъ.

3) Ученіе въ народныхъ училищахъ начинается съ 1-го сентября и продолжается до 1-го іюля. Во время полевыхъ работъ, ученики, по желанію родителей, могутъ быть увольняемы отъ ученія; но учитель долженъ быть на мѣстѣ и заниматься съ желающими учиться, хотя бы ихъ было два человѣка.

4) Въ дни воскресные и праздничные ученія не бываетъ.

5) Ученики собираются въ училище только разъ въ день утромъ, и оставаясь въ немъ подъ надзоромъ учителя, занимаются не менѣе четырехъ часовъ съ промежутками, необходимыми для отдыха. Ученіе должно начинаться и оканчиваться молитвою.

6) Учитель долженъ знать близко характеръ и способности своихъ учениковъ и дѣйствовать на нихъ мѣрами нравственнаго вліянія. Тѣлесныя наказанія учениковъ предоставляются только ихъ родителямъ.

7) Кромѣ вѣдомостей о числѣ учениковъ и занятіяхъ съ ними, учитель обязанъ представлять къ 1-му января и 1-го августа свои замѣчанія о школѣ, извлеченныя имъ изъ его педагогической практики. Эти отдѣльныя замѣчанія могутъ послужить полезнымъ матеріаломъ для составленія болѣе подробной инструкціи сельскимъ учителямъ.»

Неужто послѣдній пунктъ этой инструкціи могъ послужить г. С.... К.... основаніемъ для разсказа о существованіи бумаги, въ которой говорится, *что учитель долженъ доносить о священникѣ и его дѣйствіяхъ въ школѣ?*

Что подало поводъ г. С.... К.... сказать, *что учитель получаетъ секретныя предписанія, неизвѣстныя священнику*, мы не можемъ догадаться.

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ, быть можетъ, прежде всего слѣдовало сказать. Замѣтка г. С.... К.... подписана 19 ноября, а до конца ноября мѣсяца 1863 года въ подольской губерніи были открыты всего двѣ народныя школы: въ Мурованныхъ Куриловцахъ и Кучѣ, слѣдовательно всѣ замѣчанія г. С..... К..... могутъ относиться только къ этимъ двумъ школамъ. Но онъ счелъ нужнымъ въ замѣткѣ своей говорить вообще о школахъ, открытыхъ въ подольской губерніи; въ объясненіи нашемъ мы послѣдовали его примѣру.

Оканчивая настоящее объясненіе, просимъ г. С.... К.... вѣрить, что оно внушено намъ однимъ желаніемъ сохранить доброе о насъ мнѣніе, какъ подольскаго духовенства, такъ и вообще всѣхъ, искренно сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія. Дай Богъ, чтобы это объясненіе послужило къ водворенію мира и довѣрія. Пора намъ замѣтить весь вредъ антагонизма, вкравшагося у насъ въ отношенія между вѣдомствами. Это наша слабость и сила тѣхъ, которые умѣютъ ловко пользоваться этою слабостью.

М. Туловъ.

1-го марта 1864 года.
Кіевъ.

ТРОЙКА.

Куда ты мчишся, тройка удалая?
Звенишь, фыркаешь и гремишь,
И воздухъ быстро разсѣкая,
Куда ты, какъ стрѣла, летишь?
На тройкѣ той катила молодежь
Съ одной попойки на другой кутежъ,
И вотъ у нихъ было какое разсужденье:
«Дадимъ-ка тройкѣ сей мы самоуправленье!
Зачѣмъ рутиною казенной намъ бѣжать
И абсолютнымъ формамъ подчинять
Свободныхъ нашихъ душъ стремленье?
Теперь такое вѣдь настало просвѣщенье,
Что и конямъ пора либерализмъ ужъ знать;
Прочь возжи и узда, приказъ и принужденье!

Лошадушки, катай—валяй!...»
И закатали, заваляли
По рвамъ, по кочкамъ, по буграмъ,
Запутались, постромки всѣ порвали,
Телѣгу растрясли, разбили по кускамъ,
И сѣдоковъ по полю разбросали:
Иной съ разбитымъ лбомъ въ грязи стоналъ,
Другой катался и кричалъ
На переломленныя руки,
А третій ужъ не чувствовалъ и муки,—
На камень головой упалъ,
И—бездыханнымъ ужъ лежалъ.....

И. К.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Депутація римско-католическаго духовенства тельшевской епархіи къ М. Н. Муравьеву.

Въ минувшее воскресенье, 16 февраля, г. главный начальникъ края изволилъ принимать депутацію, прибывшую въ г. Вильно, отъ бѣлаго и монашествующаго римско-католическаго духовенства тельшевской или самогитской епархіи (ковенской губ.).

Депутаты сіи представили его высокопревосходительству всеподданнѣйшее на имя Государя Императора письмо, въ коемъ говорятъ: что, когда весь западный край, послѣ несчастнаго смятенія, спѣшитъ къ державнѣйшимъ стопамъ Его Величества съ изъявленіемъ совершенной своей преданности и безпредѣльной покорности, они, смиренные служители алтарей, до глубины сердецъ проникнутые тѣмиже чувствами, дерзаютъ также повергнуть предъ Августѣйшимъ Монархомъ изъявленіе непоколебимой приверженности къ престолу; что, составляя вмѣстѣ съ ихъ паствою одно нераздѣльное цѣлое съ Россіею, римско-католическое духовенство тельшевской епархіи, дорожа святостью

принесенной Его Величеству присяги, съ радостью и искреннимъ умиленіемъ пользуется нынѣ случаемъ, дабы торжественно заявить предъ міромъ, что примѣръ заблудшихъ подданныхъ не поколебалъ духовенства въ вѣрности къ скиптру Его Величества и что оно жаждетъ пребыть навсегда и пребудетъ преданнѣйшимъ сословіемъ обширнаго государства. Почему и просятъ Всемилостивѣйшаго Государя внять чистосердечному изліянію ихъ чувствъ и не отвергнуть раскаянія впавшихъ въ заблужденіе собратій ихъ, вмѣстѣ съ вѣрнымъ духовенствомъ, повергающихъ себя безпредѣльному милосердію Государя.

Всеподданнѣйшее письмо это подписано тельшевскимъ епархіальнымъ епископомъ Матвѣемъ Волончевскимъ и 37 священно-служителями.

При чемъ преосвященный епископъ Волончевскій представилъ особое на имя его высокопревосходительства письмо, въ которомъ выражаетъ, что стеченіе смутныхъ обстоятельствъ, представившее римско-католическое духовенство тельшевской епархіи будто-бы забывшимъ о вѣрноподданническихъ чувствахъ Августѣйшему Государю, заставило оное торжественно заявить передъ міромъ, что оно навсегда останется непоколебимо вѣрнымъ Его Императорскому Величеству и что всякіе происки людей неблагонамѣренныхъ не успѣютъ въ немъ нарушить чистосердечной приверженности къ Его престолу. Представляя его высокопревосходительству сіе изліяніе нелицемѣрныхъ сердецъ служителей алтаря, повергающихъ себя Монаршему милосердію, преосвященный епископъ, отъ имени всего подвѣдомственнаго ему духовенства, проситъ повергнуть оное къ державнѣйшимъ стопамъ Его Императорскаго Величества.

Г. главный начальникъ края, благосклонно принявъ сихъ депутатовъ, изволилъ сказать, что съ удовольствіемъ видитъ настоящее заявленіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и обѣщаетъ повергнуть всеподданнѣйшее ихъ письмо на всемилостивѣйшее благовоззрѣніе Августѣйшаго Монарха. Къ сожалѣнію, въ последнее смутное время революціонныхъ неистовствъ, нѣкоторые изъ римско-католическаго духовенства осрамили себя не токмо нарушеніемъ вѣрноподданнической присяги, но и участвовали въ мятежныхъ дѣйствіяхъ съ оружіемъ въ рукахъ и даже въ убійствахъ, каковыя дѣйствія бросили неблагопріятную тѣнь и на все сословіе духовенства; по этому его высокопревосходительство, желая довѣрить заявляемымъ чувствамъ, требуетъ и

надѣется, что духовенство, по долгу совѣсти, и въ сознаніи высокаго своего призванія, употребитъ всѣ усилія, чтобы примѣромъ и назиданіемъ достойно оправдать выраженное имъ чувство на самомъ дѣлѣ,— стараясь направить ввѣренную ихъ попеченію паству къ непреложному исполненію долга и вѣрноподданнической присяги. При чемъ его высокопревосходительство присовокупилъ, что, по долгу справедливости, карая виновныхъ, что въ тоже время не отказываетъ въ снисхожденіи тѣмъ, кои, хотя и были увлечены потокомъ революціоннаго движенія, но не совершили особыхъ преступленій и нынѣ, заявивъ полное раскаяніе, готовы возвратиться на путь долга и чести; что, согласно ходатайству преосвященнаго епископа Волончевскаго, нѣкоторые ксендзы уже получили помилованіе.

Празднованіе 19 февраля въ г. Вильно.

Въ среду, 19 февраля, въ высокоторжественный день восшествія на престолъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, г-нъ главный начальникъ края, въ 10 часовъ утра, изволилъ принимать поздравленія отъ духовенства всѣхъ исповѣданій, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства и представителей городскихъ сословій. Его высокопревосходительство, подходя къ каждому изъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, удостаивалъ всѣхъ нѣсколькими привѣтливыми словами.

Въ то же время представители 25 волостей временно-обязанныхъ крестьянъ вилкомірскаго уѣзда, 1 и 2 мировыхъ участковъ, поднесли всеподданнѣйшія письма на имя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА при благодарственной запискѣ на имя его высокопревосходительства; при чемъ представили деньги 47 р. 43 к. отъ перваго и 100 руб. отъ втораго участка, съ просьбой употребить ихъ по усмотрѣнію его высокопревосходительства.

Въ письмахъ этихъ говорится, что за дарованіе свободы и общечеловѣческихъ правъ, просители, со всѣмъ ихъ потомствомъ, обязаны ГОСУДАРЮ неизмѣнной признательностію. Но какъ нѣкоторые изъ среды ихъ, по невѣжеству и изъ опасенія мести мятежниковъ, забыли свой вѣрноподданническій долгъ, а потому, въ великій день освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, они сочли своей обязанностію заявить о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, а та-

же о готовности, въ случаѣ надобности, пожертвовать своею жизнію и достояніемъ.

Въ запискѣ временно-обязанные крестьяне приносятъ свою благодарность по случаю умиротворенія страны.

Его высокопревосходительство, поблагодаривъ депутатовъ и обѣщавъ представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ всеподданнѣйшія ихъ письма, и сказавъ, что пожертвованныя деньги будутъ употреблены въ пользу тѣхъ, кто пострадалъ отъ мятежа, изволилъ пожаловать и возложить за оказанное содѣйствіе къ поимкѣ и преслѣдованію мятежниковъ, на нижепоименованныхъ крестьянъ серебрянныя медали:

На георгіевской лентѣ: съ надписью „за храбрость„—1 мироваго участка роговецкой волости, старшинѣ Ивану Штетелису, и на анненской лентѣ, съ надписью „за усердіе“:—старшинѣ огировской волости Іосифу Войцеховскому, прамуской волости Карлу Уселису, и 2 мироваго участка; ованской волости Станиславу Бржузасу и старшинѣ оникштанской волости Матвѣю Ширменису.

Въ $10^1/_2$ часовъ, въ церкви Святотроицкаго монастыря, въ присутствіи генералитета, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и при многочисленномъ стеченіи народа, преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовской епархіи, отслужена литургія, по окончаніи коей высокопреосвященнымъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ совершено, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе о здравіи и благоденствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго Его дома, и при провозглашеніи многолѣтія, изъ виленскихъ укрѣпленій сдѣланъ былъ сто одинъ пушечный выстрѣлъ. Въ то же время совершены литургія и благодарственное молебствіе въ дворцовой церкви, въ присутствіи г. главнаго начальника края и многихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и одновременно совершены были благодарственныя молебствія въ римско-католическомъ кафедральномъ соборѣ, а также въ храмахъ другихъ исповѣданій.

Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ. Множество щитовъ и вензельныхъ изображеній имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, живописное освѣщеніе колоколенъ костеловъ, всѣ окна домовъ, залитыя огнями,—представляли торжественную, вполнѣ очаровательную кар-

тину. Густыя массы народа наполняли улицы и площади ярко освѣщеннаго города. Передъ началомъ представленія въ театрѣ исполненъ былъ гимнъ: „Боже царя храни!", четырекратно повторенный по единогласному требованію публики. Въ залахъ дворянскаго клуба данъ былъ маскарадъ, въ пользу виленскихъ дѣтскихъ пріютовъ

(Полиц. Лист.).

— **Празднованіе 19 февраля въ разныхъ мѣстахъ виленскаго генералъ-губернаторства.** 19 февраля, день восшествія на престолъ Государя Императора, былъ отпразднованъ самымъ торжественнымъ образомъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ. Приводимъ нижеслѣдующее, происходившее въ витебской и ковенской губерніяхъ.

Въ Динабургѣ, послѣ торжественнаго богослуженія жители угощали нижнихъ чиновъ, на крѣпостномъ плацу; при чемъ провозглашены были тосты: за здоровье и долгоденствіе нашего Августѣйшаго Государя, сопровождавшійся нескончаемымъ „ура", а также за здоровье г. главнаго начальника края, войска и проч. Вечеромъ въ театрѣ шла патріотическая піеса Кукольника: „Рука Всевышняго отечество спасла." Въ заключеніе спектакля пѣли народный гимнъ, который, по требованію публики, былъ повторенъ, при громкихъ „ура" всѣхъ присутствующихъ. Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ.

Въ Рѣжицѣ, торжественное богослуженіе совершено въ соборѣ, при огромномъ стеченіи народа; провозглашеніе многолѣтія сопровождалось пушечными выстрѣлами. Послѣ молебствія и парада, на соборной площади, въ присутствіи служащихъ и народа провозглашенъ былъ тостъ: „да здравствуетъ нашъ великій Государь!" Тостъ сопровождался долго неумолкаемымъ „ура" и пальбою изъ пушекъ. Другой тостъ, провозглашенный за здоровье умиротворителя здѣшняго края, принятъ былъ всѣми съ восторгомъ. На телеграмму, извѣстившую о томъ г. главнаго начальника края, чрезъ нѣсколько часовъ полученъ былъ отвѣтъ его высокопревосходительства на имя рѣжицкаго военнаго начальника: „прошу передать искреннюю благодарность войску, гражданамъ и крестьянамъ, собравшимся въ г. Рѣжицѣ, за выраженный ими привѣтъ. Поздравляю ихъ съ сегодняшнимъ торжествомъ." Потомъ нижніе чины угощены были жителями. Въ тоже время и въ синагогѣ совершено торжественное служеніе и молебствіе за здоровье

Государя Императора, заключившееся пѣніемъ народнаго гимна. Вечеромъ весь городъ былъ прекрасно иллюминованъ, и данъ былъ балъ, въ которомъ непритворно всѣ веселились отъ 9 ча с. веч. до 6 ч. утра.

Въ г. Новоалександровскѣ, послѣ торжественнаго богослуженія, жители угощали нижнихъ чиновъ, а также и офицеровъ. Провозглашены были тосты за здоровье и благоденствіе Государя Императора и г. главнаго начальника края, при громкихъ неумолкаемыхъ крикахъ „ура". Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

День этотъ ознаменованъ былъ торжественнымъ богослуженіемъ и празднествомъ и въ другихъ частяхъ новоалександровскаго уѣзда. Такъ въ мѣстечкѣ Скопишкахъ, были молебствія въ католическомъ костелѣ и синагогѣ, при многочисленномъ стеченіи крестьянъ и окрестныхъ помѣщиковъ. Общества христіанское и еврейское, пожертвовали тутъ въ пользу раненыхъ, по 10 коп. съ души, а нижнихъ чиновъ жители угощали водкой. Ксендзомъ-деканомъ Жукомъ произнесена приличная торжеству рѣчь о преданности престолу.

Такимъ-то образомъ въ этотъ достопамятный день высказались искренняя преданность и непритворная любовь къ обожаемому Монарху всѣхъ безъ изъятія сословій.

Празднованіе 19 февраля въ Витебскѣ.

Девятнадцатое февраля, день, въ который изъ конца въ конецъ обширной Россіи, колѣнопреклоненный народъ возноситъ теплыя благодарственныя молитвы Творцу, отпразднованъ былъ у насъ, въ Витебскѣ, съ особенною торжественностію. Отъ перваго богача, до послѣдняго нищаго, безъ различія сословій, исповѣданій, даже пола и возраста, все молилось, радовалось; и мы, въ этотъ великій день, опять имѣли случай быть свидѣтелями новыхъ начинаній въ нашемъ небогатомъ Витебскѣ.

Впечатлѣнія этого дня, вынесенныя нами, были такъ пріятны, что мы не можемъ не подѣлиться ими; не можемъ не разсказать ихъ всѣмъ нашимъ русскимъ братьямъ.

За долго еще до начала Божественной литургіи въ каѳедральномъ Николаевскомъ соборѣ, со всѣхъ сторонъ сталъ собираться

народъ на небольшую площадку передъ храмомъ, гдѣ былъ также парадъ отъ камскаго пѣхотнаго полка и мѣстнаго батальона внутренней стражи. Намъ давно не случалось видѣть такой тѣсноты. По окончаніи литургіи, преосвященный Василій, архіепископъ полоцкій и витебскій, произнесъ соотвѣтственную празднеству проповѣдь. Церковное служеніе закончено было колѣнопреклоненнымъ молебствіемъ, о здравіи и многолѣтіи Всемилостивѣйшаго Государя Императора, которое совершилъ преосвященный, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Выйдя изъ храма, мы увидѣли стройные ряды нѣсколькихъ ротъ камскаго полка и витебскаго батальона внутренней стражи, проходящихъ церемоніальнымъ маршемъ; но насъ не столько заняла молодцоватость бодрыхъ нашихъ солдатъ, сколько радостный видъ, до полутораста слишкомъ человѣкъ, старшинъ и старостъ сельскихъ обществъ, освободившихся изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, приглашенныхъ къ этому великому дню изъ всѣхъ ближайшихъ уѣздовъ отъ города Витебска. Господинъ начальникъ губерніи, генералъ-маіоръ Веревкинъ, подойдя къ этимъ новымъ представителямъ возрожденнаго общества, поздоровался съ ними, поздравилъ съ праздникомъ и пригласилъ къ себѣ на чарку.

Прямо съ площади, за г. начальникомъ губерніи, толпа народа наполнила дворъ витебской пожарной команды, гдѣ, въ двухъ довольно просторныхъ и опрятныхъ, комнатахъ, отдѣльнаго зданія, приготовленъ былъ первый обѣдъ для самыхъ бѣдныхъ, хилыхъ и дѣйствительно нуждающихся жителей города Витебска, открытый заботливостію г. начальника губерніи, по образцу столичнаго снабженія бѣдныхъ пищею [1]). Вкусныя щи въ мискахъ, большіе куски очень хорошаго хлѣба и порціи водки, заманивали несчастныхъ меньшихъ нашихъ братій въ рубищѣ, толпившихся у входа. Г. начальникъ губерніи изъявилъ надежду, что это полезное и благодѣтельное учрежденіе не можетъ не найдти сочувствія и будетъ поддержано витебскимъ обществомъ. Дай Богъ, подумали мы, начало сдѣлано въ счастливый день! „Дай Вамъ Богъ“...., шептали и говорили несчаст-

[1]) Объявленіе по г. Витебску объ открытіи 19 февраля общественной столовой, для снабженія бѣдныхъ пищею.

ные нищіе, съ п лными благодарныхъ слезъ глазами провожая человѣка, который, въ кругу обширныхъ занятій, не забылъ и малыхъ сихъ!

Отсюда часть общества отправилась въ казармы витебскаго батальона внутренней стражи, гдѣ, въ длинномъ тепломъ корридорѣ, приготовленъ былъ обѣдъ для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, прибывшихъ въ городъ къ литургіи. Увѣсистые пироги съ начинкой, кружки пива и квасу, солдатскія чарки съ водкой, красовались между мисокъ горячихъ, дымящихся щей. Въ два ряда стояли гости, ожидая хозяина. „Ребята," сказалъ г. начальникъ губерніи, подойдя къ столамъ: „въ 1861-мъ году, Государю Императору благоугодно „было торжественный день восшествія Своего на Престолъ всероссій„скій увѣковѣчить въ памяти народовъ освобожденіемъ васъ отъ „крѣпостной зависимости. Сегодня минуло три года, какъ свершилось это великое дѣло. Каждый изъ васъ чувствуетъ на себѣ его „значеніе, каждый изъ васъ проникнутъ безпредѣльной благодарностью „и любовью къ Великому Государю. Зная это, я собралъ васъ, ребята, „чтобы вмѣстѣ помолиться о здравіи Государя, и вмѣстѣ осушить „заздравную чарку за Царя Освободителя"! Громкое ура было долгимъ отвѣтомъ радостному тосту; чарки поднялись и залпомъ осушились! Гости чинно усѣлись, и такъ какъ бѣлоруссъ всегда почти привыкъ обѣдать до осьми часовъ утра, то вкусныя блюда быстро исчезали. Вдругъ, съ одного конца стола грянула, съ бубнами, тарелками и присвистомъ, русская пѣсня: „Ты, березка, разкудря... кудря... кудрявая моя"! Удалые звуки весело раздались по казармѣ; мужички видимо были довольны и радостно смѣялись солдатикамъ; многіе подстукивали въ тактъ и ласково улыбались своимъ нѣкогда бывшимъ товарищамъ по сохѣ, дивясь ихъ удали. Едва смолкалъ одинъ хоръ пѣсенниковъ, затягивалъ другой, заглушая веселый шумъ пирующихъ. Услужливые солдатики довольно ловко, живо, а главное, съ большимъ удовольствіемъ, подавали: то жареную рыбу съ картофелемъ, то подливали пиво и водку, то подносили пухлыя оладья, съ мисочками густаго меду. Вообще столъ былъ вкусный, полный, хотя и постный, такъ какъ девятнадцатое февраля пришлось въ среду. Г. начальникъ губерніи, выпивъ первую чарку, закусывалъ вмѣстѣ на крайнемъ столѣ. Нельзя было не замѣтить общаго довольства, общей непритворной радости. Хозяинъ просилъ гостей ѣсть и пить безъ

церемоніи. Мировые посредники, съ своей стороны, помогали въ угощеніи. Многіе изъ старшинъ внимательно приглашали посѣтителей отвѣдать: водки, пирога, рыбы, и въ особенности оладьевъ, которыя имъ всѣмъ очень нравились. Въ самомъ началѣ обѣда, одинъ изъ старшинъ попросилъ вниманія, и, обратившись къ начальнику губерніи, хотѣлъ говорить, но немного замялся, а потому, доставъ изъ кармана лоскутокъ бумаги, энергически прочелъ свой, наскоро сочиненный, спичъ: „Позвольте, ваше превосходительство, и намъ сказать нѣсколько словъ: честь, которой мы сегодня удостоились, такъ велика, что можемъ только ее чувствовать! Наша обязанность постараться оправдать милость и вниманіе къ намъ начальства, которое заботится поднять насъ не только въ глазахъ общества, но и въ собсвенныхъ нашихъ глазахъ. Оно печется, какъ никогда не было, о нашей судьбѣ, по волѣ нашего Государя Императора. Да поможетъ вамъ Господь Всевышній! Прошу позволенья выпить за ваше здоровье"! Тостъ этотъ единогласно былъ принятъ всѣми, при оглушительномъ ура!.... „Спасибо тебѣ", отвѣтилъ его превосходительство. „Спасибо вамъ всѣмъ, ребята! Я пью за благоденствіе русской земли и русскаго люда"! и опять ура огласило корридоры.

Въ срединѣ обѣда стало довольно жарко; многіе изъ старшинъ были въ тулупахъ. Г. начальникъ губерніи, замѣтивъ это, пригласилъ снять ихъ. Гости охотно воспользовались разрѣшеніемъ, и обѣдъ пошелъ еще живѣе. Старшина козаковской волости, суражскаго уѣзда, молодой еще парень, получившій уже медаль „за усердіе", когда г. начальникъ губерніи, проходя между столами, поровнялся съ нимъ, приподнялся, смѣло и совершенно спокойно сказалъ: „мы ваше превосходительство, промежъ себя, говорили: какое намъ счастье сегодня По всему свѣту, значитъ, знаютъ нашего брата русскаго человѣка. За нашего Царя-Освободителя выпьемъ, еще разъ, ваше превосходительство! Ура, ура и ура!... „Выпьемъ, ребята, за здоровве главнаго начальника края, генерала Муравьева", провозгласилъ начальникъ губерніи. „Онъ такъ много печется о вашемъ благосостояніи„. „За здоровье Муравьева", подхватили мужички, съ крикомъ долгаго ура!

При окончаніи обѣда, прощаясь съ гостями, у насъ еще не бывалыми, начальникъ губерніи, между прочимъ, поручилъ имъ передать отъ него поздравленіе всѣмъ ихъ товарищамъ-односельцамъ и

ихъ семействамъ, напомнивъ, что они должны цѣнить милость Его Императорскаго Величества, и преданность свою Государю Императору доказать на дѣлѣ, точнымъ исполненіемъ, какъ всѣхъ своихъ обязанностей, такъ и уплатою опредѣленныхъ повинностей. „Теперь вы сдѣлались крестьянами-собственниками“, прибавилъ еще начальникъ губерніи, „а потому можете лучше, чѣмъ прежде, судить, какъ собственность дорога каждому. Внушайте крестьянамъ: чтобы чужое добро уважали, а свое берегли“! За тѣмъ, на прощаньи, его превосходительство выпилъ за здоровье всѣхъ гостей. Неумолкаемое ура провожало начальника, который далъ возможность, хотя нѣкоторой части представителей крестьянскаго сословія, отпраздновать вмѣстѣ великій день восшествія на престолъ Россіи обожаемаго Монарха—Освободителя и годовщину своего освобожденія.

Въ 4 часа по полудни, г. начальникъ губерніи, всѣ оффиціальныя лица и нѣкоторыя дамы были приглашены еврейскимъ обществомъ нашего города въ синагогу, для выслушанія молебствія о здравіи Государя Императора. Служеніе совершалось очень торжественно, съ пѣніемъ гимновъ и псалмовъ; честь выноса пяти-книжія Моисеева изъ кивота предоставлена была г. начальнику губерніи. „Боже Царя храни“ пѣлось на еврейскомъ и русскомъ языкахъ, и въ заключеніе, еврей, купецъ Литманъ Зельцеръ произнесъ соотвѣтственное обстоятельствамъ слово.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Погода стояла теплая, тихая; казалось, все радовалось вмѣстѣ съ нами.

Въ десять часовъ вечера, въ залѣ дворянскаго клуба, былъ балъ. Общество собралось довольно многочисленое, нарядное, со всѣми своими представителями и представительницами. Время провели очень пріятно: много танцовали, много веселились. Однимъ словомъ, мы, въ наше въ Витебскѣ, въ первый разъ провели такъ хорошо цѣлый день, тѣмъ болѣе день, дорогой каждому русскому сердцу.

П. Терлецкій. (Изъ Вит. Губ. вѣд.

Объ учрежденіи въ г. Витебскѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія.

Вновь учрежденное, съ ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія, полоцкое училище для дѣвицъ духовнаго званія, состоящее подъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, въ городѣ Витебскѣ.

По примѣру царскосельскаго и другихъ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, послѣдовало, въ концѣ истекшаго 1863 года, ВЫСОЧАЙШЕЕ учрежденіе такого же училища въ нашей полоцкой епархіи. Училище это состоитъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, и имѣетъ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія, какъ сказано въ § 2-мъ устава, въ правилахъ благочестія, по ученію православной церкви, и въ русскомъ народномъ духѣ, съ тѣмъ, чтобы воспитанницы могли впослѣдствіи имѣть благотворное вліяніе на окружающую ихъ среду, строго нравственною жизнію и дѣятельнымъ исполненіемъ семейныхъ обязанностей.—Сообразно такому назначенію училища, введены, въ полномъ смыслѣ, благопотребные предметы ученія и занятій для воспитанницъ. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ предметовъ ученія и занятій, на которые не можемъ не обратить особеннаго вниманія всякаго благосочувствующаго истинѣ и дѣлу. При общемъ преподаваніи Закона Божія, какъ-то: катихизиса, св. исторіи и объясненія Богослуженія, законоучитель имѣетъ, съ особеннымъ вниманіемъ, излагать и раскрывать предъ юными духовными воспитанницами исторію св. женъ и дѣвъ, о коихъ говоритъ св. библія и церковная исторія, чтобы показать примѣры истиннаго благочестія и христіанскихъ добродѣтелей, которыхъ должны достигать воспитанницы. Преподаватель русской исторіи также обязывается обратить особенное вниманіе на мѣстныя церковныя событія; равно и при изученіи русской географіи должны быть указываемы особенно важнѣйшія мѣста церковныхъ событій; далѣе, кромѣ обученія въ классахъ церковному пѣнію, по обиходу, воспитанницы, при неупустительномъ хожденіи въ церковь во всѣ воскресные и праздничные дни, будутъ читать и пѣть по очередно; для отчетливаго же,

по возможности знанія славянскаго текста, введено въ училищѣ преподаваніе славянской грамматики, съ упражненіемъ въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ; при изученіи арифметики, воспитанницы будутъ научены также счисленію на счетахъ; равно какъ, пріучаясь къ опытному домашнему хозяйству, онѣ будутъ ознакомлены съ порядкомъ и образомъ веденія нужной для сего отчетности; наконецъ, кромѣ рукодѣлья, въ возможно обширномъ объемѣ, онѣ будутъ умѣть шить церковныя ризы и другія одежды, и церковныя принадлежности. Однимъ словомъ, разумно и успѣшно выполненная во всемъ своемъ составѣ и содержаніи такая программа предметовъ ученія и занятій служитъ самымъ несомнѣннѣйшимъ и отраднѣйшимъ залогомъ и ручательствомъ, что всякая изъ воспитанницъ учреждаемаго училища, сдѣлавшись женою, совершенно оправдаетъ на себѣ слова премудраго: жена добра-часть блага: въ части боящихся Господа дана будетъ. (Сирахъ XXVI, 3.) А такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что воспитанницы сего училища имѣютъ быть женами священниковъ или діаконовъ и по преимуществу сельскихъ, то разсматриваемое, въ этомъ отношеніи, училище, есть истинно неоцѣнимый даръ милости Божіей, излившейся изъ сердца Царева, и въ частности изъ материнскаго любвеобилія Августѣйшей Покровительницы его, даръ во благо духовенству и всему простолюдинному обществу. Св. Апостолъ говоритъ: подобаетъ священнослужителю церкви быти, между прочимъ, свой домъ добрѣ правящу, чада своя имущу въ послушаніи со всякою чистотою: аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилежати возможетъ [1]). Видите, какую важность, самъ Божественный Апостолъ приписываетъ семейному благоустройству; самое благопопеченіе священно-служителя о церкви Божіей, онъ поставляетъ въ зависимости отъ благосостоянія домашняго. Но если вообще, по естественному порядку, домашнія и семейныя обязанности лежатъ на женахъ, то не тѣмъ ли болѣе должно лежать исполненіе этихъ обязанностей на женѣ священника, который, по многоразличію и непрерывности своихъ священно-служебныхъ занятій, не рѣдко бываетъ въ необходимости оставлять на цѣлыя сутки и болѣе свой домъ и семейство.

[1]) 1, Тимоѳ. III, 4—5.

А потому, кому, какъ не женѣ, остается выполнять то, чего требуетъ отъ ея мужа св. Апостолъ, т. е. и домъ свой добрѣ правити и чада своя воспытывать въ послушаніи, со всякою чистотою. Въ этомъ же отношеніи, какой пожелаете вы лучшей жены для священника, какъ не воспитанной по вышеизложенной программѣ...? Не такая ли собственно жена можетъ быть и лучшею матерью въ отношеніи воспитанія дѣтей, въ духѣ истинно религіозномъ и пр., и хозяйкой дома, когда она въ послѣднемъ случаѣ не только будетъ знать всякое домашнее хозяйство, но съумѣетъ составить по этому предмету и нужную отчетность. Съ другой стороны, кто не знаетъ, что назначеніе жены священника не ограничивается однимъ только домашнимъ очагомъ. Не даромъ всѣ прихожане называютъ, какъ самаго священника батюшкой, такъ и жену его матушкой. Всякая хорошая священническая жена, дѣйствительно, во многомъ и многомъ является истинною помощницею, сотрудницею мужу, своимъ благотворнымъ вліяніемъ, какъ сказано выше въ § 2-мъ училищнаго устава, на окружающую среду, т. е. прихожанъ своего мужа. Это вліяніе ея можетъ быть самое разнообразное, а именно: кромѣ того, что жена священника собственною строго нравственною жизнію и дѣятельнымъ исполненіемъ своихъ семейныхъ обязанностей можетъ служить живымъ представительнымъ примѣромъ для другихъ простолюдиныхъ женъ и матерей и хозяекъ, она, какъ получившая научное образованіе, не высокое, но за то основательное и капитальное и приспособленное преимущественно къ сельской средѣ и жизни, можетъ, чрезъ самыхъ же крестьянскихъ женъ и матерей, проводить все свое знаніе въ ихъ семейства. Ибо извѣстно, женщина женщинѣ всегда взаимно довѣрчивѣе. А съ другой стороны, если и теперь мы встрѣчаемъ примѣры, что жены духовныхъ лицъ заводятъ отъ себя своего рода училища, — то естественнѣе всего ожидать и надѣяться, что вышедшія изъ училища воспитанницы, не только сдѣлавшись женами духовныхъ лицъ, но и остававаясь, по какимъ либо обстоятельствамъ, дѣвицами при домахъ родителей или родственниковъ, будутъ всячески стараться, по самому своему научному настроенію, окружать себя ученицами, хотя въ качествѣ временныхъ слушательницъ. Однимъ словомъ, училище для дѣвицъ духовнаго званія составляетъ одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ учрежденій для духовенства и сельскаго простолю-

диннаго общества, не говоря уже о томъ, какое счастіе доставляетъ оно бѣднымъ дѣвицамъ-сиротамъ, изъ коихъ многія иначе, быть можетъ, лишены были-бы и крова и насущнаго пропитанія, а тѣмъ болѣе всякихъ средствъ къ образовательному воспитанію, послѣ котораго онѣ, поставленныя, какъ говорится, на ноги, всегда могутъ устроить себя такъ или иначе, если бы даже не судилъ Богъ кому либо изъ нихъ вступить въ супружество. Такъ напр., лучшія изъ нихъ, на основаніи самаго Устава (§ 16), могутъ оставаться при училищѣ, въ помощь воспитательницамъ, а иныя могутъ поступать въ домашнія учительницы-гувернантки, въ семейства духовныхъ лицъ. Во всякомъ же случаѣ, хотя бы которыя изъ воспитанницъ и не возвратились подъ кровъ своихъ сиротъ-матерей или бѣдныхъ родственниковъ, онѣ могутъ всегда пріобрѣсть себѣ соотвѣтственное содержаніе, то рукодѣльемъ, то чрезъ обученіе прихожанскихъ дѣвочекъ грамотѣ и рукодѣльемъ и пр. Послѣ сего остается быть болѣе чѣмъ увѣреннымъ сякому, что священнослужители, вознося усерднѣйшія моленія предъ Престоломъ Божіимъ, за столь драгоцѣннѣйшее для нихъ и чадъ ихъ благо, возревнуютъ воспользоваться имъ, какъ должно, не щадя посильныхъ средствъ своихъ на воспитаніе юныхъ дочерей своихъ въ новоучрежденномъ духовномъ училищѣ. Что же касается сиротъ, то попечительное начальство взыщетъ ихъ своимъ законнымъ вниманіемъ и участіемъ, чрезъ предоставленіе имъ права поступать въ училище на положенныя по штату казеннокоштныя вакансіи, а въ случаѣ недостатка послѣднихъ, Господь Богъ не оставитъ ихъ своею свышнею благостію, чтобы положить на сердцѣ избранныхъ своихъ святую мысль и желаніе помочь бѣднымъ сиротамъ частною или общею благотворительностію.

По распоряженію высшаго начальства, въ настоящее время разрѣшенъ пріемъ воспитанницъ только въ младшій классъ, въ 15 лицъ, а именно: 10-ть казеннокоштныхъ и 5-ть пансіонерокъ; за тѣмъ, чрезъ два года, за переводомъ этихъ 15-ти воспитанницъ въ средній классъ имѣетъ быть новый пріемъ дѣвицъ въ младшій классъ, въ томъ же количествѣ, т. е. въ числѣ 15-ти; наконецъ съ переводомъ тѣхъ и другихъ въ слѣдующіе классы, т. е. однихъ въ высшій, а другихъ въ средній, примутся еще 15-ть дѣвицъ, такъ что чрезъ четыре года, или, что тоже, чрезъ два двухгодичныхъ курса, составится полный

положенный по штату, комплектъ воспитанницъ, а именно 30-ть казеннокоштныхъ и 15-ть пансіонерокъ.

Начальницей училища избрана и утверждена Августѣйшею Покровительницею, Государынею Императрицею Маріею Александровною баронесса Марія Александровна Боде, бывшая предъ симъ классною дамою въ С. Петербургскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Нанятая временно квартира для помѣщенія училища находится въ домѣ купца Севастѣева, что на задвинской сторонѣ города Витебска, на берегу рѣки, за Петропавловскою церковію. Открытіе училища имѣетъ быть, когда воспослѣдуетъ Высочайшее утвержденіе Государынею Императрицею предназначенныхъ къ первому пріему дѣвицъ-воспитанницъ въ младшій классъ училища.

Іеремонахъ Сергій.

(Вит. Губ. Вѣд.)

Письмо изъ Луцка.

19-го февраля 1864 года.

Въ минувшемъ году мы уже сообщили о тѣхъ богатознаменательныхъ заявленіяхъ, которыми высказало себя здѣшнее населеніе по случаю торжественнаго празднованія 26 и 30 августа священнаго коронованія и тезоименитства Государя Императора, но это, можно сказать, было только начало того возрожденія, къ которому положилъ прочное и незыблемое основаніе канувшій въ вѣчность 1863 годъ.

Мы должны сознаться, что въ прошедшее время, которое уже, конечно, никогда не возвратится, празднованіе въ здѣшнемъ краѣ высокоторжественныхъ дней, посвященныхъ Августѣйшему имени Государя Императора и Царственнаго Дома, принадлежало исключительно къ служебно-чиновному классу людей. Большинство же низшаго русскаго населенія подъ гнетомъ польскаго эле-

мента, не допускалось къ этимъ торжественнымъ, по истинѣ народнымъ праздникамъ, и будучи, такъ сказать, оторвано насильно отъ родной русской своей и единой семьи, не по родному чувству, никогда его неоставлявшему, а по исключительному своему положенію, оно не имѣло достаточно силы заявить о тѣхъ задушевныхъ чувствахъ, которыя безвыходно таились въ его сердцѣ. Но благодареніе Провидѣнію за тѣ кровавые уроки, которые оно наслало на нашу долю, и это грустное время прошло и прошло безвозвратно. Мы же обратимся къ достопамятному въ Слуцкѣ 19 февраля, посвященному воспоминанію восшествія на Всероссійскій престолъ Государя Императора, которое было обновленіемъ и счастіемъ любезнаго отечества нашего вмѣстѣ съ многими милліонами, хотя чуждыхъ намъ по вѣрѣ племенъ, но равно вѣрноподданныхъ своему Монарху, и равно съ нами наслаждающихся благоденствіемъ подъ Его могущественнымъ скипетромъ.

19-го февраля отпраздновали случане такъ, какъ дай Богъ праздновать и на будущее время, благодаря тому истинно патріотическому участію, которое принялъ въ праздникѣ квартирующій здѣсь начальникъ 31 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Н. А. Неокрѣпшее еще здѣсь вполнѣ наше русское общество нуждается въ такихъ именно руководителяхъ, за которыми оно идетъ смѣло и достойно гордится своею національностію, оставляя позади себя все то, что прежде такъ ухищрено въ систематическомъ порядкѣ его связывало. Въ 10 часовъ, вмѣстѣ съ благовѣстомъ въ Николаевскомъ соборѣ, начались крестные ходы изъ приходскихъ городскихъ церквей· Воскресенской, Георгіевской и Михайловской, установленные прихожанами на вѣчныя времена въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ прибытіемъ въ соборъ, сопровождавшаго крестный ходъ духовенства съ св. иконами и множествомъ народа, совершена соборнѣ св. литургія, а потомъ благодарственное молебстіе съ колѣнопреклоненіемъ о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Царскаго дома съ провозглашеніемъ многолѣтствія Августѣйшему Виновнику торжества. Предъ молебствіемъ сказана была назидательная проповѣдь соборнымъ о. протоіереемъ Суддовскимъ на тему: „воздадите Кесарево Кесаревѣ.“

При богослуженіи присутствовали г. начальникъ дивизіи со всѣмъ штабомъ, предводитель дворянства, военные и гражданскіе чиновники, воспитанники гимназіи съ начальствующими и учителями при множествѣ богомольцевъ обоего пола всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій. По выходѣ изъ собора, г. генералъ-лейтенантъ Ведемееръ, обойдя ряды войскъ, бывшихъ въ парадѣ, поздравилъ ихъ съ праздникомъ. Задушевное дружное „ура," многократно повторенное, было отвѣтомъ на привѣтствіе всѣми любимаго и достойнаго начальника; затѣмъ солдаты угощены были виномъ и закускою, а духовные, военные и гражданскіе чиновники, а также дворяне, отправились въ квартиру г. начальника дивизіи, гдѣ, послѣ принесенія поздравленія, всѣ присутствующіе были угощаемы завтракомъ, при чемъ были провозглашены тосты за здравіе Государя Императора и всего Царственнаго Дома, главнаго начальника края Михаила Николаевича Муравьева, и гости предложили тостъ за здоровье хозяина Н. А. Ведемеера.

Въ 7 часовъ по полудни г. начальникъ дивизіи, высшіе военные и гражданскіе чиновники, приглашены были здѣшнимъ еврейскимъ обществомъ въ синагогу для присутствованія при молебствіи. По прибытіи начальника дивизіи, въ роскошно иллюминованной величественной синагогѣ, при собраніи до 3 т. еврейскаго общества, молебствіе исполнилось при хорѣ еврейскихъ пѣвчихъ избранными молитвами изъ ветхозавѣтныхъ книгъ св. писанія о здравіи и долгоденствіи обожаемаго Царя и Его Царственнаго дома, а потомъ особо совершена была молитва за главнаго начальника края Михаила Николаевича Муравьева, умиротворителя края и сокрушителя крамолы. Молебствіе заключено тостами за здравіе и долгоденствіе Августѣйшаго виновника торжества и М. Н. Муравьева. Распорядителями этого торжества въ синагогѣ были купцы Исерлинъ и Симховичъ.

Въ заключеніе празднества данъ былъ балъ въ помѣщеніи здѣшняго клуба. Балъ открытъ генераломъ Ведемееромъ, послѣ исполненія музыкою народнаго гимна „Боже Царя храни!" Общество было весьма оживленное, дамъ было довольно много и танцы продолжались далеко за полночь. Балъ заключенъ тостомъ за здравіе Августѣйшаго виновника торжества. Въ дополненіе

всего нами сказаннаго должно упомянуть, что низшее населеніе г. Слуцка до полуночи имѣло пріятное развлеченіе, осматривая иллюминацію, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прилично устроенную, по мѣрѣ средствъ, которыя отыскать можно было для этого въ нашемъ уѣздномъ городкѣ.

Вообще Слуцкъ не видѣлъ до этого времени такихъ праздниковъ, и впечатлѣніе этого радостнаго дня надолго сохранится въ памяти нашихъ благодарныхъ случанъ.

Объявленіе въ г. Варшавѣ Высочайшаго манифеста объ освобожденіи польскихъ крестьянъ.

Въ Русс. Инв. пишутъ изъ Варшавы: Сегодня мы были свидѣтелями объявленія крестьянамъ Царства Польскаго великой милости нашего Монарха.

Съ ранняго утра въ городѣ было замѣтно особенное, небывалое движеніе. Не смотря на сырой, пасмурный день, огромныя толпы народа рѣкой лились по всѣмъ улицамъ Варшавы, направляясь къ тѣмъ площадямъ, гдѣ должна была быть возвѣщена имъ Царская милость. Я былъ свидѣтелемъ этого торжественнаго событія на Александровской площади, а потому разскажу вамъ, что мнѣ удалось видѣть. Площадь была усѣяна народомъ, на паперти храма тѣснилась огромная толпа. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ разговоровъ, всякій спрашивалъ другъ у друга, что за содержаніе прокламаціи намѣстника, которая имъ будетъ читаться. Многіе нетерпѣливо посматривали къ Новому-Святу, по которому долженъ былъ прибыть поѣздъ. Въ началѣ одиннадцатаго раздались крики: ѣдутъ, ѣдутъ; каждый поспѣшилъ занять повыгоднѣе мѣстечко. Наконецъ, показалось торжественное шествіе; впереди ѣхалъ верхомъ плацъ-адъютантъ, за нимъ полиціймейстеръ 4 отдѣленія, гвардіи ротмистръ Коссинскій, и хоръ трубачей лейбъ-гвардіи Гродненскаго полка, далѣе варшавскій оберъ-полиціймейстеръ баронъ Фредериксъ и флигель-адъютантъ, полковникъ Анненковъ. Два герольда, въ золотыхъ мантіяхъ, съ вышитымъ на груди государственнымъ гербомъ, въ бархатныхъ шапочкахъ съ перомъ, составляли предметъ всеобщаго любопытства, каждый хотѣлъ поскорѣе

знать содержаніе прокламаціи, виднѣвшейся у нихъ въ рукахъ,—за ними слѣдовалъ привезшій Царскую милость, генералъ-адъютантъ графъ Барановъ со свитой, и наконецъ шествіе замыкалъ эскадронъ гусаръ л.-гв. Гродненскаго полка, въ своихъ красивыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Проѣхавши костелъ, поѣздъ остановился, трубачи подали сигналъ, воцарилась совершенная тишина; одинъ изъ герольдовъ началъ чтеніе прокламаціи. Послѣднія слова грамоты были привѣтствованы крикомъ ура! Тѣмъ же порядкомъ, шествіе послѣдовало на слѣдующую площадь. Прокламація была объявлена на пяти площадяхъ: св. Александра, Гржибовой, Желѣзной Брамѣ, Старомъ Мѣстѣ и короля Сигизмунда. Вездѣ Царскаго посланца ждала толпа, вездѣ съ нетерпѣніемъ хотѣли слышать милостивое слово. Огромныя массы народа сопровождали поѣздъ по улицамъ. Оберъ-полиціймейстеръ и плацъ-адъютантъ, во время слѣдованія, бросали въ народъ десятки экземпляровъ прокламаціи, которые ловились на расхватъ. Офицерамъ полиціи было поручено на площадяхъ раздавать народу прокламацію. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ таковой раздачи на Александровской площади. Тысячная толпа гудѣла, каждый толкался, чтобы схватить хоть одинъ листокъ прокламаціи. Поліціанты не могли сохранить порядка, все рвалось впередъ; многіе экземпляры вырывались другъ отъ друга; офицеръ не успѣвалъ одѣлять окружавшихъ его. Раздавъ вмигъ двѣсти экземпляровъ, не смотря на всѣ увѣренія, что у него болѣе ихъ нѣтъ, толпа не переставала упрашивать, дать ей хоть еще одинъ листокъ. Измученный офицеръ ушелъ къ себѣ и еще долго стояла передъ его окнами ожидавшая прокламаціи огромная толпа.

Мнѣ говорили, что крестьяне по деревнямъ, при одномъ словесномъ заявленіи имъ, что правительство наше хочетъ имъ дать волю, цѣловали руки и платья радостныхъ вѣстниковъ; воображаемъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтятъ они залоги царской милости! Завтрашній день изъ Варшавы ѣдутъ во всѣ концы царства—радостные гонцы.

Корреспонденція изъ Варшавы по поводу обнародованія Высочайшаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Крестьянскій вопросъ поглощаетъ теперь общее вниманіе и составляетъ главный интересъ дня. Со всѣхъ сторонъ возвращаются курьеры, развозившіе указы, и говорятъ, что вездѣ они произвели сильное впечатлѣніе на крестьянъ. Хотя, вслѣдствіе закона о всеобщемъ очиншеваніи, изданномъ въ 1862 году, барщина уже съ того времени прекратилась во многихъ мѣстахъ Царства, но, во всякомъ случаѣ, общее теперь отъ нее освобожденіе весьма нравится крестьянамъ, работавшимъ до сихъ поръ на пановъ безъ устали и отговорокъ. Въ епархіяльныхъ городахъ духовенство католическое приняло дѣятельное участіе въ народномъ торжествѣ. Въ Плоцкѣ, Радомѣ, Люблинѣ и Влоцлавкѣ, епископы со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ служили въ каѳедральныхъ соборахъ молебны. Въ Влоцлавѣ, сверхъ того, хоръ женщинъ и дѣтѣй пропѣлъ по русски: „Боже Царя храни" Со времени доставленія въ Варшаву указовъ о крестьянскомъ дѣлѣ едва прошла недѣля, но они уже объявлены въ большей части гминъ. 29-го февраля было имъ объявленіе въ гминѣ Ваврѣ, около Варшавы, на томъ берегу Вислы, на мѣстѣ бывшаго гроховскаго сраженія 18-го (25-го) февраля 1831 года. Объявленіе это сопровождалось, если возможно, большею торжественностью и задушевностью, нежели въ Вилляновѣ. Крестьянъ собралось больше, и восторгъ ихъ былъ шумнѣе. По окончаніи торжества, окрестные арендаторы, управители и другія лица просили присутствующихъ на завтракъ, и здѣсь, между прочимъ, было предложено выпить за здоровье Государя Императора, по старинному польскому обычаю, всѣмъ изъ одного стакана, становясь на колѣни. По большому числу гостей исполненіе это требовало бы слишкомъ много времени. Послѣ завтрака, начальникъ варшавскаго военнаго отдѣла, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ, объѣхалъ и показалъ многимъ военнымъ, бывшимъ съ нимъ, гроховское поле; баронъ Корфъ былъ не только участникомъ этого сраженія, но, какъ жившій прежде въ Варшавѣ и часто охотившійся на этихъ мѣстахъ, онъ служилъ проводникомъ колоннамъ; вслѣдствіе этого обстоятельства, разсказъ

его былъ очень поучителенъ. Въ почетномъ его конвоѣ были лейбъ-уланы, отличившіеся въ этомъ сраженіи.

Вообще изъ провинціи доносятъ и пишутъ, что повсюду крестьяне съ восторгомъ встрѣчаютъ Царскую милость. Забыто недавнее горе, причиненное повстанцами; забыты на время даже кровавыя жертвы, вырванныя изъ среды ихъ дикимъ варварствомъ жандармовъ-вѣшателей. Радуется и веселится добрый польскій мужикъ своему счастію и шлетъ искреннія молитвы за своего Царя-Освободителя. Кончилась ненавистная панщина, кончилось беззаконное самоуправство пановъ, гминныхъ войтовъ!

Въ послѣднее время, особенно же съ учрежденіемъ военно-уѣздныхъ начальниковъ, вполнѣ высказалось, до какой степени велико было недовѣріе крестьянъ къ войтамъ; повсюду крестьяне съ разными недоразумѣніями и жалобами постоянно являлись къ военнымъ властямъ, и приговоръ офицера былъ для нихъ закономъ, между тѣмъ какъ самое правдивое распоряженіе сельскаго начальства возбуждало сомнѣніе. Можно почти навѣрно сказать, что если бы объявленіе настоящаго манифеста поручено было гражданскимъ властямъ: крестьяне встрѣтили бы его далеко не съ такимъ энтузіазмомъ. Наученные опытомъ, они чрезвычайно осторожны; въ одномъ селѣ, послѣ прочтенія Высочайшаго указа, одинъ изъ толпы замѣтилъ; „хорошо будетъ, если все такъ сдѣлаютъ, какъ написано въ бумагѣ.“ Вспомнимъ только, какъ перетолкованъ былъ 1846 года, указъ опредѣляющій нѣкоторыя льготы, дарованныя крестьянамъ Царства Польскаго, и намъ вполнѣ станетъ понятнымъ смыслъ вышеприведеннаго замѣчанія.

Корреспонденція изъ Кракова.

Въ Dzien. Powsz. напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Кракова, отъ 17 (29-го) февраля:

Въ моей корреспонденціи произошла нѣкоторая пауза, не потому, чтобъ патріотическая полемика нашихъ журналовъ сдѣлалась болѣе благоразумною; напротивъ, она сдѣлалась теперь еще болѣе яростною и, слѣдовательно, еще болѣе расходится съ здравымъ разсудкомъ и истиною. Но я молчалъ потому, что хотѣлъ

лучше изслѣдовать справедливость слуховъ, доходящихъ съ нѣкотораго времени со всѣхъ сторонъ, будто бы вскорѣ вспыхнетъ возстаніе въ Галиціи. Хотя казалось невѣроятнымъ, чтобы партія революціонная задумала подобное опасное предпріятіе, но слухи были до того настойчивы, что я призналъ за нужное ближе изслѣдовать положеніе дѣлъ, прежде нежели касаться подробно этого предмета. Изъ всего, что я самъ замѣтилъ и слышалъ, можно, какъ мнѣ кажется, вывести заключеніе, что ничего существеннаго не угрожаетъ спокойствію нашей провинціи. Открытое поднятіе знамени бунта противъ Австріи уподоблялось бы убійству курицы несущей яйца, и какова бы ни была самонадѣянность нашихъ поджигателей, она можетъ быть еще не дошла до такой степени заблужденія. Къ тому же въ Галиціи, менѣе нежели во всякой другой польской провинціи, можно расчитывать на успѣхъ подобнаго предпріятія. Чтобы произвести возстаніе, нужно имѣть за собою армію; а если я замѣчаю подстрекателей, довудцовъ, штабы, то не вижу солдатъ. Крестьяне слишкомъ нерасположены къ помѣщикамъ, своимъ прежнимъ господамъ; интересы ихъ слишкомъ противорѣчатъ интересамъ послѣднихъ, чтобы теперь было возможно сближеніе этихъ двухъ классовъ сельскаго населенія. Крикуны, для своего оправданія, говорятъ, правда, что движеніе въ Галиціи совпало бы съ подобнымъ же движеніемъ въ Венгріи, Венеціи и церковныхъ владѣніяхъ, но сомнѣваюсь, чтобы эти надежды имѣли какую-нибудь дѣйствительную опору. Это не помѣшаетъ австрійскому правительству быть на-сторожѣ, что доказываетъ объявленіе осаднаго положенія, приклеенное на всѣхъ углахъ улицъ. Говорятъ, что эта мѣра принята по соглашенію съ Пруссіею и что осадное положеніе будетъ объявлено и въ великомъ герцогствѣ познанскомъ. До наступленія весны хотятъ покончить съ этимъ польскимъ дѣломъ, болѣе утомляющимъ, нежели опаснымъ, и которому позволили, быть можетъ, тянуться такъ долго, чтобы лучше убѣдить поляковъ въ ихъ безсиліи. Потому-то я и не вѣрю въ возстаніе Галиціи, и осадное положеніе направлено отнюдь не противъ этой случайности, но противъ удвоенныхъ усилій революціонной партіи примѣнить къ Галиціи организацію, устроенную въ Царствѣ Польскомъ и исполняющую тамъ

уже съ большимъ трудомъ свою функцію, съ тѣхъ поръ, какъ у васъ дѣйствуетъ полиція, знающая свое дѣло. Все убѣждаетъ, что и у насъ уже есть свое тайное правительство. Сборъ податей совершается путемъ угрозъ и насилій, политическое убійство составляетъ обыденное явленіе, а трупы умерщвленныхъ обывателей свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ революціонной организаціи въ нашей провинціи.

Происки подобнаго рода трудно было бы объяснить или оправдывать какими-либо политическими или нравственными побужденіями въ странѣ, имѣющей либеральныя и національныя учрежденія, если бы мы не знали давно, что цѣли польскихъ революціонеровъ, подкрѣпленныхъ общею революціею, находятся въ противорѣчіи съ благомъ массъ и стремятся единственно къ возстановленію въ Польшѣ порядка вещей, который возвратилъ бы прежнимъ классамъ значеніе, утраченное стеченіемъ обстоятельствъ и по собственной ихъ винѣ. Прежняя польская отчизна, отчизна феодальная, болѣе не существуетъ. На ея мѣстѣ воздвигается другая отчизна умственныхъ способностей и труда; судьбѣ угодно было, чтобы эта новая отчизна была обязана Россіи своимъ существованіемъ. Сторонники прошедшаго напрасно стараются отдѣлиться отъ этого факта: рано или поздно они должны будутъ склонить голову и, въ виду дѣйствительности, признать себя побѣжденными. Это именно говорилъ намъ одинъ изъ нашихъ крестьянъ, подъ вліяніемъ своего здраваго, простаго разсудка. „Намъ говорятъ объ отечествѣ (это его собственныя слова), повторяютъ постоянно, что оно въ неволѣ, въ уничиженіи, что мы должны возстать для его освобожденія. Изъ всего этого мы понимаемъ очень мало. Мы привязаны къ нашей деревнѣ, къ нашимъ женамъ, дѣтямъ, полямъ, которыя обработываемъ и которыя принадлежатъ теперь намъ. Теперь, когда мы имѣемъ кое-что,—мы защищались бы, если бы у насъ хотѣли это отнять. Если это называютъ отчизною, то сознаемся, что у насъ такая отчизна есть уже нѣсколько лѣтъ, и горе, еслибъ ее кто-нибудь тронулъ. До сихъ поръ мы жили въ угнетеніи, мы должны были кланяться жаднымъ и гордымъ панамъ. Мы жили въ голодѣ, холодѣ и нуждѣ, никогда мы не встрѣчали дружественной улыбки. Мы почти проклинали

день, въ который у насъ рождался ребенокъ... Могли ли мы тогда сказать, что у насъ есть отечество"?

Такія мысли господствуютъ теперь въ деревняхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мысли эти лежатъ въ основаніи политическихъ понятій и вашихъ крестьянъ. Тотъ, кто дастъ ему землю, будетъ для него божествомъ, и онъ пойдетъ за нимъ, хоть бы на конецъ свѣта. Ваше такъ называемое національное правительство хорошо это поняло, и потому такъ патетически, при звукѣ трубъ, разгласило по деревнямъ извѣстіе объ упраздненіи навсегда чиншей, барщины, всякаго рода данины въ натурѣ. Оно признало крестьянина владѣльцемъ земли, воздѣлываемой для прокормленія семьи. Но крестьяне не позволили себя одурачить. Они не увлекаются обольщеніями и химерами. Ихъ не нужно предостерегать, чтобы они опасались мечтаній. У нихъ память хороша и они припоминаютъ себѣ, что всякій разъ, когда шляхта съ оружіемъ въ рукахъ возставала противъ Россіи, она выходила изъ борьбы побѣжденною. Они потому не повѣрили обѣщаніямъ національнаго правительства и были правы. Они въ особенности не вѣрили, чтобы это правительство имѣло когда-либо въ своихъ рукахъ средства къ исполненію этихъ обѣщаній, и они благоразумно держали сторону законнаго правительства, которое одно, какъ они знали, имѣло силу и которое одно оказывало имъ помощь и покровительство въ дѣлѣ улучшенія ихъ быта.

Не видно даже, чтобы они вѣрили въ благонамѣренность подземнаго правительства, какъ скоро они замѣтили, что это правительство имѣло своими представителями и агентами ту самую шляхту, которая умѣла въ 1846 году склонить на свою сторону администрацію, которая, невѣрно исполняя Монаршую мысль, пріостановила до поры до времени послѣдствія закона, освобождавшаго крестьянскія земли отъ произвола помѣщиковъ. Крестьяне хорошо помнятъ, что дворянство воспользовалось этою проволочкою для переворота во всей системѣ сельскаго хозяйства и въ свою пользу измѣнило распредѣленіе полей между собою и сельскимъ населеніемъ. При этомъ новомъ раздѣлѣ, самыя дурныя земли были отданы крестьянамъ. Многіе землевладѣльцы отпустили домовитыхъ хозяевъ и стали употреблять для воздѣлыванія земли

исключительно батраковъ. Вотъ зловѣщія воспоминанія, сохранившіяся въ деревняхъ и создавшія между помѣщиками и крестьянами пропасть, которую ничѣмъ нельзя изгладить. Вотъ почему нельзя не соболѣзновать о простодушномъ ослѣпленіи людей, присвоивающихъ себѣ право предводительства надъ народомъ и воображающихъ, что для уничтоженія вѣковой ненависти достаточно напыщенной фразы. Роль, исполненная во Франціи революціею въ 1789 году, съ цѣлію освобожденія рабочихъ классовъ, въ Польщѣ естественно сдѣлалась удѣломъ Россіи; но здѣсь роль эта вовсе не революціонная, какъ за Рейномъ. Она имѣетъ, скорѣе, характеръ возмездія за обиды. Россія является въ Польщѣ освободительницею, и потому-то крестьяне, за весьма небольшими исключеніями, остались глухи къ воззваніямъ „національнаго правительства". Польщѣ до сихъ поръ не доставало ни чего иного, какъ духа свободы, справедливости, уваженія правъ всякой личности. Новый экономическій путь, на который вступаетъ правительство, долженъ пополнить этотъ пробѣлъ. Творцамъ безпорядковъ въ Польшѣ не доставало поддержки со стороны невольниковъ-крестьянъ, не смотря на постановленій о раздѣлѣ полей, изданныхъ ими для вовлеченія этихъ крестьянъ въ дѣло революціи. А этой поддержки имъ никогда не достигнуть, ибо крестьянинъ хорошо знаетъ, что въ шляхетскихъ имѣніяхъ положеніе его самое печальное. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, платитъ онъ владѣльцу по 1 руб. 60 коп. съ морга, между тѣмъ какъ въ казенныхъ имѣніяхъ онъ платитъ только по 49½ коп. съ морга, въ имѣніяхъ пожалованныхъ (маіоратскихъ) по 34½ коп., а въ имѣніяхъ институтскихъ по 51 коп. Чего же можетъ надѣяться революція отъ польскаго крестьянина при подобномъ экономическомъ положеніи? Рѣшительно ничего, говорю я. Массы трогаются только изъ-за ясно ими понятныхъ интересовъ. Вопросъ о содѣланіи крестьянина собственникомъ былъ возбужденъ „національнымъ правительствомъ", массы поняли его, но онѣ въ то же время поняли, что не этому „правительству" суждено разрѣшить вопросъ,—и это не малая честь для законнаго правительства, того самаго правительства, которое Chwila, Wiek и т. д. не перестаютъ изображать варварскимъ, дикимъ, ужаснымъ правительствомъ,

за то, что оно смѣло умѣрить нетерпѣніе ожиданій, поддерживаемыхъ людьми неблагоразумными и преступными.

Если бы я не говорилъ сто разъ, то и сегодня повторилъ бы, что ярость и безуміе нашихъ журналовъ достигли крайнихъ предѣловъ. Предѣлы эти безпрерывно расширяются и можно утомиться, слѣдуя за фантазіею нашихъ журналовъ въ эти пучины, гдѣ они отыскиваютъ чудовищъ и выводятъ ихъ наружу, на страхъ и изумленіе глупцамъ. Я не буду надоѣдать вамъ сегодня этими жалкими импровизаціями. Знайте только, что козакъ Рябкинъ, приговоренный къ смерти за бѣгство и убійство,—благородный сынъ Украины, вспомнившій о счастіи, какимъ пользовалось его отечество подъ владычествомъ польской Рѣчи Посполитой, и который, для возобновленія этихъ счастливыхъ временъ, вступилъ въ ряды инсургентовъ. Для его обезчещенія, ему, изволите видѣть, приписали чужія преступленія, и вслѣдствіе такой постыдной интриги онъ пострадалъ за свои возвышенныя стремленія. Если вы спросите меня, откуда я взялъ такія вѣрныя свѣдѣнія, я отошлю васъ къ Wiek'у, сдѣлавшему это прекрасное открытіе.

Честь изобрѣтенія принадлежитъ однакожъ корреспонденту Chwili и который, въ числѣ прочихъ нелѣпостей, вошедшихъ въ его корреспонденцію въ нумерѣ отъ 23-го февраля, превращаетъ нашего гражданскаго губернатора Рожнова въ полицейскаго офицера, заставляетъ его производить обыски, во время которыхъ онъ, будто-бы, угрожаетъ 8-ми-лѣтнимъ дѣвочкамъ, что прикажетъ раздѣть ихъ до-гола, если онѣ не отдадутъ ему спрятанныхъ отцовскихъ бумагъ. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, имѣть больной мозгъ и совершенно извращенное воображеніе, чтобы сочинить подобную глупость, единственно для того, чтобы оскорбить храбраго и почтеннаго генерала, который, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, напротивъ того, постоянно старался на трудномъ, недавно оставленномъ имъ посту согласить требованія справедливости съ гуманными побужденіями относительно семействъ несчастныхъ лицъ, хотя, правда, несчастныхъ, по собственной винѣ.

ДЕКЛАРАЦІЯ ПОЛЬСКИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ. Чиновничество польское особенно много содѣйствовало мятежу, соперничая въ своемъ

сочувствіи къ жонду съ католическимъ духовенствомъ, ремесленниками и шляхтою. На всѣ эти послѣднія сословія наложена контрибуція, уже оказавшая самое благодѣтельное вліяніе на поведеніе членовъ этихъ сословій. Чиновничество же, которое, по ограниченности получаемаго имъ содержанія, невозможно было наказать контрибуціею, оставалось до сихъ поръ не только безъ наказанія, но даже и безъ заявленія о его солидарности съ революціею, и это подавало поводъ къ справедливому нареканію многихъ, говорившихъ, что чиновники, столь виновные противъ правительства, не получали даже съ его стороны никакого предостереженія—словомъ, какъ будто бы правительство не находитъ ничего предосудительнаго въ ихъ поведеніи. Подобное положеніе дѣлъ осмѣляло преступныхъ между чиновниками, давало имъ возможность колебать и увлекать за собою слабыхъ. Въ видахъ уничтоженія этого, графъ Бергъ приказалъ напечатать особую декларацію и предложить ее къ подписанію всѣмъ чиновникамъ. Декларація эта слѣдующаго содержанія:

„Одною изъ самыхъ прискорбныхъ причинъ, наиболѣе способствовавшихъ несчастіямъ нашего отечества въ послѣднее время, было преступное поведеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ чиновниковъ. Не смотря на святость присяги на вѣрность Монарху, они помогали преступному заговору или своимъ бездѣйствіемъ, или прямымъ, или косвеннымъ содѣйствіемъ и усиляли мятежниковъ, прибывшихъ по большей части изъ-за-границы.

„Мы, нижеподписавшіеся, объявляемъ и признаемъ всю виновность подобнаго поведенія и, вѣрные нашей присягѣ, обязываемся содѣйствовать всѣми нашими средствами къ уничтоженію преступныхъ замысловъ, какого бы рода они ни были. Въ силу чего подписываемъ эту декларацію".

Напечатанная въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ, декларація была разослана по всему Царству и прежде всего подписана членами государственнаго и административнаго совѣта. (Бирж. Вѣд. № 65).

ТАКТИКА НЕВѢРІЯ.

Теперь не говорятъ, что не нужна ужъ вѣра,
И явныхъ богохульствъ давно ужъ не слыхать:
Особая теперь придумана манера,

Пріемы новые святыню подрывать.

Плоды духовнаго, святаго просвѣщенья—
Молитва, постъ, чудесъ и прорицанья даръ,
Все это, пишутъ—«*плодъ такого настроенья,*»
Которое было у насъ *когда-то встарь*,
Все это—«*аскетизмъ*,» что къ намъ изъ Византіи
Монахи занесли, увѣривши всѣхъ,
Что игры, пиршества и сладости мірскія
Суть суета суетъ и передъ Богомъ грѣхъ,
А какъ и слабости, и злоупотребленья
Всегда, вездѣ, во всемъ, къ несчастію, были
Отъ первой, горестной поры грѣхопаденья,
Такъ вотъ враги Креста—соблазны всей земли,
Какіе лишь когда были въ духовномъ чинѣ,
Злорадостно взялись въ архивахъ собирать,
Чтобъ *исключеніе* какъ *норму* выставлять,
И на духовный чинъ, по хитрой сей причинѣ,
Какъ на противность всѣмъ порядкамъ, клеветать,
Невинность отъ вины отнюдь не различая....

Манера хитрая и тактика такая
Необычныхъ легко могла бы съ толку сбить;
Но самый гордый умъ не могъ еще забыть,
Что въ книгѣ Божіихъ чудесъ міросозданья
И первой строчки мы доселѣ не прочли,
Не знаемъ таинствъ мы, ни неба, ни земли,
И таинство души для насъ непостижимо,
А связь духовныхъ силъ съ природой нами зримой
И недоступна намъ, и непонятна намъ....
Мы отрицаемъ то, чего не понимаемъ
Такъ точно, если бы какимъ-нибудь слѣпцамъ
Весь міръ казался сей совсѣмъ необитаемъ:
«Все вздоръ, кричатъ слѣпцы, луны и солнца нѣтъ!
«Все это—выдумка и лишь монаховъ бредъ!...»

На слѣпоту себя мы сами обрекаемъ;
А тѣ, кого зовемъ отребіемъ земли,
Кого мы именемъ «*аскетовъ*» затоптали,
Тѣ—книгу Божію давно уже прочли,
И мудрость высшую давно уже стяжали.

ПОЛЬСКІЯ МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. [1])

Если бываютъ эпохи и обстоятельства, въ которыхъ народамъ, какъ евреямъ въ пустынѣ, какъ бы предходитъ сіяющее облако, ведущее ихъ къ цѣли, указанной Провидѣніемъ, то бываютъ, къ сожалѣнію, и такія эпохи, когда они, кажется, упорствуютъ въ заблужденіи, добровольно погружаются во мракъ и истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ, вращаясь въ безвыходномъ кругу ложныхъ идей.

Настоящая эпоха представляетъ намъ одинъ изъ такихъ печальныхъ примѣровъ. Не смотря на множество указаній опыта, не смотря на удобства, представляемыя успѣхами цивилизаціи къ распространенію истины, будущимъ поколѣніямъ трудно будетъ объяснить себѣ пагубное и упорное ослѣпленіе большей части европейскаго общества, которое отказывается понять одинъ изъ самыхъ кипучихъ и опасныхъ современныхъ вопросовъ, и слѣпо, съ величайшимъ легковѣріемъ поддается явному обману со стороны небольшой горсти своекорыстныхъ возмутителей, которые почти уже полвѣка выдаютъ мечты за истину, утопіи за дѣйствительность, и подстрекаютъ любящихъ свободу людей въ пользу дѣла, совершенно противоположнаго ихъ убѣжденіямъ, вѣрованіямъ и интересамъ.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, то, что грядущія поколѣнія будутъ въ правѣ сказать по этому поводу и что уже теперь думаютъ тѣ, которые смотрятъ на дѣло съ безпристрастной исторической точки зрѣнія. Въ срединѣ Европы есть народъ, который успѣлъ—не получивъ на то права ни по своему происхожденію, ни по географическому положенію—создать себѣ независимую національность, которую по справедливости можно было бы назвать искусственною; но судьба котораго отличалась нѣкоторымъ блескомъ и исключительнымъ характеромъ. Вѣчно подвижный, волнующійся, этотъ народъ никогда не хотѣлъ принять опредѣленнаго положенія. Истощая свои силы въ завоеваніяхъ и войнахъ, онъ не съумѣлъ ничего пріобрѣсть, ничего сохранить. Эти стремленія національнаго генія, особенно благопріятствующія развитію олигархическихъ началъ, должны были привести и

---

[1]) Fictions et Réalités polonaises. Подъ этимъ заглавіемъ только что появилась брошюра, долженствующая пролить яркій свѣтъ на то, что обыкновенно называется польскимъ вопросомъ.

дѣйствительно привели къ порабощенію народныхъ массъ преобладающею аристократіею, которая не была обуздана, какъ въ другихъ странахъ, могущественнымъ и постояннымъ вліяніемъ наслѣдственной монархіи. Монарха, то есть государя, обладающаго всѣми силами, необходимыми для пользованія верховною властію, этотъ народъ никогда не хотѣлъ имѣть и противился генію всѣхъ государей, которые, опираясь на народъ, старались оградить себя противъ властолюбія аристократіи. Вслѣдствіе этого, необузданный феодализмъ пустилъ въ этой странѣ столь глубокіе корни, что поколебать ихъ не могли ни время, ни успѣхи, совершившіеся повсемѣстно въ политическомъ устройствѣ и идеяхъ, и эта феодальная анархія обладала и обладаетъ тамъ такою неограниченною властью, что служитъ главною причиною волненій, поддерживаемыхъ меньшинствомъ, рѣшившимся во что бы то ни стало удержать за собою права и исключительныя привилегіи, совершенно не соотвѣтствующія ни духу времени, ни общественному устройству всѣхъ другихъ странъ Европы. Отъ этого произошло также, что страна, поставленная въ такое положеніе, сдѣлалась гнѣздомъ безконечныхъ безпорядковъ, постоянною причиною политическихъ потрясеній, и что, въ силу верховнаго права самосохраненія и личной защиты, сопредѣльныя государства, повинуясь закону необходимости и общественной безопасности, были вынуждены лишить независимости эту націю, которая, совершивъ надъ собой самое очевидное самоубійство, считаетъ себя теперь въ правѣ кричать, что ее убиваютъ. Съ тѣхъ поръ это преобладающее меньшинство требуетъ назадъ то, чего оно лишилось, требуетъ съ настойчивостью и силой, которыя могли бы дѣйствительно привести къ невѣроятнымъ послѣдствіямъ, если бы, вмѣсто того, чтобы стремиться къ невозможному, т. е. къ возстановленію анархіи и воскресенію феодализма, оно имѣло цѣлію національное возрожденіе путемъ прогресса. Упустивъ всѣ удобные для того случаи, представлявшіеся въ 1815 въ 1831 г., и даже въ самое послѣднее время, эти поклонники мечты и прошлаго, которые для достиженія своей цѣли считаютъ позволительнымъ пользоваться всѣми средствами: и вооруженнымъ бунтомъ, и кажущеюся, притворною покорностью, и отравленнымъ кинжаломъ, и крестомъ, и евангеліемъ, успѣли склонить къ себѣ общественное мнѣніе и такъ ослѣпить его насчетъ своего значенія, цѣлей и побужденій,

что истинѣ теперь трудно раскрыться и что, когда она вступаетъ въ борьбу съ заблужденіемъ, то большая часть образованнаго міра принимаетъ его сторону, упорствуя въ своемъ невѣдѣніи, не признавая и заранѣе осуждая истину.

Нужно сказать, что міру простительно заблужденіе, не только потому, что ошибки свойственны людямъ—а это признано давно—но также и потому, что нынѣшніе проповѣдники въ совершенствѣ владѣютъ искусствомъ пропаганды; они съ удивительной ловкостью пользуются политическими страстями и, обращаясь по очередно къ самымъ разнообразнымъ партіямъ, умѣютъ затрогивать самыя чувствительныя ихъ струны и увлекать ихъ до забвенія ихъ собственныхъ вѣрованій и до пожертвованія ихъ выгодами.

„Народъ порабощенный, народъ угнетенный, мы — говорятъ „они—печальное олицетвореніе принципа національностей. Всѣ, ищу„щіе независимости, должны принять участіе въ нашемъ дѣлѣ, кото„рое есть также и ихъ дѣло".

Между тѣмъ, они нисколько не стѣсняются ставить себя въ явное противоположеніе съ этимъ самымъ принципомъ, требуя возвращенія прежнихъ завоеваній, которыхъ они не умѣли ни сохранить, ни усвоить себѣ, требуя, чтобы многочисленные народы, три четверти которыхъ чужды имъ, снова были подвергнуты игу, свергнутому цѣною кровавыхъ жертвъ и жестокихъ испытаній.

„Свобода гражданская, свобода политическая, равенство пе„редъ закономъ—вотъ, повторяютъ они безпрестанно, лозунгъ на„шихъ фалангъ, девизъ нашихъ знаменъ, великія идеи, за которыя „мы сражаемся."

Огромныя привилегіи всякаго рода, власть неограниченная и исключительная, поглощеніе богатствъ, нравственное и вещественное преобладаніе—все это въ пользу государственной группы, состоящей изъ 200,000 человѣкъ, а въ ущербъ народной массы 4,000,000 людей, произвольно обложенныхъ оброкомъ и работой: вотъ въ сущности то, что они подразумѣваютъ подъ свободой гражданской и политической и подъ общественными улучшеніями.

„Возстановленіе нашей національности—говорятъ они однимъ—„составляетъ лучшее, вѣрнѣйшее огражденіе всеобщаго равновѣсія и „мира. Если Европа хочетъ избѣжать двоякой опасности, которая

„ей была указана съ острова св. Елены, ежели она не хочетъ сдѣ„латься ни „окозаченной, ни республиканской," если она чувствуетъ, „нужду въ сильномъ оплотѣ противъ наплыва „московскаго варварства" „то пусть она протянетъ намъ руки помощи, пусть она подниметъ „насъ, дастъ намъ оружіе, пусть поддержитъ насъ!

Но, приступая къ этому дѣлу равновѣсія и европейскаго мира, они прежде всего требуютъ раздробленія трехъ великихъ континентальныхъ державъ, посѣвая раздоръ, возбуждая алчность, указывая однимъ на Финляндію, другимъ на Венецію, Венгрію, Востокъ, Рейнъ, Мальту и Гибралтаръ; воздвигая ту революцію, которая такъ справедливо была названа „всесвѣтною", и стараясь всѣми силами воспрепятствовать успѣхамъ цивилизаціи и развитію гражданской и политической свободы въ Россіи.

„Ваша народная честь, ваши преданія, ваши династическія выгоды, ваше прошедшее, ваше настоящее, ваше будущее связаны съ „этимъ вопросомъ"—утверждаютъ они передъ тѣми, чье политическое спокойствіе они не разъ нарушали и даже подвергали опасности, возбуждая противъ насъ всеобщее подозрѣніе и лишая ихъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ союзниковъ; передъ тѣми, кто еще такъ недавно успѣлъ убѣдиться въ гибельномъ и тлетворномъ вліяніи политическихъ заговоровъ, равно какъ и въ однообразіи преступныхъ средствъ, употребляемыхъ анархистами всѣхъ странъ.

„Мы апостольско римскіе католики"—исповѣдаются они передъ кѣмъ слѣдуетъ—„и всѣ наши усилія и замыслы устремлены, ad majorem Dei gloriam". Но это не мѣшаетъ имъ дѣлать все, что можетъ повредить, если не славѣ Божіей, которая превыше человѣческой непослѣдовательности, по крайней мѣрѣ славѣ одной изъ церквей, представители которой допускаютъ увлекать себя къ поступкамъ, несовмѣстнымъ съ ихъ назначеніемъ, и какъ бы оправдываютъ противниковъ религіи, позволяя имъ похваляться столь преступными злоупотребленіями, совершаемыми ея именемъ.

„Вѣротерпимость, свобода богослуженія и вѣрованія, вотъ къ чему мы стремимся" — провозглашаютъ они въ другихъ мѣстахъ, съ фанатизмомъ, напоминающимъ самыя ужасныя лѣтописи среднихъ вѣковъ; и поощряя истинно-мірскія побужденія слишкомъ погруженнаго въ политическія распри духовенства, начальствомъ надъ шайками ми-

сургентовъ, вѣшаніемъ непокорныхъ прихожанъ и собираніемъ феодальныхъ десятинъ, пользованіе которыми оно сохранило до сихъ поръ, и потому не обращаетъ должнаго вниманія на свои духовныя обязанности.

Оглушенное этими неумолкаемыми возгласами, взволнованное этими страшными воззваніями къ чувствамъ великодушія, къ которымъ сердце человѣческое болѣе способно, чѣмъ кажется, но которыя должны провѣряться разсудкомъ, общественное мнѣніе на западѣ, желая защищать дѣло повидимому правой слабой стороны, вызвалось въ пользу тѣхъ, кто ничего не упустилъ лишь бы снискать его одобреніе.

Либералы и реакціонеры, прогрессисты и консерваторы, ультрамонтаны и вольнодумцы, республиканцы и парламентаристы, всѣ партіи, всѣ лагери, всѣ знамена соединились на той почвѣ, куда ихъ завлекли, заставивъ повѣрить ихъ мнимой солидарности, не смотря на ихъ очевидное несогласіе.

Послѣ того какъ происки и политическое удальство вмѣшались въ это дѣло, надѣясь извлечь выгоды съ волненій Европы, буря усилилась до того, что стала угрожать величайшими бѣдствіями; но къ счастію, благость Провидѣнія гораздо болѣе, чѣмъ искуство и умѣренность людей, позволила наступить времени отдыха и относительнаго спокойствія, которые даютъ правосудію и правдѣ надежду на торжество.

Какъ бы ни казался этотъ судъ строгимъ и пристрастнымъ, но онъ будетъ произнесенъ потомствомъ.

Ему одному предстоитъ узнать: восторжествуетъ ли истина надъ заблужденіемъ и воспользуется ли европейское общество этимъ временемъ отдыха, столь необходимымъ для того, чтобы перейдти отъ своихъ настоящихъ увлеченій къ болѣе разумной, болѣе справедливой, болѣе предусмотрительной оцѣнкѣ взаимныхъ правъ и обязанностей Россіи и Польши, а также общественныхъ историческихъ требованій вопроса; однимъ словомъ — дѣйствительныхъ условій задачи, разрѣшеніе которой касается общей пользы и зависитъ только отъ доброй воли.

Что касается безпристрастныхъ наблюдателей современныхъ заблужденій, что до тѣхъ, которые, благодаря своему знакомству съ мѣстностью и отсутствію всякихъ личныхъ побужденій, имѣли

счастіе остаться свободными отъ того, что по истинѣ можно назвать великой европейской мистификаціей, то они исполняютъ священную обязанность въ отношеніи къ человѣчеству, содѣйствуя распространенію свѣта истины, долженствующаго разсѣять столь опасный мракъ.

Такова цѣль этого сочиненія, гдѣ неопровержимые факты, цифры и достовѣрныя свидѣтельства будутъ приведены въ доказательство предшествующаго сужденія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Знакомство съ прошедшимъ необходимо для точной оцѣнки настоящаго. Историческія явленія нужно обнимать въ совокупности, иначе они представятъ непонятный рядъ причинъ безъ послѣдствій или слѣдствій безъ причинъ. Оттого-то и происходитъ, что сложныя обстоятельства, составляющія польскій вопросъ, остаются темною и необъяснимою загадкою, что изъ нихъ по видимому нѣтъ никакого исхода и что они являются дѣломъ слѣпой и жестокой судьбы въ глазахъ всякаго, кто ограничивается безплоднымъ перечисленіемъ историческихъ фактовъ, не углубляясь въ ихъ соотношенія и не изучая ихъ строгой и логической связи.

Конечно, въ Польшѣ не было недостатка въ ученыхъ лѣтописцахъ, трудолюбивыхъ собирателяхъ историческихъ свѣдѣній, восторженныхъ хвалителяхъ, поэтахъ и особенно романистахъ; но историковъ, дѣйствительно достойныхъ этого имени, то есть способныхъ возстановить со всею подробностію все прошлое націи и начертать его вѣрное и безпристрастное изображеніе, у Польши до сихъ поръ не было, и объ этомъ нельзя не пожалѣть въ виду общей пользы.

Всѣ, пытавшіеся писать исторію этой страны, смотрѣли на нее съ пристрастной точки зрѣнія или ограничивались только исключительно одною какою-нибудь эпохой. Ни одинъ изъ нихъ не возвышался съ уровня анализа до высоты историческаго синтеза. Прошлое Польши извѣстно многимъ въ подробностяхъ, но въ цѣломъ его никто не знаетъ. Потому необходимо бросить хотя бы только быстрый взглядъ на ходъ событій отъ ихъ начала до настоящаго времени.

Въ началѣ, какъ и при упадкѣ, въ эпоху младенчества, какъ и въ старости, націямъ недостаетъ связующей силы; онѣ стремятся

къ раздробленію и раздѣленію, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи усиленнымъ трудомъ достигнуть единства.

Великое славянское племя, разсѣянное на обширной равнинѣ, простирающейся отъ предѣловъ Азіи до береговъ Эльбы, не могло избѣгнуть этого общаго закона.

Уже начиная съ 9-го вѣка, оно распалось на двѣ главныя группы, которыхъ не раздѣляла никакая естественная граница, но которыхъ политическое и религіозное развитіе, случайно принявъ различныя направленія, представляетъ особенности, могущія объяснить причины такого разрыва.

Западная группа, въ главѣ которой находилось племя ляховъ, сплотилась подъ династіею Пястовъ и вскорѣ стала подъ именемъ Польши обширнымъ и сильнымъ государствомъ.

Географическое положеніе поставило ее въ непосредственное соприкосновеніе съ Европой; оттого, вопреки духа и стремленій славянскаго племени, западная цивилизація проникла въ Польшу, хотя и не укоренилась въ ней, а только подавила развитіе національнаго духа и создала неестественный порядокъ вещей, пагубныя послѣдствія котораго не замедлили обнаружиться. Оттого католицизмъ съ своимъ стремящимся къ обладанію [illegible] и суровой нетерпимостью проникшимъ въ Польшу, успѣлъ заглушить племенной духъ, заставилъ забыть единство происхожденія и произвелъ между обѣими группами славянъ тотъ религіозный разрывъ, который можно по справедливости считать главной причиной этой вѣковой братоубійственной борьбы.

Племенное тождество русскихъ и поляковъ есть неоспоримый, очевидный этнографическій фактъ.

Тождество языка не менѣе положительно, такъ какъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ латинскихъ или маджарскихъ словъ, случайно вошедшихъ въ употребленіе, польскій языкъ не болѣе отличается отъ русскаго, чѣмъ провансальское или нормандское нарѣчіе отъ французскаго, и зная одинъ изъ этихъ языковъ, легко понимать другой.

Одного быстраго взгляда, брошеннаго на карту, достаточно, чтобы убѣдиться въ отсутствіи всякихъ естественныхъ границъ между обѣими странами и въ ихъ территоріяльной нераздѣльности. И такъ какъ географическое положеніе, языкъ и происхожденіе суть три главные элемента, составляющіе національность, то лишь религіозный

фанатизмъ въ силахъ идти нѣкоторое время на перекоръ указаніямъ Провидѣнія, разлучая то, что должно быть соединено, и создавая искусственныя національности.

Но Провидѣніе умѣетъ брать свое, заставляя логику торжествовать надъ страстями и человѣческою непослѣдовательностью и осуществляя цѣли своей незыблемой премудрости.

Это съ особенною ясностью раскрывается разумнымъ и безпристрастнымъ изученіемъ исторіи.

Три пагубныя стремленія, три отличительныя и не прерывающіяся черты характеризуютъ эту исторію, объясняютъ прошедшее и проливаютъ свѣтъ на будущность Польши.

Народъ этотъ, всегда безпокойный и воинственный, никогда не умѣлъ сосредоточить въ себѣ свою лихорадочную дѣятельность. Чрезмѣрно возвышаться въ ущербъ своимъ сосѣдямъ, отнимать сегодня, чтобы потерять завтра, и за недостаткомъ внѣшней войны истощаться во внутренней борьбѣ—вотъ роковой кругъ, въ которомъ онъ всегда вращался.

Въ началѣ одинадцатаго столѣтія границею Польши служила Эльба: Ливонія, Силезія, Померанія были ей подвластны.

Съ двѣнадцатаго вѣка она принуждена была отступить за Одеръ и искать на Востокѣ удовлетворенія своей неутолимой жажды завоеваній.

Около половины шестнадцатаго столѣтія Бѣлоруссія, Подолія, Украйна, Литва были завоеваны, хотя и не подчинены владычеству Польши.

Столѣтіемъ позже она лишилась почти всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній, а народы, которыхъ сочувствіе она потеряла вслѣдствіе насилій всякаго рода и особенно фанатической и неумолимой религіозной пропаганды, съ радостію освободились отъ столь тягостнаго ига.

Отсутствіе единства, преобладаніе олигархическаго начала надъ монархическимъ и глубокое уничиженіе, въ которомъ находился элементъ народный—такова другая и не менѣе прискорбная особенность польской исторіи. Въ этомъ отношеніи историческія свидѣтельства обильны; они единогласны и, какъ будетъ указано въ части этого сочиненія, исключительно посвященной изученію общественныхъ во-

просовъ страны, почерпнуты изъ источниковъ самыхъ достовѣрныхъ и наименѣе подающихъ поводъ къ подозрѣнію въ пристрастіи.

Династіи Пястовъ и Ягеллоновъ истощились въ безплодной борьбѣ противъ буйной аристократіи, которая съ яростію стремилась къ ослабленію королевской власти, для того, чтобы произвольно пользоваться трудами народа и угнетать его.

Болеславъ, Владиславъ, Казимиръ и самъ Собѣскій напрасно покушались противостоять этому стремленію и установить польское общество на менѣе шаткомъ основаніи; но всѣ ихъ усилія привели только къ кровавымъ смутамъ и внутреннимъ раздорамъ. Захваты королевскихъ правъ аристократіею болѣе и болѣе усиливались. Къ концу 16 вѣка дворянство располагало уже короною посредствомъ „pacta conventa" или условныхъ хартій, которыя оно силою навязывало всякому новому государю, и нѣсколько времени спустя избирательное начало окончательно восторжествовало надъ наслѣдственнымъ, подвергнувъ такимъ образомъ престолъ всѣмъ проискамъ выборовъ и шумнымъ рѣшеніямъ сеймовъ. Наконецъ, къ довершенію безпорядка и анархіи, неслыханныя права „liberum veto" и „конфедерацій" остановили теченіе общественныхъ дѣлъ и сдѣлали междоусобную войну постояною.

Третья отличительная черта польской исторіи есть не болѣе какъ логическое и естественное слѣдствіе двухъ первыхъ.

То благородное и спасительное чувство національнаго достоинства, которое всякому народу, ревнующему о своей независимости и способному поддержать ее, внушаетъ отвращеніе къ чуждому вмѣшательству, изглаживается посреди волненій и междуусобій. Вражда партій часто заглушаетъ голосъ патріотизма и въ ожесточеніи междуусобной борьбы самыя священныя обязанности нарушаются безъ содроганія и открывается доступъ иноземцамъ въ предѣлы отечества.

Исторія всѣхъ падшихъ націй представляетъ, съ небольшими измѣненіями, тѣ же самыя ошибки и тѣ же неибѣжныя ихъ послѣдствія, но нигдѣ, подобно исторіи Польши, не бывало болѣе печальнаго примѣра такого упорства въ одномъ и томъ же преступленіи противъ верховныхъ правъ націи.

Отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до нашихъ дней, отъ Конрада, герцога мазовецкаго, который привелъ рыцарей тевтонскаго ордена

на берега Эльбы для смиренія непокорнаго племени и такимъ образомъ сталъ первою, хотя и не прямою причиною существованія Пруссіи, до Станислава Августа, который громко призывалъ войска Императрицы Екатерины, исторія Польши представляетъ непрерывную цѣпь воззваній къ чуждому вмѣшательству, нравственному и матеріяльному.

Между тѣмъ какъ западная отрасль славянскаго семейства испытывала такую бурную судьбу и являла свѣту свои внутренніе органическіе недостатки, которые должны были ускорить ея разложеніе, восточная или русская группа слѣдовала діаметрально противуположному пути.

Русская цивилизація, хотя менѣе быстрая въ своемъ развитіи и менѣе блестящая, чѣмъ цивилизація польская, имѣла то преимущество, что соотвѣтствовала духу славянскаго племени.

Русскіе сохранили свой родной языкъ въ первобытной чистотѣ, они создали себѣ свою собственную азбуку, а принятое ими восточное вѣроисповѣданіе предохранило ихъ отъ волненій и распрей, которыми Польша большею частію обязана вліянію католицизма.

При меньшемъ политическомъ величіи, при болѣе скромномъ начинаніи, Россія постоянно возрастала къ силѣ и объемѣ, между тѣмъ какъ Польша постоянно упадала.

Польша безпрестанно призывала и привлекала иностранцевъ; Россія ихъ изгоняла, свергла съ себя тягостное иго и умѣла заставить уважать неприкосновенность своей земли.

По мѣрѣ того, какъ въ Польшѣ монархическая власть упадала, а насиліе и честолюбіе аристократическихъ классовъ унижало ее до того, что она стала игрушкой, брошенной для забавы на народную площадь, могущество и величіе царей возрастали въ Россіи, привилегіи дворянъ сглаживались и различные классы общества постепенно сливались. Эта столь различная судьба двухъ славянскихъ группъ, отправившихся отъ одной точки и дошедшихъ до результатовъ столь противоположныхъ, была ли слѣдствіемъ единственно случайнаго сцѣпленія обстоятельствъ, или не справедливѣе ли и не разумнѣе ли вывести изъ этого, что Польша создалась искусственно и была жертвою органическихъ недостатковъ, отъ которыхъ она никогда не хотѣла излѣчиться?

Не доставало еще одного опыта для полнаго доказательства этой истины.

Провидѣніе приняло на себя эту обязанность полвѣка тому назадъ, возведя на русскій престолъ Государя, которому столько же были доступны благороднѣйшія чувства, какъ и самыя трогательныя мечты.

Императоръ Александръ I-й принялъ власть съ твердою и искренною рѣшимостью исправить то, что было сдѣлано его предшественниками, и возстановивъ Польшу, даровать ей учрежденія самыя либеральныя. И для полученія согласія европейскихъ державъ на осуществленіе своихъ видовъ, великодушныхъ до пожертвованія выгодами Россіи, онъ употребилъ все свое вліяніе и всю свою силу именно послѣ той самой войны, въ которой поляки участвовали, облегчивъ непріятелю вторженіе во владѣнія имперіи и отдавъ въ распоряженіе Наполеона I армію изъ 80,000 человѣкъ.

Австрія, Пруссія и самая Англія долго противилась тому. Акты вѣнскаго конгресса свидѣтельствуютъ о неутомимой настойчивости, которую русскіе уполномоченные должны были употребить, для того, чтобы восторжествовать надъ всѣми препятствіями и заставить принять принципъ возрожденія Польши.

Переговоры и дипломатическія пренія той памятной эпохи подали еще очень недавно поводъ къ толкованіямъ, которыя европейская публика могла оцѣнить по достоинству. Изъ великодушія и безкорыстія, обнаруженнаго Императоромъ Александромъ I, думали извлечь доводы къ законному опроверженію права, пріобрѣтеннаго завоеваніемъ и освященнаго трактатами;—прибѣгали къ самымъ крайнимъ аргументамъ, пускались даже въ темную область предположеній; но не менѣе того съ той и другой стороны было признано и остается достовѣрнымъ, что не смотря на великодушную инціативу Императора Александра I, большинство державъ, подписавшихъ трактаты 1815 года, не нашло согласнымъ съ европейскими интересами дать Польшѣ полную независимость, и что постановленіе, опредѣлявшее вообще учрежденіе новаго королевства, а не именно представительныя, какъ увѣряли, права его, было начертано и принято съ общаго согласія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Герцогство Варшавское присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно будетъ связано съ нею неизмѣнно по своей конституціи, чтобы принадлежать Е. В. Императору всероссійскому и его преемникамъ на вѣчныя времена. Е. И. В. предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльною администраціею, внутреннее расширеніе, какое онъ признаетъ удобнымъ. Онъ приметъ, съ своими другими титулами, титулъ Царя-Короля Польскаго“.

Единственное обязательство, или лучше сказать, обязательство, зависящее отъ произвола, которое проистекало для Россіи изъ текста столь положительнаго, заключается „въ дарованіи герцогству Варшавскому особаго управленія“, то есть отдѣльнаго отъ управленія имперіи, но личный составъ котораго могъ быть избираемъ по произволу императора и короля изъ всѣхъ его подданныхъ, безъ различія происхожденія и мѣстопребыванія.

Что касается конституціонной хартіи, то о ней не было рѣчи, и акты вѣнскаго конгресса свидѣтельствуютъ, что одно упоминовеніе о „національныхъ учрежденіяхъ“ было принято съ неудовольствіемъ представителями трехъ великихъ европейскихъ дворовъ.

Однакоже Императоръ Александръ, не останавливаясь передъ неоднократно повторявшимися убѣжденіями союзныхъ и сопредѣльныхъ державъ, ни предъ тѣсными предѣлами буквы и духа вѣнскаго трактата, твердо держался своихъ первоначальныхъ намѣреній и хотѣлъ еще разъ дать Польшѣ случай показать ея политическую жизненность и посредствомъ мирнаго пользованія либеральными учрежденіями, равно какъ и развитія ея матеріяльныхъ средствъ, возвратить себѣ права европейскаго гражданства.

Съ 1815 года началась для Польши новая эра, которую можно назвать эрой торжественнаго испытанія. Каковъ былъ исходъ его? Это необходимо показать.

Конституціонная хартія, дарованная полякамъ императоромъ Александромъ I, превзошла ихъ надежды. Она утверждалась на столь широкихъ и либеральныхъ основахъ, что послужила предметомъ удивленія для того времени, и даже и въ наши дни многія государства почли бы себя счастливыми состоять подъ подобнымъ управленіемъ.

Но благодѣянія Императора не остановились на этомъ. Казна Царства была пуста. Не смотря на незавидное положеніе русскихъ

финансовъ, императорская казна ссудила Польшѣ болѣе 66.000,000 злотыхъ. Національная армія была разсѣяна, перебита во время наполеоновскихъ войскъ; она была наилучшимъ образомъ преобразована попеченіемъ государя, слишкомъ довѣрчиваго, и потому не допускавшаго мысли объ опасностяхъ, которыми эта мѣра могла угрожать ему или его преемникамъ. Порядокъ былъ возстановленъ въ административномъ хаосѣ; развитіе общественнаго кредита, усовершенствованіе путей сообщенія и открытіе рынковъ имперіи придали торговлѣ и промышленности сильное движеніе, самое благопріятное для благосостоянія страны.

Доходы государства, простиравшіеся въ 1788 году только до 80 милл., достигли до 100 милл., въ Царствѣ, котораго пространство заключало только пятую часть прежней республики.

Народонаселеніе увеличилось не менѣе быстро; въ Варшавѣ оно удвоилось въ продолженіи 15-ти лѣтъ и многіе другіе города и селенія послѣдовали тому же примѣру. Отъ самихъ поляковъ зависѣло воспользоватся этими средствами политическаго и матеріяльнаго благосостоянія, утвердить тѣмъ свое національное возрожденіе и снова занять видное и почетное мѣсто среди государствъ европейскихъ. Даже въ ихъ власти было снова вступить, безъ всякаго усилія, въ обладаніе большею и лучшею частью ихъ прежнихъ завоеваній, потому что великодушное увлеченіе императора Александра I доходило до того, что онъ былъ готовъ отдѣлить отъ имперіи въ пользу Польши нѣкоторыя изъ западныхъ провинцій, которыя отъ нея освободились и были присоединены къ Россіи.

Но, какъ будто побуждаемые тайной и неодолимой силой, поляки поспѣшили оправдать предвидѣнія сопредельныхъ державъ и ближайшихъ совѣтниковъ императора Александра, указывавшихъ ему, съ почтительной, но настойчивой искренностью, непреоборимыя препятствія, которыя онъ встрѣтитъ при осуществленіи своихъ предположеній относительно Польши.

„Я далекъ, государь", писалъ ему графъ Поццо-ди-Борго, еще прежде вѣнскаго конгресса, въ запискѣ, имѣющей значеніе истиннаго пророчества: „я далекъ отъ всякаго желанія усилить бѣдствія поляковъ непростительною жестокостью. Настоящая задача, которую предстоитъ рѣшить, заключается въ сочетаніи мѣръ благодѣтельныхъ

для нихъ съ общею пользою и безопасностью имперіи вашего величества... Дайте намъ нашу національную независимость, и мы будемъ благоразумны въ отношеніи къ нашимъ сосѣдямъ, и привержены къ Россіи, и въ ладу сами съ собою:—таковъ припѣвъ, постоянно повторяемый поляками... Политика, руководимая разсудкомъ, можетъ отвѣчать имъ въ свою очередь: вы получите то, что называете своею независимостію, но вы не перестанете быть тѣмъ же, что вы есть; вы сохраните къ русскимъ обычную вашу ненависть, соединенную съ пренебреженіемъ, которое вамъ внушитъ ваше торжество.... Вы будете находить, что ваша независимость не полна, всякій разъ, когда царь польскій не пожертвуетъ для васъ императоромъ россійскимъ; вы внесете смуту въ его общую политику, возбуждая къ бунту вашихъ соотечественниковъ, уступленныхъ Австріи и Пруссіи... Теперь вы недовольны, но спокойны... Лишь только вы получите существованіе, котораго вы требуете, дѣятельную организацію, національное вліяніе, и всѣ намѣренія вредить пользамъ Россіи начнутъ приводиться между вами въ исполненіе".

Эти предсказанія осуществились во всей точности. Благородныя намѣренія Александра I разбились о систематическую и упорную оппозицію, которая мѣшала теченію дѣлъ и останавливала дѣйствіе конституціоннаго механизма то парламентскими хитростями, то тайными и преступными происками.

Не смотря на то, императоръ Александръ не терялъ бодрости и не желалъ отказаться отъ великодушнаго, но къ несчастію невыполнимаго дѣла, которое онъ предпринялъ.

За пять лѣтъ до своей смерти, онъ въ послѣдній разъ обратился къ здравому смыслу и благодарности поляковъ, произнеся передъ представителями націи слѣдующую рѣчь: „Повѣрьте вашу совѣсть, и вы увидите, оказали ли вы вашей странѣ всѣ услуги, которыхъ она была въ правѣ ожидать отъ васъ, или, напротивъ того, не задержали ли вы ея развитія... Эта отвѣтственность будетъ тяготѣть надъ вами. Однако я твердо стою въ моихъ намѣреніяхъ, и цѣль моихъ желаній все еще состоитъ въ томъ, чтобы вы упрочили конституцію своею умѣренностью".

Благородные, но тщетныя слова, которыя свидѣтельствовали только о неисправимой закоснѣлости поляковъ и о настойчивомъ ве-

ликодушіи государя, унесшаго во гробъ горечь обманутыхъ мечтаній и печаль о томъ, что онъ завѣщалъ своему преемнику положеніе, исполненное трудностей.

Императоръ Николай не раздѣлялъ всѣхъ мнѣній, или лучше сказать всѣхъ чувствъ своего августѣйшаго брата относительно Польши. Онъ понималъ всю трудность, часто даже противорѣчіе въ двойственной роли конституціоннаго короля и самодержавнаго императора. Но, какъ человѣкъ высокой честности, онъ твердо и прямо рѣшился соблюсти хартію, дарованную его предшественникомъ, и которую онъ самъ поспѣшилъ возобновить самымъ торжественнымъ образомъ возложеніемъ на главу свою въ Варшавѣ короны Пястовъ и личнымъ открытіемъ сейма.

Революція 1830 года, разорвавъ конституціонный договоръ, разрѣшила императора Николая отъ его обязательствъ и создала новое положеніе, поступившее въ область силы, гдѣ вопросъ о правѣ былъ рѣшенъ именно тѣми, кому всего необходимѣе было поддержать его. Снова покоривъ Польшу храбростію своихъ войскъ, императоръ безспорно имѣлъ право считать не существующею и уничтоженною хартію, дарованную „proprie motu" его предшественникомъ, которая не была утверждена трактатами 1815 года, нарушала даже ихъ духъ, если не букву, и которую поляки сами только что обратили въ ничто.

Еще важнѣе то, что, по праву завоеванія, по праву, котораго никто, казалось, въ то время не былъ расположенъ оспаривать, императоръ Николай могъ бы объявить Польшу присоединенною къ имперіи, однако онъ предпочелъ воспользоваться своей побѣдой съ умѣренностію и сохранить существованіе королевства и его особое управленіе, но въ то же время извлекъ изъ тяжелаго опыта тотъ урокъ, что устроилъ въ Царствѣ управленіе, позволявшее предупреждать, а въ случаѣ нужды и подавлять всякую попытку къ возстанію или безпорядку.

Такимъ образомъ протекли 25 лѣтъ относительно спокойствія и мнимой покорности. Поляки воздерживались отъ всякаго явнаго сопротивленія, пока власть находилась въ рукахъ, которыхъ справедливую, но непоколебимую твердость они узнали.

Ни великое европейское потрясеніе 1848 года, ни крымская война не успѣли поколебать этой мнимой покорности. Но поляки

вознаградили себя тайными, внутренними происками и пропагандой, организованной въ чужихъ краяхъ противъ Россіи, и которой результаты такъ сильно дали себя почувствовать впослѣдствіи.

Эта настойчивая дѣятельность, снискавшая себѣ такое удивленіе и похвалы въ Европѣ, и которая въ самомъ дѣлѣ была бы достойна ихъ, если бы вела къ цѣли благой, практической или великодушной, болѣе всего стремилась къ тому, чтобы подорвать основанія правительства, слишкомъ озабоченнаго, нужно сознаться, поддержаніемъ спокойствія и наружнаго порядка, а потому не обращавшаго вниманія на общественное устройств , которое одно можетъ утвердить прочно и на долгое время спокойствіе и порядокъ.

Не въ доброй волѣ былъ конечно недостатокъ у императора Николая, и онъ неоднократно принимался за изученіе органическихъ недостатковъ польскаго общества, неоднократно вводилъ мѣры, наилучшимъ образомъ придуманныя для ихъ исправленія, но—дѣло странное, которому безъ сомнѣнія трудно повѣрить—эта благодѣтельная и прямодушная воля императора, котораго считали всемогущимъ, никогда не достигала своей цѣли въ Польшѣ; администрація, по наружности покорная до уничиженія, но въ сущности повиновавшаяся тайному и общему лозунгу, ставила препятствія, безпрестанно возобновлявшіяся, и прибѣгала къ самымъ криводушнымъ средствамъ, чтобъ уклониться отъ исполненія этой воли.

Указы, законы, административныя мѣры, наиболѣе соотвѣтствовавшія потребностямъ страны, оставались неисполненными или истолковывались такъ, что приводили къ результатамъ, совершенно противуположнымъ тому, что имѣлось въ виду при изданіи этихъ постановленій. Въ настоящемъ сочиненіи будутъ указаны нѣкоторые фазы этой борьбы, можно сказать безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи, борьбы правительства, котораго всѣ благія намѣренія разбивались о безмолвное, но упорное сопротивленіе группы 200,000 человѣкъ, рѣшившихся скорѣе увѣковѣчить національныя бѣдствія, чѣмъ отказаться отъ неосуществимыхъ мечтаній.

При вступленіи на престолъ АЛЕКСАНДРА II, который, начиная царствовать, открылъ двери въ Польшу для 9,000 политическихъ преступниковъ и который совѣтуя полякамъ отказаться отъ безполезныхъ мечтаній, даровалъ имъ цѣлый рядъ либеральныхъ реформъ, способныхъ къ об-

ширному и постепенному развитію, въ Польшѣ взяла верхъ иная тактика; изъ тайной борьбы превратилась въ открытую, личина была сброшена и возстаніе, начавшееся разнаго рода манифестаціями, разразилось ночнымъ кровопролитіемъ.

Событія, равно какъ и обстоятельства, ихъ сопровождавшія, еще не созрѣли въ желанной степени; они еще слишкомъ далеки отъ окончательнаго выполненія и потому нельзя вполнѣ оцѣнить ихъ важности, значенія и послѣдствій.

Пока историческіе матеріалы еще кипятъ въ горнилѣ политическихъ страстей, не возможно отдать себѣ отчета въ ихъ важности. Нужно дать имъ остынуть, отвердѣть и, подъ вліяніемъ времени и опыта, принять тотъ видъ, который готовитъ имъ будущее.

Есть однако же факты, которые выдѣляются изъ современнаго хаоса и которыхъ простое изложеніе доставляетъ исторіи весьма полезные элементы, могущіе служить предостереженіемъ противъ взрывовъ и политическихъ треволненій, угрожающихъ всеобщею опасностью. Такъ, напримѣръ, изъ всѣхъ безпорядковъ, которыхъ Польша къ несчастію служитъ причиной и главнымъ поприщемъ, очевидно раскрывается, что революціонное движеніе, которому не доставало связи и согласія до 1861 года, могло осуществиться при внезапномъ единодушіи разнородныхъ партій и вспыхнуло только въ виду общественной реформы, которую великая мѣра эмансипаціи, принятая въ Россіи, заставляла предвидѣть и дѣлала неизбѣжною въ Польшѣ.

Свидѣтельства, извлеченныя изъ источниковъ, наименѣе подающихъ поводъ къ подозрѣнію въ пристрастіи къ Россіи, положительные факты, которыхъ невозможно опровергнуть, и за недостаткомъ всего этого, простое сопоставленіе чиселъ, разумное изученіе совершившихся событій, все подтверждаетъ неопровержимо эту историческую истину.

Вотъ что прежде всего слѣдуетъ заключить изъ отсутствія всякой побудительной причины къ возстанію столь сильному, столь упорному и очевидно заранѣе обдуманному. Желая опровергать во чтобы то ни стало, можно было бы оспаривать важность, своевременность, или приведеніе въ исполненіе реформъ, введенныхъ въ Польшѣ въ настоящее царствованіе; можно осудить „a priori“ систему, которую

не дали себѣ труда изучить и испытаніе которой поляки сами упорно отвергали, но при всемъ томъ нельзя отрицать, что управленіе, наступившее съ началомъ нынѣшняго царствованія, было несравненно мягче, либеральнѣе, чѣмъ то, которому Польша была подчинена въ продолженіе цѣлыхъ 25 лѣтъ, и что, начиная съ князя Горчакова до Его И. В. Князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА, всѣ Императорскіе намѣстники, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ Варшавѣ, пользовались своею властью съ такою умѣренностью, съ такимъ живымъ желаніемъ примиренія, что самыя враждебныя манифестаціи могли безнаказанно производиться на улицахъ и въ церквахъ столицы, и что огромная сѣть интриги и революціонной организаціи, сплетенная на свободѣ, наконецъ успѣла покрыть всю страну.

Не менѣе достовѣрно и то, что, при вступленіи маркиза Велепольскаго въ управленіе, Польша стала пользоваться полною административною самоправностью, потому что, изъ числа пятнадцати или шестнадцати тысячъ чиновниковъ, въ 1863 г. тамъ оставалось только 8 русскихъ должностныхъ лицъ, такъ что нація получила возможность высказывать сама свои желанія и участвовать въ завѣдываніи интересами мѣстными и общими, посредствомъ представительныхъ собраній, учрежденныхъ подъ именемъ совѣтовъ провинціяльныхъ и окружныхъ, доступныхъ весьма значительному числу лицъ по выборамъ.

Говорилось, правда, и слишкомъ много разъ повторялось, что возстаніе было вызвано только рекрутскимъ наборомъ, и что поляки взялись за оружіе только для того, чтобы спастись отъ ужасовъ конскрипціи.

Будучи весьма несостоятельнымъ съ самаго начала, это утвержденіе лишилось всей своей цѣны въ виду признаній и свидѣтельствъ, накопившихся съ тѣхъ поръ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Слѣдовательно, безполезно входить въ разбирательства степени законности и этой мѣры, ея современности и способа, какимъ она была исполнена; безполезно также разсматривать и то, кѣмъ начата она и на комъ лежитъ отвѣтственность за нее; достаточно подтвердить, что, по собственному признанію виновниковъ мятежа, онъ приготовлялся издавна и ожидалъ только условнаго знака, и рекрутской наборъ,

предписанный маркизомъ Велепольскимъ, только ускорилъ его исполненіе.

Вотъ что напечатано было за цѣлый годъ до принятія этой мѣры, т. е. въ 1863 году, въ польской газетѣ **Голосъ изъ Парижа и Генуи**, издававшейся подъ покровительствомъ Мѣрославскаго, извѣстнаго подъ страннымъ титуломъ **генералъ-организатора польской революціи**.

Вотъ что именно говорила названная газета по поводу заявленій, устроенныхъ въ это время въ Варшавѣ:

„.... Цѣль ихъ была—дѣйствовать на народъ и возбудить его „къ возстанію. Для достиженія этой цѣли, надобно было прибѣгнуть „къ манифестаціямъ безоружнымъ. Это была одна изъ самыхъ счаст„ливыхъ мыслей—во-первыхъ, какъ средство пропаганды, а затѣмъ, „какъ заявленіе жизни передъ глазами Европы. Случай къ этому былъ „прекрасный, и все было употреблено въ дѣло для достиженія успѣ„ха. Тѣмъ не менѣе чувствовалось, что дѣйствуетъ только горсть „людей, полныхъ энергіи и самоотверженія; но къ нимъ присоеди„нился народъ изъ стараго орода и предмѣстій, и своимъ шумнымъ „соучастіемъ въ февралѣ (1861) скрылъ ихъ отъ глазъ полиціи. Од„нако, пришлось употребить усиленное вліяніе на всѣ другіе классы „варшавскаго населенія, дѣйствовать даже террором, чтобъ очис„тить театры и гульбища".

Итакъ, почва возстанія подготовлялась съ **февраля 1861**, эпохи знаменательной, эпохи важной, къ которой мы будемъ еще имѣть случай возвращаться не разъ, потому что въ ней заключается разрѣшеніе всей загадки.

Итакъ, революція, въ своемъ началѣ, имѣла орудіемъ **„только горсть людей, полныхъ энергіи, употребившихъ въ дѣло все, даже терроръ, чтобы произвести „усиленное вліяніе" на населеніе столицы, очистить театры и публичныя гульбища...."**

Всѣ эти фразы подтверждены впослѣдствіи событіями и остаются данными для дальнѣйшихъ обсужденій.

Точно также достовѣрно и неоспоримо то, что въ 1860 году двѣ партіи, или, лучше сказать, два лагеря отличные другъ отъ друга, часто даже весьма враждебные между собою, оспаривали одинъ

у другаго управленіе такъ называемыми народными интересами и заботу о нихъ.

Одна изъ этихъ партій была аристократическая, или—чтобы выразиться точнѣе—партія землевладѣльцевъ. Избранная ими тактика основана была на оппозиціи глухой и неумолимой, но, по крайней мѣрѣ, законной съ виду. Идти наперекоръ всѣмъ намѣреніямъ правительства, парализировать его усилія, и въ особенности тѣ, которыя могли клониться къ уничтоженію феодальныхъ привилегій дворянства, къ истинному освобожденію земледѣльческихъ классовъ: поощрять за границей враждебную России пропаганду, пользоваться довѣріемъ властей, часто не предусмотрительнымъ и слѣпымъ, подрывать, подтачивать русское господство въ Польшѣ, копать пропасть, въ которую и низвергнуть его при первомъ удобномъ случаѣ, но дѣйствовать съ благоразуміемъ и умѣренностью, никогда не ломать копья, не выступать открыто на бой—такова была, до конца 1860 года, программа, въ точности исполнившаяся этой партіей. Кромѣ земледѣльческаго общества, гдѣ предсѣдательствовалъ графъ Андрей Замойскій, тайнымъ мѣстомъ ея сходокъ была шляхетская дирекція, или дворянская директорія, подъ вѣдомствомъ которой находились другія учрежденія, дѣйствовавшія, съ большими или меньшими наружными предостереженіями, въ главныхъ европейскихъ столицахъ.

Главное средоточіе противоположнаго лагеря было заграницей. Здѣсь на первомъ планѣ отличался Мѣрославскій, Мадзини, Кошутъ, и всѣ европейскія знаменитости находились здѣсь въ качествѣ пособниковъ или наставниковъ. Лозунгомъ ихъ, гласно принятымъ и объявленнымъ, была: революція—въ самомъ гибельномъ и звѣрскомъ значеніи этого слова, революція — во чтобы то ни стало, революція — повсемѣстная, революція—безконечная. Для этой партіи возстановленіе польской національности было лишь побочной цѣлью, средствомъ ниспровергнуть міръ. За то она и непровозглашала никакого принципа, н какой системы и требовала только одного, чтобы въ Польшѣ были уничтожены всякое право, всякій интересъ, всѣ воспоминанія историческія, всѣ общественныя стремленія, съ единственной цѣлью—возмутить массы.

Трудно было согласить виды столь различные и противорѣчивые; согласіе существовало только въ одномъ — въ общей ненависти

къ Россіи; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тутъ былъ коренной разладъ, вражда постоянная. Располагая всѣми матеріальными средствами, пользуясь наконецъ поддержкой, столь благосклонно оказанной русскими властями, аристократическая партія была, очевидно, господствующимъ дѣятелемъ и доступъ къ ней открылся для противоположнаго лагеря тогда лишь, когда они твердо пожелали и сочли нужнымъ вступить въ связь съ революціей.

Значить нужны были очень сильные поводы къ тому, чтобы заставить польскую аристократію забыть свое прошлое, подвергнуть опасности важнѣйшіе интересы свои и открыть національную арену передъ наплывомъ потока, котораго зловредная сила была ей извѣстна и который долженъ былъ все ниспровергнуть, все поглотить, начиная съ нея самой.

И такъ, что же это были за поводы? Отвѣтъ очень простъ. Чтобы найдти его, стоитъ только сблизить нѣсколько чиселъ и начать изслѣдованіе событій четырьмя годами ранѣе.

Уничтоженіе крѣпостнаго права въ Россіи, надѣлъ сельскаго населенія Имперіи землею. представлявшіе сначала, по видимому, непреодолимыя препятствія, были на хорошей дорогѣ къ успѣху въ исходѣ 1859 г.

Неизмѣнная воля Императора, патріотизмъ дворянства, благоразуміе и умѣренность народа, торжествовали надъ всѣми затрудненіями. Столь обширная общественная реформа должна была, по необходимости, произвесть вліяніе и на Польшу, и привести, тѣмъ или другимъ способомъ, къ освобожденію сельскаго населенія Царства отъ того истиннаго, если и не сознаваемаго, рабства, въ которомъ его держали и которое было гораздо тяжелѣе крѣпостной зависимости русскихъ крестьянъ. Дворянство, умѣвшее, въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ, избѣгнуть мѣръ, обнародованныхъ съ 1846 г. русскимъ правительствомъ къ выгодѣ сельскаго населенія Царства, поняло, что, по воспослѣдованіи освобожденія крестьянъ въ Россіи, ему будетъ невозможно оставаться при прежней тактикѣ; предостереженная сверхъ того страшными заявленіями въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе 22,000 семействъ возмутились противъ своихъ владѣльцевъ, требуя уничтоженія барщины и повинностей, подъ которыми онѣ изнывали— аристократическая партія рѣшилась воспрепятствовать, во что бы то

ни стало, реформѣ, [1]) долженствовавшей имѣть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ присоединеніе огромнаго большинства населенія страны къ русскому правительству и утвержденіе его власти навѣки. Покончивъ со своимъ прошлымъ и со всѣми своими принципами, она протянула руку революціонерамъ, которые, предвидя подобную перемѣну, были на сторожѣ и поспѣшно явились съ болѣе или менѣе основательными обѣщаніями вмѣшательства и помощи со стороны иноземцевъ.

Безъ сомнѣнія, исторія отмѣтитъ когда нибудь условія этой бѣдственной сдѣлки. Она опредѣлитъ также долю отвѣтственности, лежащую на тѣхъ, кто, тѣмъ или другимъ образомъ, принималъ въ ней участіе.

До сихъ поръ можно замѣтить только то, что аристократическая партія получила, въ замѣнъ возложенныхъ на нее уступокъ по крестьянскому вопросу, формальныя обѣщанія вознагражденій въ будущемъ, равно какъ и безмолвное обязательство ограничиться теоретическимъ провозглашеніемъ принципа земельнаго надѣла. Сверхъ того, она указала на необходимость соблюдать, по крайней мѣрѣ съ виду, кое какія предосторожности относительно Австріи, и до дальнѣйшихъ распоряженій считать Галицію только складочнымъ пунктомъ средствъ до возстанія.

Взаимное согласіе установилось, и приступлено было къ дѣлу съ тою общностью и точностью, какія требовались программой, заботливо и опредѣлительно составленной.

Указъ объ освобожденіи крестьянъ былъ обнародованъ въ С.-Петербургѣ, 19-го февраля (3-го марта) 1861 г.

24-го февраля (8-го марта) 1861, г. Земледѣльческое общество, собранное въ Варшавѣ, присвоивъ себѣ характеръ учредительнаго собранія, приняло принципъ земельнаго надѣла крестьянъ, въ засѣданіи, которому усиливались придать въ Европѣ громадное значеніе и которое старались украсить пышнымъ титуломъ новой эры, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно состояло только изъ безплоднаго, теоретическаго провозглашенія принципа, еще до сихъ поръ не примѣненнаго къ дѣлу, не смотря на неоднократныя требованія тайнаго правительства.

---

[1]) Послѣ обнародованія указа 19 февраля 1861 г. о свободѣ крестьянъ, шляхта западныхъ губерній открыто заявили «что погибнемъ всѣ до одного, или возвратимъ прежнія свои права надъ крестьянами».

По выходѣ изъ этого то засѣданія (отъ котораго, сказать мимоходомъ, не осталось ни одного письменнаго слѣда, тогда какъ всѣ предшествовавшіе протоколы тщательно сохраняются), по выходѣ изъ этого засѣданія, или нѣсколько дней спустя, президентъ общества, графъ Андрей Замойскій, увлеченный, безъ сомнѣнія, своей ревностью къ дѣлу, противъ котораго онъ ратовалъ во всю свою жизнь, счелъ приличнымъ снизойти съ высоты своей аристократической гордыни и явить міру гражданскую доблесть, пройдя по улицамъ столицы подъ руку съ простымъ работникомъ въ слѣдъ за мятежнической процессіей.

Такія дѣйствія должны были удивительно понравиться „иноземнымъ революціоннымъ организмамъ". Потому-то они и не замедлили выразить свое удовольствіе тѣмъ, кому принадлежала эта заслуга, и стали съ удвоенной ревностью подстрекать ихъ къ слѣдованію по пути, на который они вступили.

Вотъ что писалъ „организаторъ" Людвигъ Мѣрославскій изъ Парижа, съ той поспѣшностью — сколько можно судить по слогу — пять дней спустя послѣ засѣданія, происходившаго въ земледѣльческомъ обществѣ, т. е. 1-го марта 1861 г., въ документѣ подъ заглавіемъ: „**Планъ польской революціи**", снабженномъ его собственной подписью и найденномъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ самомъ отелѣ графа Замойскаго, между орсиньевскими бомбами, патронами и гремучимъ порохомъ:

„.... Принять надѣлъ крестьянъ землею, взятый обществомъ за исходную точку всѣхъ мѣръ, предназначенныхъ для приготовленія народнаго возстанія, и воспользоваться массами, которыя, въ силу этого спасительнаго постановленія, получили въ полную и вѣчную собственность землю, какъ основаніе національнаго возрожденія государства.... Чтобъ убѣдить правительство къ принятію этого распоряженія, послѣдовавшаго изъ столицы, во всѣхъ провинціяхъ, литовскіе и русскіе помѣщики должны немедленно отправить въ С.-Петербургъ депутацію, имѣющую присоединиться къ варшавской, и слѣпо покориться распоряженіямъ послѣдней.

„.... Если Царь, что впрочемъ трудно предположить, дастъ немедленно и на все свое согласіе, тотчасъ же распустить слухъ, что онъ сдѣлалъ это изъ робости и подчиняется приказаніямъ, даваемымъ ему изъ Варшавы....

„.... Устроить, по этому случаю, національныя торжества, „шумныя и многочисленныя собранія, поставивъ ихъ подъ распоря„женіе шляхты.

„Тѣмъ временемъ надобно будетъ приготовиться и распредѣ„лить населеніе за ранѣе въ постоянномъ ожиданіи внезапной войны.

„.... Возстаніе должно быть устроено слѣдующимъ образомъ: „массы земледѣльческаго населенія, приготовленныя предшествующей „экономической агитаціей, вооруженныя всѣмъ, что попадется имъ „подъ руку, но непремѣнно подъ руководствомъ дворянства, стека„ются со всѣхъ сторонъ въ уѣздный городъ, уничтожаютъ своими „непредвидѣнными нападеніями гарнизонъ утѣснителей, строятъ тот„часъ же баррикады на улицахъ, и. т. д. и. т. д.

„.... NB. Въ настоящемъ положеніи народъ не долженъ допустить врага ни къ рекрутскому набору, ни къ насильственному вооруженію".

Какъ видимъ, постановленіе земледѣльческаго общества было „**исходной точкой мѣръ, предназначенныхъ приготовить возстаніе**"; рѣчь шла только о томъ, чтобы „**приготовить земледѣльческія населенія экономической агитаціей и воспользовать сямассами, чтобы непредвидѣнными нападеніями уничтожить русскіе гарнизоны**".

Все послѣдовавшее съ тѣхъ поръ: „**шумныя собранія, происходившія подъ распоряженіемъ шляхты**", депутаціи, долженствовавшія давать коварное толкованіе рѣшеніямъ Императора, ночныя убійства 22-го января 1863 г., вооруженіе и устройство мятежническихъ бандъ, даже возможность рекрутскаго набора—**все было предусмотрѣно, предсказано и приготовлено двумя годами ранѣе** революціонными организаторами.

Но наиболѣе вниманія заслуживаетъ та часть этого достопамятнаго документа, которая посвящена тщательному изложенію подробностей, внѣшнихъ средствъ, словомъ—всей системы дѣйствія, принятой съ 1861 г. и въ тосности соблюдавшейся за границей коноводами польскаго движенія, съ цѣлью вызвать европейское вмѣшательство и возбудить всеобщую войну.

Это изложеніе заключаетъ въ себѣ признанія и разоблаченія, столь обильныя наставленіями всякаго рода, что его нельзя не привести слово въ слово, слагая, разумѣется, на подписавшихъ этотъ до-

кументъ исключительную отвѣтственность за текстъ и мнѣній, которыхъ онъ счелъ долгомъ сдѣлаться провозвѣстникомъ.

„.... Обязать варшавскій капитулъ (комитетъ) дѣйствія привлекать вниманіе Европы корреспонденціями въ газетахъ и депутаціями, „отправляемыми во Францію и Англію.

„Надобно, съ одной стороны, поддерживать мнѣніе массъ на „западѣ въ состояніи лихорадочнаго напряженія, ожиданіемъ постоянно увеличивающихся заявленій, свидѣтельствующихъ о польской жизненности и русскомъ безсиліи. Для этого надобно посылать во всѣ „газеты нѣмецкія, французскія, англійскія и италіянскія, извѣстія, въ „случаѣ надобности и вымышленныя" (буквально), „о внутреннихъ „потрясеніяхъ, колеблющихъ въ Россіи царскую власть, о важныхъ и „неизбѣжныхъ раздорахъ, вспыхнувшихъ между крестьянами, дворянствомъ и чиновниками; при особенно настойчивомъ указаніи на финансовое, военное и административное разстройство Россіи, о мстительномъ и разрушающемъ воздѣйствіи польской идеи на механизмъ, „созданный Петромъ Великимъ и нынѣ распадающійся на части. Надобно убѣдить свѣтъ въ томъ, что царизмъ можетъ быть побѣжденъ только поляками.

„Съ другой стороны надобно докучать правительствамъ французскому и англійскому, посылать имъ изъ Варшавы жалобы и сѣтованія, сочиненныя съ этой цѣлью, и будто бы составленныя безъ „послѣдствій въ Санктпетербургѣ. Надобно замѣтить, что эти депутаціи „не добьются ничего на первыхъ порахъ; но это не должно охлаждать нашу ревность, потому что наша главная цѣль должна быть „та, чтобы компрометировать эти правительства передъ Россіей, и „предоставить намъ, сверхъ того, случай жаловаться на ихъ равнодушіе.

„Сообщаемъ, подъ рукою, нашимъ согражданамъ, что эти совѣты даны намъ лицами, очень хорошо могущими знать политику „тюльерійскаго двора и приводившими намъ въ примѣръ италіянцевъ, „которымъ удалось въ нѣсколько лѣтъ разрушить всѣ дипломатическія препятствія, убѣдить императора французовъ сдѣлать то, чего „онъ никогда не хотѣлъ и даже не думалъ дѣлать, и принудить волей-неволей его правительство помочь имъ въ ихъ попыткѣ къ освобожденію.

„Но Боже избави насъ употреблять для этой цѣли эмигрантовъ, „такъ какъ это было бы наилучшимъ средствомъ представить западнымъ правительствамъ—вообще мало сочувствующимъ польскому движенію—прекрасный предлогъ къ тому, что бы держаться въ сторонѣ отъ всякихъ отношеній къ этому движенію.

„Пуще всего надо избѣгать интригантовъ отеля Ламберта, покинувшихъ свою родину, окончательно привыкшихъ толкаться въ министерскихъ переднихъ заграницей и сдѣлавшихся смѣшными въ глазахъ „всѣхъ людей, мало расположенныхъ въ пользу нашего дѣла.

„Народные посланцы должны избѣгать слишкомъ частаго доступа въ Тюльери, гдѣ они могутъ быть легко разгаданы; но зато „они должны сблизиться съ Пале-Рояломъ, гдѣ навѣрное могутъ получить всякаго рода поддержку и свѣдѣнія. Депутатъ Г. Л. М. „имѣетъ возможность доставить всѣ необходимыя на этотъ конецъ „наставленія и объясненія.

„Повторяемъ, эти депутаціи не должны ожидать отъ своихъ „ходатайствъ и сѣтованій инаго результата, кромѣ проложенія путей, предназначенныхъ сблизить въ будущемъ революціонную Польшу „съ западомъ и устрашить русскихъ и нѣмцевъ мыслью, что правительства Франціи, Англіи и Италіи находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ движеніемъ.

„Дѣйствительно мы должны быть довольны увѣренностью, что „всякая манифестація варшавская приближаетъ къ намъ италіянцевъ, „венгерцевъ и всѣ національности, стремящіяся расторгнуть австрійскія цѣпи. Въ этомъ отношеніи, существуетъ полное согласіе между Мѣрославскимъ, Гарибальди и Клапкой".

Всѣ, слѣдившіе съ 1861 г. за ходомъ событій и наблюдавшіе за направленіемъ органовъ журналистики, преданныхъ дѣлу польскаго возстанія, могутъ теперь имѣть возможность судить о томъ, съ какою вѣрностью была соблюдена программа, начертанная Людвигомъ Мѣрославскимъ и найденная въ домѣ графа Андрея Замойскаго.

Это, въ добавокъ, подтверждается брошюрой, напечатанной въ Краковѣ, въ іюнѣ 1863, подъ заглавіемъ: „**Назадъ** (W tył)" и представляющей историческій очеркъ возстанія въ столь мелкихъ подробностяхъ, что ихъ нельзя не признать подлинными.

Авторъ этой брошюры, называющій самъ себя членомъ старин-

ной революціонной организаціи галиційской, и котораго слѣдовательно право голоса и преданность польскому дѣлу не подлежитъ сомнѣнію, проливаетъ на весь вопросъ свѣтъ тѣмъ болѣе яркій, что выхваляемая имъ система взяла, съ тѣхъ поръ, верхъ въ Польшѣ и что партія, которой онъ служитъ, какъ видно, однимъ изъ пламенныхъ и дѣятельныхъ приверженцевъ, стоитъ теперь во главѣ тайнаго варшавскаго правительства.

„Революція 1830 г.,“ сказано въ этой брошюрѣ, „не достигла „своей цѣли, потому что, не смотря на храбрость арміи и на милліо„ны, которыми она располагала, городское правительство (жондъ) бы„ло, по крайней мѣрѣ, нелѣпо.

„На этотъ разъ, движеніе было предпринято при другихъ пред„знаменованіяхъ. Публичныя заявленія, безоружныя манифестаціи, „пропаганда, распространяемая во всѣхъ частяхъ польской земли и „во всѣхъ слояхъ общества, приготовили почву.

„Національное чувство вездѣ взяло верхъ, и мы узнали другъ „друга по запаху свѣжей крови.

„Съ самаго начала національнаго устройства образовались двѣ „партіи: партія бѣлыхъ и партія дѣйствія.

„Бѣлые имѣли своимъ органомъ газету „Czas“, издаваемую въ „Краковѣ и столько способствовавшую къ тому, чтобъ обмануть об„щественное мнѣніе. Они хотѣли совершить все дѣло посредствомъ „реформъ, правительственныхъ мѣръ, развитія общественнаго благо„состоянія и матеріальнаго довольства, однимъ словомъ—всѣми тѣми „полумѣрами, которыя давно отвергнуты революціей. Ихъ средоточі„емъ былъ комитетъ земледѣльческаго общества.

„Другая партія, изъ которой возникъ центральный комитетъ, „рѣшилась ввести политическое и военное устройство во всей Польшѣ, „городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, и составить для этого народный „жондъ. Чтобы дать народу необходимый толчокъ и заставить перей„ти изъ области мечтаній на поприще дѣйствія, его разжигали поку„шеніями, совершавшимися въ Варшавѣ и имѣвшими, кромѣ того, еще „ту важность, что они удовлетворяли нетерпѣливымъ и умѣряли ихъ „лихорадочное раздраженіе.

„Между тѣмъ, бѣлые отвергали движеніе, считая его безумнымъ, „и болѣе чѣмъ когда-нибудь сосредоточились въ себѣ самихъ. Они

„отказывали во всякомъ денежномъ пособіи и даже удалялись изъ „страны. Въ виду вспыхнувшаго возстанія, центральный комитетъ не „могъ ожидать такой гнусности... „Czas“, съ своей стороны, вопреки самымъ рѣшительнымъ предписаніямъ жонда, подвергалъ опасности весь успѣхъ предпріятія, объявляя, что революція не существуетъ на дѣлѣ и что это было не болѣе, какъ отчаянное сопро- „тивленіе рекрутскому набору...

„...А между тѣмъ возстаніе продолжалось уже болѣе пяти не- „дѣль, и ни одна изъ бандъ не была какъ слѣдуетъ экипирована, „хотя и въ это время подвозъ оружія и военныхъ снарядовъ не „были запрещены со стороны Австріи.

„...Центральный комитетъ не съумѣлъ наказать бѣлыхъ по зас- „лугамъ. Ему слѣдовало бы помнить, что національное устройство „имѣетъ цѣлью не только войну съ москалями, но что оно должно „также истребить всѣ партіи, неблагопріятныя ему, и господ- „ствовать надъ народомъ при исключительномъ посредствѣ своихъ „приверженцевъ.

„...Составленный изъ бездарностей комитетъ отличился без- „плодностью своихъ дѣйствій и недѣйствительностью принятыхъ имъ „полумѣръ. Онъ началъ страшно кокетничать съ богачами, не вхо- „дившими въ составъ жонда. Бѣлые, въ руки которыхъ отдавало себя „возстаніе, постарались его освободить съ единственною цѣлью удер- „жать власть въ своихъ рукахъ.

„...Если, при всемъ томъ, возстаніе продолжалось, то развѣ „только благодаря воздержанности той части польскаго населенія, ко- „торая составляетъ сердце народа; а за тѣмъ потому, что бѣлые „пришли къ убѣжденію, что поддерживая его они сохранятъ „власть, и что это было единственнымъ средствомъ разрушить власть „Мѣрославскаго, приводившаго ихъ въ ужасъ и принимаемаго ими за „соціалистскаго вампира...

„...Послѣ обоихъ этихъ фазисовъ (предварительныхъ работъ и „ослабленія центральнаго комитета) революція вступила въ прискорб- „ный періодъ диктатуры. Бѣлые, будучи однако почти исключительны- „ми властелинами положенія, трепетали, страшились диктатуры Мѣ- „рославскаго; они рѣшились оградиться отъ нея своею собственною

„контръ-диктатурой. Съ самаго начала движенія они обратили внима-
„ніе на Лангевича, котораго изворотливость они пронюхали.“

„...„Czas“ превозносилъ „его неловкія стычки“ наравнѣ съ „неслыханными военными подвигами.

„...Народъ, неимѣвшій возможности разобрать что-нибудь въ „этомъ хаосѣ интригъ, пришелъ въ восторгъ отъ этой данной ему „игрушки. Бѣлые торжествовали, а центральный комитетъ, разиня „ротъ, спрашивалъ самъ себя, какъ осмѣлился Лангевичъ провозгла-„сить свою диктатуру. Вмѣсто того, чтобъ энергически сопротив-„ляться и объявить его измѣнникомъ и негодяемъ, за одно со всѣ-„ми его сторонниками, комитетъ обратился къ нему съ дипломати-„тической нотой, и сталъ неистово кричать: да здравствуетъ дик-„таторъ!...

„Къ довершенію своего торжества, бѣлые составляютъ цѣлый „рядъ интригъ, сочиняютъ подложные документы и такимъ образомъ „успѣваютъ убить, на дуэли Степана Боровскаго, единственнаго „энергическаго члена, оставшагося въ центральномъ комитетѣ.“

Затѣмъ авторъ представляетъ слѣдующую картину возстанія:

„Страна не организована ни въ политическомъ, ни въ админи-„стративномъ отношеніи. Появляется многое множество листковъ оф-„фиціальныхъ и полуоффиціальныхъ, и всѣ они, даже тѣ, которые „издаются не въ тайнѣ, бѣлые, красные, желтые и фіолетовые воспѣва-„ютъ безъ различія цвѣта хвалебные гимны центральному комитету. „Они лгутъ завѣдомо, подъ предлогомъ патріотизма и единства, „что не мѣшаетъ имъ знать, какъ жалко, въ дѣйствительности, по-„ложеніе дѣлъ. Исключительная заботливость состоитъ въ томъ, что-„бы Наполеонъ, читая „Czas“ или „Народную Газету“, не разо-„чаровался и не оцѣнилъ настоящаго положенія дѣлъ и силъ „польскихъ.

„Вѣрные этой системѣ вымысловъ, „Czas“, „Gazeta Narodowa“, „Nadwislanin“ и всѣ другія газеты скрываютъ наши потери, ужасное „положеніе дѣлъ, и такимъ образомъ погружаютъ народъ въ апатію. ..

„Потому то и случалось часто, что не оружія надобно было „искать для ратниковъ, а ратниковъ для оружія.

„Правда, что органы гласности имѣютъ право затемнять сужде-„нія общественнаго мнѣнія, до тѣхъ поръ, пока производятся дипло-

„матическіе переговоры, и если жондъ не хотѣлъ раздавить голову „этой дипломатической гидры, то единственно потому, что осмѣливался ласкать себя надеждой найдти въ ней свое спасеніе. Съ этой-то исключительной цѣлью центральный комитетъ и снабдилъ Владислава Чарторижскаго полномочіемъ, чтобы ползать (sic) въ княжескихъ и императорскихъ переднихъ, вовсе и не помышляя о томъ, „что эта фамилія Чарторижскихъ дѣйствовала всегда только въ „пользу своего собственнаго дѣла...

„Таковое правительство должно было естественно пасть, что „и случилось въ послѣднее время.

„Политическій характеръ новаго жонда еще не опредѣлился, но „лица, входящія въ составъ его, снабжены деньгами, взятыми въ „русскомъ банкѣ, что даетъ имъ возможность не быть болѣе въ „распоряженіи исполненной ненависти и себялюбія партіи богачей-„аристократовъ“.

Изложивъ такимъ образомъ историческій ходъ польскаго движенія и показавъ характеръ стремленій различныхъ партій, авторъ брошюры излагаетъ будущую политическую программу центральнаго комитета.

„Во-первыхъ, говоритъ онъ, нужно обратиться назадъ и возвратить революцію къ тѣмъ основаніямъ, какія были предначертаны „ей первоначально.... необходимо присоединить къ національной „территоріи провинціи, захваченныя нѣмцами, не узами слабой „солидарности, а связью искренней, органической и неизмѣнной.

„Во-вторыхъ, необходимо учредить революціонное судилище, „которому долженъ быть подчиненъ самый жондъ. Это судилище будетъ представителемъ народнаго сознанія; оно будетъ держать бразды исполнительной власти твердой и рѣшительной рукой; оно будетъ „карать съ неумолимой справедливостью и его приговоры должны „будутъ приводиться въ исполненіе хорошо-организованнымъ сословіемъ палачей (буквально: ножевниковъ).

„Въ третьихъ, надобно также сильно дѣйствовать внѣ страны, „чтобы прекратить всякое одиночное дѣйствіе партій, и разъ навсегда разторгнуть послѣдніе узы, привязывающіе насъ къ царизму.... „Для этого, непремѣнно нужно истребить или покрайней мѣрѣ удалить Муравьева, Анненкова, Назимова, Шаховскаго, Ченгери, Дло-

„товскаго, Друцкаго, Гаврилова и т. д... и должно сдѣлать это даже „тогда, если бы пришлось пожертвовать на этотъ конецъ тысячи че„ловѣкъ и сотни тысячъ рублей“.

Всѣмъ извѣстные факты свидѣтельствуютъ о точномъ исполненіи программы, предначертанной центральному комитету авторомъ брошюры, изъ которой мы выписали наиболѣе выдающіяся мѣста.

Политическій характеръ народоваго жонда „ясно опредѣлился. „Исполненная ненависти и себялюбія партія богачей-аристократовъ“, какъ называетъ ее публицистъ-„организаторъ“, вскорѣ была устранена и даже раздавлена опасными пособниками, къ которымъ она прибѣгла съ опрометчивой дерзостью.

Лишенная всей своей власти, истощаемая съ остервененіемъ, оскорбляемая даже, эта партія принуждена была, уже за шесть мѣсяцевъ передъ этимъ, оплакивать свои ошибки и жестоко искупать ихъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ документа, найденнаго въ послѣднее время у одного повстанца въ окрестностяхъ города Плоцка. Это— донесеніе, адресованное мятежническимъ начальникомъ плоцкаго округа, нѣкоимъ Бялымъ (иначе Хондзинскимъ), на имя тайнаго правительства, отъ 16-го (28-го) сентября 1863 г., за № 430.

Тамъ сказано между прочимъ: „У меня множество людей уходитъ за границу или разбѣгается. Смѣю замѣтить народовому пра„вительству, что лишь съ помощью энергіи, близкой къ террору, бы„ло бы еще средство сдѣлать что-нибудь, потому что шляхта, и въ „особенности та, которая имѣетъ кое-какія владѣнія, не думаетъ бо„лѣе о національной независимости.“

„.... Ея главная цѣль—положить наконецъ революціи.... Въ „подтвержденіе этого сошлюсь на слова, сказанныя мнѣ сейчасъ С. „Ж—кимъ, владѣльцемъ деревни Холинъ: „Не лучше ли было бы „дать русской арміи съ дюжину тысячъ бездѣльниковъ и возста„новить въ странѣ порядокъ и прогрессъ?... Это мнѣніе повто„ряется со всѣхъ сторонъ“.

Такія признанія не нуждаются въ объясненіяхъ, и довольствуясь указаніемъ на нихъ, можно продолжать поучительный разборъ „вышеприведенной программы.

„Искреннее, органическое, безвозвратное сліяніе“ революціоннаго движенія въ Галиціи съ движеніемъ въ Польшѣ дѣйствительно

заступило мѣсто „узамъ слабой солидарности", о чемъ свидѣтельствуетъ убійство судьи Кучинскаго и энергическія мѣры, какія вынуждено было принять австрійское правительство въ отпоръ постоянно-возраставшему волненію страны.

Революціонное судилище, этотъ „представитель народнаго сознанія", какъ сказано въ брошюрѣ, держитъ бразды своей „власти"— рукой, въ самомъ дѣлѣ, весьма твердой и рѣшительной.

Девятсотъ восемьдесятъ жертвъ, которыхъ умерщвленіе засвидѣтельствовано юридически и изъ которыхъ восемь девятыхъ принадлежатъ къ земледѣльческимъ классамъ, воровства, пожары, насильственные поборы, которыхъ общій итогъ долженъ считаться не иначе, какъ десятками милліоновъ, однимъ словомъ весь роковой балансъ польскаго возстанія доказываютъ, что „сословіе палачей, обязанныхъ исполнять приговоры революціоннаго судилища, было организовано", какъ нельзя лучше, и явилось достойнымъ назначенія, выпавшаго ему на долю.

Кровавыя попытки, направленныя противъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, графа Лидерса, маркиза Велепольскаго и графа Берга—служатъ доказательствомъ неумолимой рѣшимости, съ какою тайное правительство „нещадитъ ни людей, ни рублей, чтобъ отдѣлаться, какъ ему совѣтовали, отъ всѣхъ тѣхъ, кто служитъ ему помѣхой.

Казалось бы невозможнымъ зайдти за предѣлы такой программы и еще глубже погрузиться въ пучину преступленій.

Однако тайное правительство нашло средство и къ этому.

Теперь удалось перещеголять и автора брошюры: „Назадъ," о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующій документъ, единственный въ лѣтописяхъ исторіи, единственный также и въ лѣтописяхъ преступленій.

Найденный въ Варшавѣ, въ квартирѣ гг. Струцкаго и Квятковскаго, 25-го ноября (7-го декабря) 1863 года, съ многими другими бумагами, какъ напримѣръ, инструкціей, адресованной къ административному коммиссару національнаго дѣла въ Парижѣ, князю Владиславу Чарторижскому, этотъ документъ, написанный по французски и уже положенный въ конвертъ для отправленія по адресу, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Административный коммиссаръ по части путей сообщенія.

№ 590. Варшава, 5-го декабря.

На вышеозначенныя суммы были посланы

переданные Байэ	7 центнеровъ пороху.
	11 „ свинцу.
	21,000 капсулей.

„25-го іюля, нынѣшній „начальникъ города“ препроводилъ къ „Жихлинскому 100 карабиновъ, 100 сабель съ портупеями, 100 пистолетовъ, 1,500 патроновъ, ящикъ пороху (60 фунтовъ) и бочку „съ военными снарядами. Означенный „начальникъ города“ получилъ „200 фунтовъ пороху; 10,000 капсулей были посланы Коперницкому, „начальнику калишскихъ стрѣлковъ S. Z.

„Перманъ заплатилъ за сообщеніе, т. е. за посылку писемъ въ „чужіе края, и издержалъ, по 27 ноября 1863 г., 445 р. 10 к.

„Онъ передалъ коммиссару путей сообщенія 500 р. на покупку „curare“ и другихъ ядовъ.

„Сверхъ того, 31-го августа 1863, онъ далъ 631 р. Станиславу Оль... и 2,000 руб.—Ломбру, для присылки оружія и пороха“.

Достаточно было бы этихъ зловѣщихъ, но поразительно-ясныхъ указаній, сдѣланныхъ, какъ видно, божескимъ правосудіемъ относительно польскаго вопроса, чрезъ тѣхъ самыхъ лицъ, для которыхъ было всего важнѣе затемнить его; достаточно было бы сознанія и дѣйствій признанныхъ предводителей польскаго возстанія, ихъ обманутыхъ сподручниковъ и клевретовъ, чтобъ образумить свѣтъ и побудить всѣхъ здравомыслящихъ—если не вовсе разстаться съ мнѣніями предвзятыми, и, къ несчастью, застарѣлыми, то по крайней мѣрѣ усомниться въ дѣлѣ, которое ищетъ торжества подобными средствами, котораго исполнители не колеблются объявлять и приводить въ дѣйствіе столь гнусныя ученія и котораго заинтересованные и въ тоже время близорукіе пособники кончили тѣмъ, что всего лишились, желая слишкомъ многое сохранить и сами низвергнуты въ пропасть, выкопанную ими для другихъ.

Какъ бы то ни было, однако, злоупотребленія, и даже преступленія, совершенныя во имя какого-нибудь дѣла, даютъ только первоначальное понятіе объ его предосудительности. Они не постанов-

ляютъ о немъ невозвратнаго приговора, такъ какъ, въ глазахъ многихъ, цѣль оправдываетъ средства.

Должно почерпнуть убѣдительныя и несомнѣнныя указанія въ изученіи составныхъ элементовъ этого дѣла, въ строгомъ и точномъ изслѣдованіи его стремленій, условій, общественныхъ и политическихъ причинъ его существованія.

Этимъ-то путемъ мы и постараемся, въ слѣдующихъ главахъ, достигнуть предположенной нами цѣли, состоящей единственно въ томъ, чтобы привести общественное мнѣніе, какъ уже сказано, къ болѣе разумной, справедливой и дальновидной оцѣнкѣ общественныхъ и историческихъ условій вопроса, взаимныхъ правъ и обязанностей Россіи и Польши.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Задача, обстоятельно предложенная, считается разрѣшенною уже на половину. Всякій отчетливо опредѣленный вопросъ самъ собою становится яснымъ. Поэтому необходимо прежде всего дать надлежащее опредѣленіе самому названію Польша, названію, такъ часто повторяемому, и которому всякій придаетъ произвольное толкованіе, относя его то къ совокупности земель, входившихъ въ составъ старой Польской Республики, то къ Варшавскому Герцогству съ Галиціею и Познанью, то наконецъ собственно къ Царству Польскому, въ томъ видѣ, въ какомъ оно создано трактатами 1815 года.

Возстановить Польшу 1772 года, возстановить ее въ ея обширнѣйшихъ предѣлахъ—такова дѣйствительная, открыто заявляемая цѣль двухъ партій, возбудившихъ и поддерживающихъ теперешнее возстаніе. Таковъ также смыслъ, придаваемый ими и ихъ многочисленными европейскими единомышленниками слову „Польша.“ Но вѣрно ли это значеніе?... Рѣшить вопросъ не трудно, такъ какъ онъ принадлежитъ къ области географическихъ и статистическихъ фактовъ.

Польская республика 1772 года не имѣла естественныхъ границъ. Она всегда отмѣчала свои подвижные предѣлы кровью побѣжденныхъ. Девять провинцій, прилегающихъ къ Польшѣ съ восточной стороны и относительно которыхъ заявляются въ настоящее время притязанія, составляютъ исконное достояніе Россіи, какъ по своему географическому положенію, такъ и въ отно-

шенін къ народности, языку и религіи. Теперь утверждаютъ противное, и произвольно передѣлываютъ исторію. Поддерживать споръ на этой почвѣ было бы безполезно и даже излишне, такъ какъ доводы, представляемые теперешнимъ положеніемъ дѣлъ такъ сильны и осязательны, что нѣтъ надобности обращаться къ прошедшему. Въ такую эпоху, какъ наша, въ которую принципъ національности и голосъ народа оказываютъ такое рѣшительное вліяніе, стоитъ только статистически провѣрить, какая національность, какой языкъ, а иногда также какое вѣроисповѣданіе преобладаютъ въ данной странѣ, чтобъ окончательно рѣшить, кому она должна принадлежать.

Статистика западныхъ губерній Россійской Имперіи показываетъ, что въ нихъ считается до 9,849,381 жителей, изъ которыхъ 5,921,586 русскихъ, и только 1,027,947 поляковъ. [1])

Остальное населеніе составляютъ:

1,387,287 литовцевъ, не имѣющихъ съ поляками ни общаго происхожденія, ни одинаковыхъ тенденцій;

1,139,633 евреевъ;

2,114,000 нѣмцевъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что, въ этнографическомъ отношеніи, польскій элементъ, разсѣянный на пространствѣ 5,000,000 кв. километровъ, составляетъ девятую часть, тогда какъ русскій элементъ составляетъ шесть девятыхъ частей всего народонаселенія западно-русскихъ губерній.

Съ религіозной точки зрѣнія, самой важной и дѣйствительной, такъ какъ существенное различіе между русскими и поляками заключается преимущественно въ религіи, народонаселеніе этихъ губерній раздѣляется на:

6,167,166 христіанъ православнаго исповѣданія,

2,471,708 христіанъ католическаго исповѣданія, и

1,133,633 евреевъ.

Слѣдовательно, господствующая тамъ религія—православная. Если къ этимъ совершенно точнымъ цифрамъ, которыя впрочемъ нетрудно провѣрить, присоединимъ столь же категорическія сви-

---

[1]) И большая часть изъ нихъ оборотни, т. е. ополяченные и окатоличенные въ лицѣ ихъ предковъ, природные русскіе.

дѣтельства опыта; коль-скоро не потеряемъ изъ виду то обстоятельство, что эти губерніи, или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, никогда не порабощались польскому игу, а напротивъ того, сокрушивъ его, добровольно присоединились къ Россіи; если примемъ наконецъ въ соображеніе совершенный неуспѣхъ недавнихъ революціонныхъ происковъ и сопротивленіе, оказанное имъ большинствомъ населенія; то поневолѣ придемъ къ тому убѣжденію, что отъ одной лишь Россіи зависѣло противопоставить незаконнымъ притязаніямъ своихъ враговъ кровавыя заявленія народныхъ требованій и желаній.

Помимо этихъ числовыхъ данныхъ и этихъ неопровержимыхъ фактовъ, всякій обмѣнъ мыслей, какъ заявилъ с.-петербургскій кабинетъ среди единодушныхъ рукоплесканій всей Россіи, становится дѣйствительно неумѣстнымъ, такъ какъ споръ долженъ прекратиться тамъ, гдѣ начинается преднамѣренное уклоненіе отъ очевидности.

Итакъ, съ восточной стороны, поляки должны окончательно отказаться отъ незаконныхъ и безплодныхъ воспоминацій 1772 г.

Что же касается ихъ видовъ относительно запада и притязаній на великое герцогство Познанское и Галицію, то de jure эти притязанія ничѣмъ не оправдываются, такъ какъ они не могутъ опираться на трактаты 1815 года, на эту единственно законную и практическую почву, на которой дѣйствовало, или по крайней мѣрѣ имѣло въ виду дѣйствовать иноземное вмѣшательство, умаливъ притомъ значеніе и достоинство самыхъ трактатовъ. De facto—они неосуществимы, такъ какъ Великое Герцогство Познанское на половину германизировано, въ Галиціи же русскій элементъ устоитъ противъ всякой попытки поработить его, и представляетъ прочную опору австрійскому владычеству. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть иной Польши кромѣ той, которая создана была трактатами 1815 г., въ предѣлахъ теперешняго Царства Польскаго.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить всякую націю, и дать себѣ обстоятельный отчетъ въ ея спеціальномъ значеніи, въ ея тенденціяхъ, способностяхъ и органическихъ особенностяхъ, необходимо подвергнуть тщательному анализу ея составные элементы и изслѣдо-

вать ихъ связь и взаимныя отношенія. Только такимъ способомъ и возможно различить государственное тѣло Польши, сквозь темныя завѣсы и искаженія, дѣлающія его недоступнымъ для оцѣнки.

Въ Царствѣ Польскомъ, по ревизіи 1859 года, считается 4.333.000 жителей.

Всѣ польскіе граждане равны передъ закономъ—гласитъ четвертая статья нынѣ дѣйствующаго въ Царствѣ конституціоннаго статута 22-го іюля 1807 года.

Единственное, признанное закономъ гражданское отличіе составляетъ право дворянства, называемое также геральдическимъ, т. е. право, вытекающее изъ оффиціальнаго признанія генеалогическихъ документовъ, а также жалуемое за особенныя заслуги, оказанныя государству.

Что можетъ болѣе соотвѣтствовать духу нашего времени, что можетъ быть величественнѣе и либеральнѣе этой соціальной организаціи? Но, къ несчастію, она составляетъ поверхностную, обманчивую теорію, находящуюся въ прямомъ противорѣчіи съ чисто феодальнымъ характеромъ дѣйствительности.

Нигдѣ въ мірѣ, духъ кастъ не пускалъ такихъ глубокихъ корней, какъ въ Польшѣ. Ни въ какой странѣ, такое ограниченное меньшинство, какъ польское дворянство, не обладаетъ исключительно столькими правами, привилегіями, такими богатствами и такою властію. Нигдѣ, наконецъ, низшія сословія не поставлены въ такія тягостныя и унизительныя нравственныя и матеріальныя условія. Вотъ, въ сущности, странная, но вмѣстѣ съ тѣмъ правдивая картина, представляемая въ наше время польскимъ обществомъ.

5.000 маленькихъ самодержавныхъ властелиновъ, соединенныхъ между собою узами солидарности, общностью принциповъ и интересовъ, владѣющихъ большею частью земель неограниченно, безотчетно располагаютъ участью и трудомъ 3.270.000 людей, предоставленныхъ ихъ административному, судебному, исполнительному и хозяйственному самовластію.

Дворяне оказываютъ полновластное, основанное на историческихъ преданіяхъ покровительство 1.200.000 кліентовъ, образующихъ нѣчто въ родѣ средняго сословія. Они руководствуются сдержанностью только въ отношеніи 4.000 членовъ духовенства,

вліяніе которыхъ столь же велико, какъ и дѣятельность, и содѣйствіе которыхъ они пріобрѣли цѣною нѣкоторыхъ мірскихъ привилегій. Что же касается центральной власти, то они противопоставляютъ ей постоянную крамолу, дѣйствующую то наступательно, то пассивно, и до сихъ поръ еще оказывающую упорное сопротивленіе всякой мѣрѣ, клонящейся къ измѣненію подобнаго порядка вещей.

5.000 самодержавій, соотвѣтствующихъ числу фамилій, составляютъ высшее польское дворянство, или, лучше сказать, значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ, число которыхъ простирается до 25.200 лицъ обоего пола.

Вокругъ этого ядра непосредственно группируется классъ кліентовъ, считающій 30.000 семействъ (171.500 лицъ) и составляющій низшее дворянство или шляхту. Нѣкоторые изъ такихъ дворянъ владѣютъ землею, или, вѣрнѣе, участками земли, воздѣлываніе которыхъ они считаютъ унизительнымъ для своего достоинства, а потому предпочитаютъ находиться въ постоянномъ подчиненіи, въ полной зависимости отъ знатныхъ землевладѣльцевъ, въ сосѣдствѣ которыхъ они проживаютъ. Изъ этого-то сословія и комплектуются тѣ 15 или 16 тысячъ чиновниковъ, которые скорѣе считаютъ себя призванными растравлять тяжкія язвы, причиняемыя Польшѣ бюрократіею, нежели служить государству. Чтобы дать понятіе о пагубномъ вліяніи, оказываемомъ этими мелкими дворянами или шляхтичами, которые, имѣя мало, или вовсе ничего не имѣя, ищутъ своихъ выгодъ въ общественныхъ потрясеніяхъ, обрѣтаясь постоянно въ праздности и унизительномъ рабскомъ повиновеніи,—не безполезно привести слѣдующіе факты:

Изъ всѣхъ мѣстностей Царства Польскаго, охваченныхъ мятежомъ, уѣзды: ломженскій (августовской губ.), сѣдлецкій (люблинской губ.), остроленкскій и пултускій (плоцкой губ.), были наиболѣе подвержены ударамъ революціи, въ нихъ совершено было наиболѣе преступленій, всего болѣе повѣшено крестьянъ и сожжено избъ. Изъ статистическихъ же данныхъ видно, что въ этихъ уѣздахъ, всего болѣе шляхтичей, мелкихъ землевладѣльцевъ; такъ какъ прежніе польскіе короли роздали въ нихъ много зе-

мель, для образованій дворянскихъ колоній, обязанныхъ охранять границы.

Въ ломженскомъ	уѣздѣ	58.165	шляхтичей.
— сѣдлецкомъ	—	22.628	—
— остроленскомъ	—	16.488	—
— пултускомъ	—	13.464	—

Тогда какъ во всѣхъ прочихъ уѣздахъ Царства Польскаго, шляхтичей считается, среднимъ числомъ, отъ 800 до 1.000 человѣкъ въ каждомъ.

Католическое духовенство состоитъ изъ 4.600 лицъ, распредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ·

2.218 прелатовъ и приходскихъ священниковъ.

1.708 монаховъ.

521 монахинь.

Польское духовенство, не смотря на то, что владѣетъ обширными землями, 186 монастырями и пользуется субсидіями отъ правительства, въ нѣсколько кратъ превышающими вспомоществованія, дѣлаемыя православнымъ церквамъ въ имперіи, до сихъ поръ еще продолжаетъ взимать десятину со всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, безъ различія вѣроисповѣданій и происхожденія помѣщиковъ и землевладѣльцевъ; вслѣдствіе чего 913.300 водворенныхъ въ Польшѣ иновѣрцевъ, въ томъ числѣ 300.000 протестантовъ и православныхъ, платятъ 10% съ своихъ доходовъ католическому духовенству.

Трудно вывести вѣрную цифру для средняго сословія, по той причинѣ, что въ Польшѣ существуетъ множество ничтожныхъ мѣстечекъ, носящихъ названіе городовъ, хотя ихъ населяютъ одни лишь земледѣльцы.

Средній классъ составляютъ 366.000 купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ и мѣщанъ и 584.000 евреевъ, исключительное положеніе которыхъ носило до послѣдняго времени характеръ того самаго промышленнаго пролетаріата или хлопства, на которое обречены были евреи въ Европѣ, въ средніе вѣка.

Такимъ образомъ, среднее сословіе состоитъ изъ 950.000 человѣкъ, и хотя оно не находится въ такой непосредственной зависимости отъ высшаго дворянства, какъ шляхта и земледѣльцы,

тѣмъ не менѣе оно все-таки не въ силахъ уклониться отъ его вліянія, ибо изъ 453 городовъ Царства, 228 принадлежатъ частнымъ лицамъ, а муниципальныя и судебныя учрежденія de facto и de jure подчиняются богатымъ землевладѣльцамъ.

Землевладѣльческое населеніе Царства Польскаго простирается до 3.269.700 человѣкъ, раздѣляющихся на слѣдующіе разряды:

a) 227.500 земледѣльцевъ, или мелкихъ арендаторовъ.

b) 22.000 крестьянъ-собственниковъ, откупившихся на волю.

c) 28.000 евреевъ, воздѣлывающихъ землю на такихъ же условіяхъ.

d) 1.603.000 крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ и отбывающихъ барщину или разнаго рода повинности.

e) 1.338.900 крестьянъ пролетаріевъ, которые водворены были первоначально на помѣщичьихъ земляхъ, но впослѣдствіи были выгнаны землевладѣльцами и лишились усадьбъ, рабочаго скота и даже земледѣльческихъ орудій.

Такимъ образомъ элементы, изъ которыхъ сложилось польское общество, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Во главѣ населенія стоитъ господствующая группа дворянства и духовенства, считающая 203.200 членовъ.

Среднюю ступень занимаетъ среднее сословіе, не представляющее окрѣпнувшаго элемента и не пользующееся вліяніемъ.

На низшей ступени гражданскаго строя стоитъ народная масса, половина которой была систематически обречена на пролетаріатъ,—масса, составляющая $^3/_4$ всего населенія, ибо она состоитъ изъ 3.269.700 человѣкъ!

Остается разсмотрѣть теперь соціальныя и политическія условія, въ которыя поставленъ каждый изъ этихъ элементовъ порознь, и изслѣдовать ихъ связь и взаимныя отношенія и проистекающія отъ того послѣдствія. (Сѣв. Почта).

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНІЕ МИНСКАГО АРХІЕПИСКОПА МИХАИЛА КЪ ДУХОВЕНСТВУ СВОЕЙ ЕПАРХІИ.

ДУХОВЕНСТВУ МИНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ 1863 года, заявлены были упреки духовенству минской епархіи за употребленіе въ семействахъ нѣкоторыхъ священниковъ польскаго языка. Упрекъ этотъ, послѣ бѣглаго обзора положенія здѣшняго духовенства, въ какомъ оно до послѣднихъ временъ находилось, окажется незаслуженнымъ.

Почти четыре. столѣтія работали, чтобы убить здѣсь православіе, русскій языкъ и русскую народность. Для достиженія того польско-іезуитское шляхетство и латинское духовенство пользовались всѣми средствами, какія только неразборчивая іезуитская изобрѣтательность предлагала.

За послѣдовавшимъ превращеніемъ въ латинство литовско-русскихъ князей, гоненіе за вѣру и народность тяжкимъ бременемъ легло на народъ. Не вынесли такого креста вельможи. Устрашенные лишеніемъ имѣній и свободы, соблазненные удобствами земными, почетомъ и привиллегіями польскаго шляхетства, они приняли латинскую вѣру и польскій языкъ [1]), и въ свою очередь, по обычаю отступниковъ, обращали въ латин-

---

[1]) По свидѣтельству польскаго писателя М. I., А. Рихцицкаго (Piotr Skarga i jego wiek, przez Rychcickiego, Kraków, 1850) т. I. на стр. 16 въ исходѣ XVI столѣтія, въ большей части тогдашняго королевства польскаго, не только сельское народонаселеніе, но и почти все дворянство литовско-русскаго происхожденія, входящее въ составъ королевства, до династіи Ягелловъ, привязанное и пользующееся общими правами и привиллегіями, еще исповѣдывало восточную вѣру и держалось русскаго языка не только въ разговорѣ, но и въ судопроизодствѣ и въ богослужебныхъ книгахъ, ни мало не отличаясь отъ простонародія. По словамъ его же, Рихцицкаго, знаменитѣйшіе князья и бояре, между многими другими, были: а) князья: Бѣльскіе, Чарторижкіе, Четвертинскіе, Дольскіе, Друцкіе (Любецкіе и Соколинскіе:), Дубровецкіе, Глинскіе, Галичанскіе, Горскіе, Капусты, Ковельскіе, Кур-

ство своихъ слугъ и подданныхъ. Такимъ порядкомъ заносная латинская вѣра и заносный польскій языкъ водворились здѣсь такъ крѣпко, что казалось православіе и русская народность исчезли навѣки.

Но не таково было предначертаніе провидѣнія, предназначившаго путемъ уничиженія и тяжкихъ страданій возродить, вызвать русскую народность къ славному бытію. Екатерина Великая сокрушила подавившее нась иновѣрческое иго,—русское достояніе возвратила Россіи. Внукъ же ея, новый Владиміръ нашихъ временъ, Великій Монархъ Николай І-й, мужъ вѣры и подвижникъ православія, возвратилъ восточной православной церкви чадъ ея.

Но что совершилось столѣтіями, при напряженномъ усиліи всего польскаго народа, содѣйствіемъ иностранныхъ правительствъ и подъ руководствомъ всемогущаго, въ свое время, римскаго двора, то, по волѣ самодержца Россіи, не могло вдругъ переверщиться. Старожилые еще помнятъ, какому уни-

---

човы, Козиковы, Копыльскіе, Корецкіе, Косцюшки, Бобринскіе, Лукомскіе, Массальскіе, Мстиславскіе, Острогскіе, Олельковичи, Слуцкіе, Озерацкіе, Прунскіе, Полубинскіе, Подберезскіе, Порицкіе, Пузыны, Рожинскіе, Сангушки, Соломерецкіе, Вишневецкіе, Воронецкіе, Заславскіе, Зажракскіе, и б) бояре: Балабаны, Бѣлозоры, Брилинскіе, Боговитины, Булгаки, Бучацкіе, Борецкіе, Хлебовичи, Ходкевичи, Хрептовичи, Чаплицы, Даниловичи, Дзѣвочки, Гарабуды, Гоголы, Гулевичи, Еловецкіе, Юраги, Кисели, Керен, Корсаки, Копыстенскіе, Корчевскіе, Копеци, Кишки, Лабонскіе, Ложки, Мороховскіе Мокосѣи, Мѣлешки, Мещерыны, Музылы, Одинцы, Огинскіе, Окрушки, Олизары, Оранскіе, Проскуры, Прохницкіе, Потоцкіе, Протасевичи, Почаповскіе, Поцѣи, Радзивиллы, Рогозы, Рипинскіе, Сапеги, Сѣмашки, Собескіе, Сосновскіе, Саковичи, Струси, Свотовскіе Стецкіе, Сѣлявы, Шумлянскіе, Солтаны, Терлецкіе, Тризны, Тышкевичи, Тучапскіе, Угровецкіе. Вельгорскіе, Болоничи, Верещинскіе, Велькевичи, Володкевичи. Выговскіе, Желиборскіе, Завиши, Жоховскіе, Жолкевскіе, Жабокржицкіе, Забржезинскіе, Загоровскіе, Збируйскіе, проч. и проч. Смотри Вѣстникъ Юго-Зап. и Западной Россіи за $18^{62}/_{63}$ г. ст. „Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ". Редакторъ.

чиженію подвергалось имя русскаго, православнаго, а тѣмъ паче духовнаго, не исключая и уніята. Духовенство, по праву ктиторства и по бѣдности, находилось въ полной зависимости отъ помѣщиковъ. Имя: попъ, поповичъ, было бранной кличкою. Вѣра русская называлась холопскою, схизматицкою, а исповѣдавшій эту вѣру почитаемъ былъ холопомъ, не допускался ни къ какой должности. Къ избѣжанію такого поруганія и стѣсненій былъ вредный путь—отступничество отъ вѣры предковъ. Даже дворовая прислуга, облекшись въ ливрею, лѣзла въ панскую вѣру—въ латинство, а за симъ въ шляхетство. Такимъ путемъ пополнялась фаланга польскихъ пропагандистовъ. Для приготовленія въ священники не было семинарій. Училища, состоявшія въ рукахъ монаховъ, а послѣ—свѣтскихъ, были польскія; естественно, что обучавшіеся въ нихъ, не могли знать и любить русской рѣчи. Для священническихъ дочерей единственный путь, хотя къ поверхностному образованію, былъ — поступить въ помѣщичій домъ въ услуженіе и тамъ изучить польскую грамоту, а по-ней молитвы и катихизисъ, къ чему все-усердно споспѣшествовало помѣщичье семейство и патеръ-духовникъ. Такъ воспитанныя, онѣ становились женами священниковъ и пропагандистками польскаго языка въ своихъ семействахъ. Иному порядку дѣлъ не было и не могло быть никакой инициативы, такъ какъ интеллигенція, матеріальныя средства, вся чиновничья и правительственная власть, исключительно были въ рукахъ польскихъ.

Вотъ историческая правда, на основаніи которой сказано выше—что упрекъ духовенству, въ употребленіи въ нѣкоторыхъ семействахъ польскаго языка, не заслуженный.

Но если упрекъ можетъ считаться не заслуженнымъ изъ вниманія къ прежнимъ обстоятельствамъ страны и состоянія духовенства, то не можетъ назваться такимъ въ настоящее время, когда зависимость духовенства и крестьянъ отъ помѣщиковъ совершенно устранена, когда давно уже существуютъ духовныя училища и семинаріи, когда уже учреждены и учреждаются училища для дѣвицъ духовнаго званія, когда языкъ всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній исключительно уже русскій, когда люди обоего пола, всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій достаточно знаютъ русскій языкъ, когда страна наполняется книгами для молитвы, для образованія и чтенія, когда послѣд-

ная сумасбродная попытка поляковъ, заставила насъ и всю Россію заявить предъ цѣлымъ свѣтомъ, что страна наша не польская а искони русская, когда наконецъ самое званіе русскихъ пастырей и блюстителей народнаго духа возлагаетъ на духовенство непремѣнную обязанность образовать и утверждать прихожанъ нашихъ въ духѣ русскомъ и православномъ. Послѣ всего этого можно ли допустить, чтобы чуждый намъ польскій языкъ преобладалъ въ духовныхъ семействахъ?

Языкъ часто бываетъ вывѣскою національности и патріотизма. Патріотизма здѣшняго духовенства никто не можетъ заподозрить послѣ того, какъ оно первое, не смотря на угрозы, почти отъ всѣхъ приходовъ представило на Высочайшее имя адресы отъ прихожанъ, съ изъявленіемъ благодарности за освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія и съ увѣреніемъ въ вѣрноподданнической преданности; послѣ того какъ оно выказало благонамѣренное усердіе, учрежденіемъ съ 1848 года безвозмездныхъ училищъ почти при всѣхъ церквахъ; наконецъ послѣ того, какъ оно безпредѣльную преданность Царю и отечеству запечатлѣло кровью своею. Зачѣмъ же давать поводъ заподозриванія себя въ чуждомъ намъ патріотизмѣ? Зачѣмъ держаться языка націи, поработившей было насъ и посягнувшей на достояніе народности и вѣры отцевъ нашихъ; языка, на которомъ сочинялись и сочиняются пасквили и клеветы на насъ, на которомъ начертанъ безбожный политическій катихизисъ; языка, на которомъ говорятъ жандармы-вѣшатели и злодѣи, предавшіе позорной смерти братій нашихъ.

Знаю, что не священники, а жены ихъ, и то не многихъ, держатся еще польскаго языка; держатся по старой привычкѣ или по необразованію. Но нелѣпую привычку легко оставить; невладѣющіе же хорошо русскимъ языкомъ, легко могутъ объясниться на простонарѣчіи, собственно для примѣра прихожанамъ.

Все сказанное имѣли въ виду нѣкоторые новогрудскаго уѣзда благочинные, когда пригласили подвѣдомыхъ имъ духовныхъ къ добровольному обязательству—устранить изъ домашняго очага польскій языкъ

Къ подражанію этимъ примѣрно усерднымъ благочиннымъ и священникамъ приглашаю всѣхъ тѣхъ, въ семействахъ которыхъ польскій языкъ еще не совсѣмъ оставленъ.

СЛОВО

къ православнымъ христіанамъ, собравшимся на латинскій отпустъ,—произнесенное 13 іюня 1861 года.

Нѣкогда любознательная самарянка, вступивъ въ разговоръ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и принимая Его за одного изъ пророковъ іудейскихъ, спросила: гдѣ подобаетъ кланяться—на горѣ ли Самарійской, или въ Іерусалимѣ? Господь отвѣтствовалъ ей: вы кланяетеся его же невѣсте, мы кланяемся его же вѣмы, яко спасеніе отъ Іудей есть (Іоан. IV. 19—22). Можетъ статься, что и нынѣ кто либо, заинтересовавшись двумя, совершенно разными, празднествами въ нашей веси, вопроситъ, гдѣ же подобаетъ кланяться—въ церкви ли православной, или въ латинскомъ костелѣ? На этотъ вопросъ и намъ должно, подобно Господу нашему Іисусу Христу, съ дерзновеніемъ отвѣчать: мы, сыны церкви православной, и продолжаемъ празднество въ честь и память сошествія св. Духа на Апостоловъ [1]); а латиняне празднуютъ сегодня какого то Антонія Падуанскаго. Мы не знаемъ жизни празднуемаго латинянами Антонія, знаемъ только, что онъ не православный; потому наша церковь и не признаетъ его святымъ. Вы, конечно, этого не знали и, въ простотѣ сердца, стеклись въ этотъ храмъ по старой привычкѣ, вѣроятно, оставшейся отъ временъ уніи и угнѣтенія въ этомъ краѣ православія латинствомъ,—вы, говорю, стеклись сюда не столько для поклоненія св. Тройцѣ, сколько для прославленія какого-то Антонія падуанскаго, но слѣдуетъ ли намъ чествовать латинскихъ святыхъ? Если вѣра ихъ правая, то и слѣдуетъ; но въ томъ то и дѣло, что вѣра ихъ неправая, не православная, что и постараюсь я выказать вамъ теперь.

Правда, церковь римская получила свое начало отъ Господа Іисуса Христа, чрезъ Его верховныхъ апостолъ Павла и Петра, но не пребыла навсегда въ единеніи съ своимъ основателемъ. Это единеніе превратили ея же первосвятители. Недостойные изъ нихъ, ища болѣе почестей отъ людей, нежели славы

---

[1]) Въ 1861 г. 13 іюня—день отпуста—приходилось во вторникъ, послѣ сошествія святаго Духа.—Въ западномъ краѣ Россіи празднуютъ и 3-й день по сошествіи св. Духа, въ честь св. Троицы и какъ бы въ соотвѣтствіе названію этого праздника—Тройцею.

отъ Бога, пренебрегли священнымъ, но смиреннымъ званіемъ слугъ Христовыхъ и захотѣли быть владыками міра, главами церкви. Для достиженія этихъ высокомѣрныхъ цѣлей, они объявили себя намѣстниками Христа, съ властію въ церкви полною, неограниченною, чуть не божескою. Суевѣріе и невѣжество тогдашнихъ латинянъ помогли папамъ утвердиться въ семъ новомъ противномъ ученію Христову званіи. И вотъ, въ церкви латинской, на мѣсто невидимой главы—Господа Іисуса Христа, явились видимыя—папы!... Союзъ съ Господомъ расторгнутъ; расторгли потому съ церковью латинскою союзъ и церкви восточныя, пребывшія вѣрными единой невидимой главѣ—Господу Іисусу. Это пагубное для церкви латинской раздѣленіе, обнаружившееся первоначально въ IX вѣкѣ, окончательно свершилось въ XI. Съ того времени высокомѣрію папъ уже не было предѣловъ. Они поставили себя выше царей, выше законовъ, выше св. отцевъ церкви, выше даже вселенскихъ соборовъ! Назвались непогрѣшимыми, стали возсѣдать на престолѣ церковномъ, на которомъ приносится страшная, безкровная жертва о спасеніи людей, и на которомъ возсѣдитъ невидимо Царь неба и земли, Господь нашъ, Іисусъ Христосъ! Въ храмѣ Божіемъ, предъ лицемъ небеснаго Отца любви, окружили себя воинствомъ, съ касками на головахъ и оружіемъ въ рукахъ! Поверхъ епископской митры своей, этого символа терноваго вѣнца Спасителева, возложили царскіе вѣнцы. Наконецъ заставили всѣхъ приходящихъ къ нимъ, повергаться къ ногамъ ихъ, лобызать ихъ и для того не устрашились нашить на туфляхъ своихъ всечестный крестъ Господень, который Спаситель съ трудомъ несъ на своихъ раменахъ и который истинные христіане, съ благоговѣніемъ, носятъ только на персяхъ!

Но этими не христіанскими дѣйствіями неограничились папы. Присвоивши себѣ власть самоправно распоряжаться въ церкви Христовой и прикрываясь своею мнимою непогрѣшимостію, они коснулись самой вѣры Христовой и весьма много исказили ее. Такъ, для утвержденія своей незаконной власти, они возвели на степень догмата измышленное ими, неизвѣстное древней церкви, ученіе о главенствѣ своемъ. Исказили также догматъ о святомъ Духѣ. Господь Іисусъ Христосъ ясно училъ объ исхожденіи Святаго Духа только отъ Отца: «Егда пріидетъ Утѣшитель, Его же азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины,

Иже отъ Отца исходитъ; Іоан. XV. 26, говорилъ Спаситель святымъ Апостоламъ при разлученіи съ ними. На основаніи сихъ словъ божескихъ, и по символу св. отецъ втораго Вселенскаго собора, мы исповѣдуемъ: «и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже *отъ Отца исходящаго.*» Такъ вѣрили въ первые вѣка христіанства и латиняне. Въ VIII еще вѣкѣ папа Левъ III осуждалъ тѣхъ, которые учили о св. Духѣ такъ, какъ теперь вѣруютъ латиняне, т. е. что Духъ святый исходитъ отъ Отца и Сына. Чтобы христіане несоблазнялись новымъ лжеученіемъ, онъ повелѣлъ даже вырѣзать безъ всякой добавки, Никео-константинопольскій символъ вѣры на двухъ серебрянныхъ доскахъ—по гречески и по латински, повѣсить эти доски въ главнѣйшемъ храмѣ римскомъ—въ церкви св. Петра. Другой папа того же вѣка, Іоаннъ VIII, назвалъ послѣдователемъ Іуды предателя того, кто впервые прибавилъ къ символу слова: и отъ Сына. Но, чрезъ нѣсколько времени, преемники этихъ правовѣрныхъ папъ своею непогрѣшимою властію утвердили то, что осуждали ихъ предшественники.

Вмѣстѣ съ ученіемъ объ исхожденіи святаго Духа и отъ Сына принято церковію латинскою и ученіе о чистилищѣ, по которому души людей, неуспѣвшихъ въ сей жизни принести всецѣлаго покаянія во грѣхахъ, именно временнаго удовлетворенія за грѣхи, довершаютъ свое покаяніе въ будущей, загробной жизни, въ нѣкоемъ мучительномъ состояніи. Ложность этого ученія очевидна для всякаго, ибо всѣмъ извѣстно, что по смерти покаяніе не возможно. Но папы, изобрѣтая снова догматы, какъ видно, не обращали вниманія на ихъ согласіе съ духомъ христіанства, душевную пользу христіанъ, а вводили новые догматы только для своей пользы!... Настращавъ латинянъ чистилищнымъ огнемъ, папы вскорѣ объявили, что имѣютъ право сокращать и даже совершенно отмѣнять временныя мученія чистилищныя. Съ этою цѣлью они завели отпусты, учредили индульгенціонные престолы и стали раздавать чадамъ латинской церкви, по случаю какихъ либо торжествъ, особенно въ любилейные годы, или за какіе либо подвиги, даже за чтеніе извѣстныхъ молитвъ и за произношеніе извѣстныхъ славословій и священныхъ именъ Іисуса и Маріи, или же, наконецъ, и просто за деньги,—такъ называемыя индульгенціи, которыми разрѣшаютъ нерѣдко и грѣшниковъ не раскаянныхъ, даже безъ

принесенія послѣдними исповѣди во грѣхахъ. А между тѣмъ какъ много эти индульгенціи вредятъ спасенію людей! Почему, напримѣръ, грѣшнику не ослабить узды совѣсти и страха Божія, когда есть надежда при помощи индульгенціи сложить съ себя все бремя грѣховъ? Большая ли важность вору, обогатившемуся на счетъ чужаго богатства, пожертвовать что либо на покупку индульгенціи, чтобы успокоить свою совѣсть, и потомъ снова приняться за постыдное свое ремесло? Не станетъ ли онъ даже оправдывать себя тѣмъ, что ему необходимо воровать, дабы имѣть на что купить индульгенцію, столь важную въ дѣлѣ его спасенія? Что также заставитъ и другихъ грѣшниковъ оставить порочную жизнь, когда для нихъ весьма не трудно, по нѣскольку разъ въ годъ, являться на отпусты, по сотнѣ разъ въ день произносить машинально извѣстныя молитвы, извѣстныя славословія, и этими легкими подвигами искупать свои тяжкіе грѣхи? Нѣтъ, братіе, не по ученію церкви латинской должно искупать грѣхи, а по ученію церкви православной, именно: чистосердечнымъ исповѣданіемъ грѣховъ, горькими слезами, послѣдующею доброю жизнію и несомнѣнною вѣрою въ заслуги Христа Спасителя и упованіемъ на неизреченное милосердіе Божіе. Такъ искупали свои грѣхи: св. апостолъ Петръ, Евангельская блудница, св. Марія Египетская и цѣлые сонмы другихъ праведниковъ. Но чтобы кто искупилъ свои грѣхи индульгенціями, такого примѣра мы не находимъ во всей священной исторіи, слѣдовательно не должно быть и самаго ученія объ индульгенціяхъ. Но папы разсудили иначе. Не находя для своего ученія основанія, ни въ словѣ Божіемъ, ни въ примѣрѣ древней христіанской церкви, они силятся основать оное на новомъ ложномъ ученіи—о сокровищницѣ благихъ дѣлъ. Они учатъ, что нѣкоторые святые столько изобилуютъ добродѣтелями, что избыткомъ ихъ можно вознаграждать недостатокъ добра у другихъ, и папа можетъ взимать это неистощимое богатство и переносить его на грѣшниковъ, какъ деньги въ уплату чужихъ долговъ. Нѣтъ нужды доказывать лжемудрованіе этого ученія; скажемъ только, что это ученіе проповѣдуетъ, будто падшій человѣкъ можетъ, вопреки ясному указанію слова Божія, сдѣлать больше, чѣмъ сколько отъ него требуется, будто дѣло искупленія нашего, совершенное Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, не полно, и что, для спасенія нашего, необходимы еще какія то сверхъ-

должныя дѣла святыхъ. Вотъ до чего дошли наконецъ папы!

Однакожъ это еще не послѣднее заблужденіе ихъ. Много, много и другихъ заблужденій внесли папы въ церковь латинскую; почти каждый изъ нихъ выдумалъ какое либо новое, не христіанское ученіе. Нынѣшній, напримѣръ, папа Пій IX провозгласилъ (въ 1854 году) новое ученіе о непорочномъ зачатіи преблагословенной Владычицы нашей Богородицы, присно-Дѣвы Маріи. Наша православная церковь тоже глубоко чтитъ пресвятую Матерь Божію, именуетъ Ее честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ, учитъ даже, что пресвятая Дѣва, благодатію Божіею, предочистилась отъ всякаго грѣха; но не учитъ, чтобы матерь Божія родилась безъ грѣха, поелику такого ученія нѣтъ въ словѣ Божіемъ. Напротивъ, есть въ священномъ писаніи совершенно противное оному ученію. Въ книгѣ Іова напр. говорится: «никтоже чистъ отъ скверны, аще и «единъ день житія его на земли.» (Іов. XIV—5).

Исказивши дерзновенно догматы истинной христіанской вѣры, папы измѣнили и многіе обычаи древней церкви: напр. отняли у священниковъ и предоставили только епископамъ право совершать таинство міропомазанія, и чрезъ то, какъ видимъ на опытѣ, лишили многихъ вѣрныхъ на долгое время, а нѣкоторыхъ и навсегда даровъ св. Духа и спасенія. Потому Спаситель и сказалъ: аще кто не родится водою *и Духомъ*, т. е. небудетъ крещенъ и запечатлѣнъ дарами св. Духа, которые даются вѣрующимъ въ таинствѣ Муропомазанія, тотъ неможетъ внити въ царствіе Божіе. Іоан. III. 5. Далѣе—папы признали недостойными пріобщенія пречистаго тѣла и животворящей крови Господней чистыхъ и непорочныхъ младенцевъ, которыхъ самъ Господь призналъ достойными общенія съ Богомъ—достойными царствія небеснаго; запретили всѣмъ вообще мірянамъ пріобщаться подъ обоими видами хлѣба и вина; тогда, какъ Спаситель сказалъ: аминь, аминь глаголю вамъ, аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота неимате въ себѣ. (Іоан. VI. 53) Вмѣсто употребленнаго Господомъ Іисусомъ Христомъ на тайной вечери квасного хлѣба, римляне стали употреблять, для таинства Евхаристіи, опрѣсноки; на мѣсто древнихъ, составленныхъ св. отцами и освященныхъ вѣками, литургій, составили свои мессы, и позволили отправлять оныя даже шопотомъ; вмѣсто разумнаго, понятнаго каждому,

пѣнія при богослуженіяхъ, завели бездушный органъ, правда, ласкающій слухъ, но неприносящій пользы душѣ, недающій пищи уму; для всѣхъ народовъ повелѣли оправлять службы только на одномъ латинскомъ языкѣ, нерѣдко непонятномъ и для самихъ совершителей службъ—ксендзовъ,—а чтобы незнающіе сего языка не тяготились непонятнымъ для нихъ богослуженіемъ, поставили въ костелахъ скамьи, дали въ руки молитвенники и повелѣли возбуждать ихъ по крайней мѣрѣ къ наружному участію въ богослуженіи, въ важнѣйшія минуты онаго, посредствомъ звонка. Но всѣхъ заблужденій латинской церкви неперечислить. Укажемъ развѣ еще на измѣненіе латинами древняго крестнаго знаменія. Древніе христіане знаменались крестомъ точно такъже, какъ знаменаемся мы—православные, именно: совокупивъ три первые перста правой руки и согнувъ два послѣдніе, клали въ такомъ видѣ—руку: сперва на чело, потомъ на перси. далѣе на правое плечо и наконецъ на лѣвое. Такой крестъ и знаменателенъ и разуменъ. Совокупляются три первые перста въ знаменіе пресвятыя Троицы, сгибаются же два послѣдніе въ выраженіе двухъ естествъ во Христѣ—божескаго и человѣческаго. Кладется же рука сперва на правое плечо, а потомъ уже на лѣвое, также весьма разумно, ибо правая сторона всегда предпочитается лѣвой. Преимущество православнаго крестнаго знаменія предъ латинскимъ сознавали нѣкогда и папы. Въ XII вѣкѣ папа Иннокентій увѣщевалъ западныхъ христіанъ креститься по восточному обычаю: тремя перстами и класть руку сперва къ верху, потомъ къ низу, и отъ праваго плеча къ лѣвому. Послѣдующіе папы однако невняли сему увѣщанію, отвергли древнее крестное знаменіе и измышлили новое, которому, не знаю для чего, стали подражать и многіе изъ васъ, православные христіане. Какой срамъ, какое безуміе—пренебрегать тѣмъ, что лучше и увлекаться худшимъ; уклоняться отъ древне-вѣковыхъ, освященныхъ нашею церковью, обычаевъ и слѣдовать обычаямъ нововымышленнымъ, иновѣрнымъ!... Послушайте, чѣмъ грозитъ нарушителямъ церковныхъ постановленій и преданій слово Божее: Иже, раззоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, говоритъ самъ Господь, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ (Матѳ. V. 19), т. е., по изъясненію св. Златоуста, не удостоится въ будущей жизни блаженства праведныхъ.

Итакъ, въ новыхъ догматахъ и обычаяхъ римской церкви

одни лишь вымыслы, противные слову Божію, противные ученію и обычаямъ древней христіанской церкви, противные нерѣдко и здравому смыслу, вымыслы, преграждающіе христіанину путь къ нравственному, а нерѣдко водящіе и до безнравственности, вымыслы, въ силу коихъ церковь латинская лишаетъ своихъ чадъ благодати св. Духа, сообщаемой вѣрующимъ въ таинствахъ Мѵропомазанія, пріобщенія пречистой и животворяющей крови Господней, общественнаго богослуженія и проч.

Послѣ этого станете ли вы, православные, совершать празднества въ честь святыхъ римской церкви, отпавшей отъ древняго православія? Да, не будемъ. Довольно для насыщенія нашего духа празднествъ, совершаемыхъ и въ нашей церкви православной, въ которой обитаетъ Духъ святый и всякая истина. А потому если приходите къ намъ, приходите не ради прославляемаго латинами, но не прославленнаго церковію православною, или другаго праздника латинскаго Антонія, а за ихъ усердіе къ древнему нашему храму и для выраженія любви къ чудотворцу вселенныя, св. угоднику Божію Николаю, коему посвященъ сей храмъ. Приходите сюда, дабы обще съ нами помолиться Господу Богу о своихъ нуждахъ, о своемъ спасеніи, возблагодарить за полученныя отъ Него благодѣянія. Приходите, дабы возбудить духъ свой къ искреннему покаянію, но не ждите отъ насъ, за свои странствія и тѣмъ болѣе за свои лепты, проповѣдуемаго латинами безусловнаго отпущенія грѣховъ. Ктс изъ васъ неисповѣдалъ чистосердечно всѣхъ грѣховъ своихъ, или и исповѣдалъ, но не сокрушается о томъ, что прогнѣвалъ своими грѣхами Господа Бога и не думаетъ отстать отъ своихъ грѣховныхъ обычаевъ, такому, будьте увѣрены, не принесетъ никакой пользы странствіе ко святымъ мѣстамъ, такой снидетъ въ домъ свой еще грѣшнѣе прежняго. Не въ правѣ мы разрѣшать васъ и отъ такихъ грѣховъ, которые связаны вашими мѣстными духовными отцами, ибо мы не знаемъ степени вины сихъ грѣховъ, а вы умышленно скрываете ее отъ насъ. Словомъ, не ждите отъ насъ ничего, что противно слову Божію и ученію древней христіанской церкви, и что, хоть сколько нибудь, походитъ на заблужденія латинскія. Да и сами вы не увлекайтесь сими заблужденіями, какъ бы они заманчивы ни были, ибо не все то золото, что блеститъ. Иного, положимъ, могутъ завлечь въ костелъ органъ, пышность церемоній и проч., но пусть скажетъ намъ такой,

какую пользу для души, вынесетъ онъ оттуда? Другому могутъ понравиться латинскіе полупосты, или лучше, латинскій обычай— не поститься, но чѣмъ онъ тогда будетъ укрощать свои страсти, чѣмъ будетъ побѣждать діавола, который, по слову самаго Господа, ни чѣмъ не побѣждается, токмо молитвою и постомъ? Привлекательны наконецъ и папскія индульгенціи, но къ чему они ведутъ человѣка? Къ безнравственности, а за тѣмъ и къ погибели! По сему еще разъ молю васъ, братіе, не прельщайтесь нововведеніями церкви латинской, а молите Бога, чтобы навсегда пребыть вамъ вѣрными сынами церкви православной и чрезъ нее достигнуть вѣчнаго блаженства, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію святаго Духа, Емуже, со Отцемъ и Сыномъ, слава, держава, поклоненіе и благодареніе во вѣки вѣковъ, аминь. [1]).

Св. А. Буйницкій.

13 Іюня 1861 года.
Село Старый Олексинецъ.

МОЗЫРСКІЯ ПИСЬМА.

VI.

Съ 1 октября минувшаго года у насъ въ Мозырѣ русское общество устроило благородныя собранія. По воскреснымъ днямъ молодежь обыкновенно танцовала, а по четвергамъ кто игралъ въ карты, а кто слушалъ чтеніе изъ лучшихъ современныхъ русскихъ авторовъ. Нерѣдко чтеніе прерывалось и замѣнялось игрою въ фанты. Нѣсколько разъ по четвергамъ были прочитаны даже публичныя лекціи. Такъ *г. Собчаковъ*, директоръ мѣстной гимназіи, прочелъ «*о Пушкинѣ и его сочиненіяхъ*,» *г. Мудровъ*, бывшій инспекторъ молодечанской прогимназіи, «*о календаряхъ и пасхальномъ вычисленіи*,» а *г. Кулжинскій*, учитель словесности въ мѣстной гимназіи, прочелъ лек-

---

[1]) Слово это, въ которомъ сгруппированы и опровергнуты всѣ разномыслія западной церкви съ православіемъ, можетъ несомнѣнно служить для нѣкоторыхъ пастырей церкви западнаго и югозападнаго края Россіи, поставленныхъ въ обстоятельствахъ о. Буйницкаго, весьма полезнымъ руководствомъ. Ред.

цію *«о значеніи Д. И. Фонъ-Визина въ исторіи русскаго просвѣщенія и поэзіи.»*

Можно вообразить себѣ, какая новинка для Мозыря это явленіе. Теперь же, съ наступленіемъ в. поста, въ благородномъ собраніи бываютъ по воскресеніямъ литературно-музыкальныя вечера. Вчера, напр., т. е. 16 марта былъ первый литературно-музыкальный вечеръ. Нечего поименовывать названія музыкальныхъ пьесъ; скажу, что было прочитано.

Городовой врачъ *г. Боболовичъ* очень искусно прочелъ комедію Гоголя *«Женитьбу,»* что доставило истинное удовольствіе публикѣ. Г. *Кулжинскій* прочелъ два стихотворенія Майкова: *«Старое и Новое,»* отрывокъ изъ поэмы *«Поля»* и еще *«Картинка»* (послѣ манифеста 19 февраля 1861 года). Затѣмъ дѣвица *г. Ельницкая* прочла изъ сборника Худякова нѣсколько великорусскихъ загадокъ, съ предложеніемъ публикѣ разгадать смыслъ ихъ.—Короче, вечеръ вышелъ удаченъ своимъ разнообразіемъ и тѣмъ оживленіемъ, какое произвело чтеніе.

*** **Вѣди.**

17 марта 1864 года.

ПИСЬМО

священника м. Скрыгаловъ мозырскаго уѣзда, минской губерніи, о. В. Завитневича старшему учителю русской словесности въ мозырской гимназіи Г. И. Кулжинскому.

Достоуважаемый Григорій Ивановичъ!

Освободившись нѣсколько отъ заботъ и хлопотъ житейскихъ, я вспомнилъ о данномъ мною словѣ удовлетворить васъ касательно празднованія въ моемъ приходѣ 19 февраля. Не зная научныхъ фразъ и краснорѣчія въ словѣ, я сообщаю вамъ о предметѣ просто на просто какъ было, но вѣрно и искренно.

За два дня предъ 19-мъ февраля я объявилъ скрыголовскому старшинѣ, что вотъ скоро и вотъ въ такой-то день будетъ возшествіе на престолъ Батюшки Царя нашего, когда дарована свобода крестьянамъ, и предложилъ увѣдомить объ

этомъ всѣхъ прихожанъ моихъ, въ отдаленныхъ деревняхъ проживающихъ. Когда приспѣлъ радостный день 19 февраля,—всѣ прихожане, какъ мѣстные—скригаловскіе,—такъ и съ отдаленныхъ деревень, стеклись въ многочисленномъ количествѣ въ приходскую церковь св. Николая, гдѣ послѣ совершенія литургіи и молебствія о здравіи и благоденствіи Государя Императора, сказано было слово къ прихожанамъ, о томъ, «сколь священна и благотворна для народа царская власть» съ приличнымъ назиданіемъ, а потомъ сдѣланъ по главной улицѣ крестный ходъ на пространствѣ болѣе одной версты. Для сего изнесены были изъ церкви 6 хорошо написанныхъ хоругвъ, 2 креста, изъ которыхъ одинъ весь вызолоченный, и устроенная прихожанами въ память 19 февраля (памятникъ) обносная раззолоченая, подъ балдахиномъ,—икона съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. князя Александра Невскаго, а съ другой—перенесенія мощей св. Николая, коего храмъ. Этотъ памятникъ несенъ былъ на раменахъ молодыхъ дѣвъ, недостигшихъ совершеннолѣтія въ знакъ своей цѣломудренности и благоговѣнія къ святой иконѣ. При благопріятной погодѣ процессія совершилась весьма торжественно и великолѣпно, при громкомъ и пріятномъ пѣніи сельской народной школы учениковъ и стороннихъ русскихъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ и воспѣвавшихъ неумолкно: «Спаси Господи люди и проч.» Когда все богослуженіе окончено было съ особенною торжественностію и радостію,—народъ по выходѣ изъ церкви съ старшиною и прочими должностными лицами сгруппировался на главной улицѣ возлѣ стараго каменнаго столба, (гдѣ наверху поставлена икона св. Николая) и около него поставленъ былъ, по распоряженію волостнаго старшины, длинный столъ съ предложенными хлѣбомъ, солью и нѣсколькими бутылками горячаго вина. По благословеніи мною предложеннаго, я, старшина, староста и прочіе должностные лица выпили по рюмкѣ о здравіи и благоденствіи Государя Императора, а народъ громко и многократно кричалъ ура!!! Послѣ сего всѣ разошлись по домамъ для обѣда. Около 7 часовъ вечера значительная группа народа опять собралась, и явившись на домъ старшины призвала музыкантовъ и отправилась вмѣстѣ для привѣтствія,—другъ друга съ радостнымъ днемъ *своего освобожденія*, на всю ночь, переходя съ хаты въ хаты, отъ хозяина къ хозяину, поя народныя пѣсни

«*Дунай рѣчка*» и проч. и множицею взывалъ къ Государю: «*Слава Богу и Царю.*» Вотъ и все, что достовѣрно видѣлъ и слышалъ о празднованіи въ м. Скригаловѣ 19 февраля.

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь пребыть къ вамъ— вашъ покорный слуга скригаловскій священникъ

Василій Завитневичъ.

27 февраля 1864 г.

Нѣсколько словъ объ изданіяхъ книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

Нѣкоторые изъ соотечественниковъ нашихъ пытались излагать предметы, занимающіе высшее мѣсто въ словесности, на народномъ мѣстномъ малороссійскомъ нарѣчіи (dialecte), и этимъ опытомъ доказали невозможность успѣха въ своемъ предпріятіи. Прибавивъ множество иностранныхъ словъ, а также русскихъ и славянскихъ, но только искаженныхъ въ выговорѣ, сообразно мѣстному нарѣчію, но не сдѣлавъ ихъ чрезъ то словами этого нарѣчія,—они выказали недостаточность принятаго ими мѣстнаго діалекта, въ терминахъ, необходимыхъ для яснаго и приличнаго изложенія возвышенныхъ и отвлеченныхъ мыслей.

Оказалось, что написать простой разсказъ о какомъ нибудь происшествіи, или выраженіе чувствъ, обыкновенныхъ каждому простому человѣку, на малороссійскомъ народномъ нарѣчіи—есть дѣло возможное; но говорить о предметахъ философическихъ, богословскихъ и вообще отвлеченныхъ, выходящихъ изъ среды обыкновенныхъ понятій простаго народа, будетъ значить пародировать предметъ и даже заставить слушателей смѣяться единственно надъ образомъ выраженія;—тогда, можетъ ли быть доступна цѣль сочинителя?

Странно, что до сихъ поръ не хотятъ понять самой простой причины такой невозможности замѣнять языкъ—нарѣчіемъ народнымъ, тамъ, гдѣ на обію говорить уму человѣка, возвысивъ его до степени достоинства излагаемаго предмета.

Причина весьма ясная и простая; надобно только разсмотрѣть различіе между языкомъ и нарѣчіемъ народнымъ, отъ него происхо-

дящимъ: языкъ,—это цѣлое, образовавшееся вѣками и умственными трудами людей; нарѣчіе-жъ,—это часть языка, принадлежащая какой либо части племени или края. Поэтому ужъ какъ часть не можетъ быть равносильна цѣлому, такъ и отдѣльная часть языка, или нарѣчіе мѣстное, не можетъ имѣть той полноты и обильности выраженій, какъ языкъ.

Простой народъ какого либо мѣста, говорящій своимъ нарѣчіемъ, имѣетъ предметомъ для разговора тò, чтò находится въ его понятіяхъ и познаніяхъ, которыя ограничиваются ежедневными его занятіями, потребностями и образомъ жизни. Поэтому сфера понятій въ простомъ народѣ весьма ограничена, и не переходитъ за черту матеріальныхъ, жизненныхъ его потребностей и общественныхъ отношеній. Эти границы опредѣляютъ и количество терминовъ или словъ, составляющихъ его нарѣчіе. Простой народъ не разсуждаетъ самъ собою о предметахъ философіи и богословія или политики, и потому на его нарѣчіи нѣтъ словъ для выраженія идей, недоступныхъ его воображенію и не существовавшихъ въ его мысляхъ. Если же недостатокъ этихъ словъ или выраженій замѣнить словами, находящимися въ его нарѣчіи, выражающими низкія, матеріальныя понятія, тогда, неизбѣжно, высокое будетъ пародировано каррикатурнымъ изображеніемъ, такъ какъ въ Энеидѣ Котляревскаго, гдѣ собраніе боговъ кажется сходкою мужиковъ, пирующихъ на сватьбѣ или на деревенскомъ праздникѣ.

Языкъ образуется вѣками и не въ простомъ народѣ,—но въ обществѣ людей, посвятившихъ себя изученію предметовъ, занимающихъ высшую область понятій человѣческихъ; развитіе и полнота языка достигается распространеніемъ умственной сферы высшаго класса народа; утверждается усвоеніемъ выраженій, приличныхъ каждому предмету, и долговременнымъ навыкомъ утонченнаго, образованнаго слуха—принимать такое-то выраженіе собственно для изображенія такой-то идеи.

Поэтому-то стараться выразить отвлеченную идею, не существовавшую никогда въ ограниченной умственной сферѣ простаго народа и для которой поэтому онъ не имѣетъ приличныхъ терминовъ на простонародномъ нарѣчіи,—было бы все равно какъ бы желать выразить піесу, требующую всей силы полнаго оркестра, на инструментѣ, неимѣющемъ болѣе двухъ или трехъ струнъ.

Въ особенности, полнота языка и ясность выраженій, приличныхъ величію и высокости предмета, необходима и чрезвычайно важна въ предметахъ религіозныхъ: единство вѣры требуетъ единства понятій, а слѣдовательно и единства выраженій; потому что неравносильныя выраженія или термины порождаютъ и различныя понятія. И такъ нравственныя наставленія простому народу могутъ еще быть излагаемы на употребительномъ у него нарѣчіи,—но и то съ выборомъ лучшихъ словъ, избѣгая совершенно пошлыхъ, употребляемыхъ и самымъ народомъ только, такъ сказать, въ небрежномъ или шуточномъ разговорѣ; такъ, напримѣръ, каждый крестьянинъ въ Малороссіи говоритъ запросто батько; но, желая выразить больше почтительности, говоритъ отецъ и даже панъ-отецъ (употребляемое и для духовныхъ лицъ). Въ особенности же въ малороссійскомъ нарѣчіи есть множество смѣшныхъ, грубыхъ словъ, введенныхъ въ него запорожскимъ цинизмомъ, которыхъ ужъ никакъ невозможно допустить и въ простыхъ нравственныхъ наставленіяхъ или бесѣдахъ. Но какъ въ преподаваніи народу понятій христіанскихъ невозможно ограничиваться просто-нравственными наставленіями, не вводя ихъ въ познаніе догматовъ вѣры, идей богословскихъ; то — я полагаю удобнѣе и правильнѣе было бы, чтобы благочестивые пастыри пріучали бы словесную свою паству, съ юныхъ лѣтъ навыкать понятію словъ славянскаго (церковнаго) языка, столь близкаго и роднаго нашему народу, который и теперь понимаетъ большую ихъ часть; это было бы полезно и для того, чтобы современемъ каждый крестьянинъ понималъ бы все богослуженіе нашей церкви [1]).

Неужели надобно переводить Евангеліе и Посланія Апостольскія на разные русскіе и бѣлорусское (такъ называемое литовское) нарѣчія? Это былъ бы не переводъ, а искаженіе. Одинъ коренной языкъ для всѣхъ сѣверныхъ и южныхъ россіянъ это славянскій церковный, столь близкій къ пониманію для русскаго народа, что при малѣйшемъ вниманіи и объясненіи терминовъ, не входящихъ въ сферу понятій простаго народа, всѣ простолюдины будутъ понимать его.

---

[1]) Нашъ родной языкъ южно-славяно-русскій,—тотъ же церковный славянскій, отъ котораго произошло ближайшее къ нему малороссійское народное нарѣчіе, а потому надобно не удалять народную рѣчь отъ корня ея, но возвышать понятіе народа до пониманія церковно-славянскаго языка.

При этомъ еще одинъ вопросъ: когда грамотность народа будетъ заключаться въ знаніи одного малороссійскаго нарѣчія, то къ чему она послужитъ ему? Богослуженія онъ понимать не будетъ, потому что оно на славянскомъ языкѣ; русское законодательство и все лучшее въ нашей отечественной литературѣ на общемъ славяно-русскомъ языкѣ: что-жъ остается ему читать, неужели повѣсти и сказки? Для этого не стоитъ учиться грамотѣ. **Г. Р.**

Циркуляръ Кіевскаго военнаго губернатора, *управляющаго и гражданскою частью, къ уѣзднымъ исправникамъ, кіевскому и бердичевскому полиціймейстерамъ, 6-го марта 1864 года* № 35. Г. Кіевскій, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ, замѣчая продолжающееся ношеніе политическаго траура и приписывая существованіе этого рода демнострацій бездѣйствію полиціи, 31-го января сего года вновь предписалъ предавать виновныхъ полицейскому суду, подвергая ихъ, до рѣшенія дѣла, не смотря на полъ и званіе, аресту; а присуждаемые полицейскимъ судомъ штрафы взыскивать тѣмъ порядкомъ, какимъ взыскивался 10% сборъ.

Сдѣлавъ, по вступленіи въ управленіе губерніею, распоряженіе о снятіи траура въ Кіевѣ, я предписываю нынѣ всѣмъ гг. уѣзднымъ исправникамъ и бердичевскому полиціймейстеру, и подтверждаю вновь г. кіевскому старшему полиціймейстеру немедленно обратить строгое вниманіе на ношеніе какъ *политическаго траура*, со всѣми его видоизмѣненіями, такъ и всякаго рода *знаковъ* и *одежды*, употребляемыхъ въ видѣ заявленія желаній и стремленій, направленныхъ противъ существующаго правительственнаго порядка, а именно: а) *польскихъ контушей, чемарокъ, конфедератокъ, и другихъ отличительныхъ костюмовъ революціонной партіи;* б) *одежды польскихъ повстанцевъ, состоящей изъ свиты крестьянскаго сукна до колѣнъ, подпоясанной широкимъ кожаннымъ ремнемъ, сапоговъ съ длинными голенищами и смушковой черной шапки съ бѣлымъ верхомъ*, и в) *одноглавыхъ польскихъ орловъ, поясовъ съ якорями, брошекъ съ терновыми вѣтками и т. п.*

При этомъ вы имѣете соблюдать слѣдующее:

1) Всѣхъ лицъ, замѣченныхъ въ ношеніи *политическаго*

траура и другаго рода запрещенныхъ *знаковъ* или *одежды*, подвергать аресту при полиціи.

Для арестованныхъ приготовить заблаговременно особое помѣщеніе; при чемъ, въ случаѣ недостатка мѣста, ограничиться отдѣленіемъ мужчинъ отъ женщинъ.

2) Аресты производить съ соблюденіемъ приличія и вѣжливости; но задерживая виновныхъ, отнюдь не преслѣдовать тѣхъ лицъ, которыя носятъ трауръ не политическій, но семейный, по скончившимся близкимъ родственникамъ (если обстоятельство это извѣстно вамъ), допуская въ подобныхъ случаяхъ всѣ сроки и подраздѣленія, установленные мѣстными обычаями.

Въ видахъ устраненія недоразумѣній, выдавать такимъ лицамъ, по ихъ требованіямъ, удостовѣренія о законности траура, обозначая въ свидѣтельствахъ время смерти родственниковъ.

3) Арестуя виновныхъ, въ тоже время составлять объ основаніяхъ задержанія ихъ *акты*, подписанные обвиняемыми и не менѣе какъ двумя свидѣтелями; акты эти отсылать въ кіевскій полицейскій судъ, оставляя обвиняемыхъ подъ арестомъ до рѣшенія дѣла.

На основаніи составленныхъ актовъ, кіевскій полицейскій судъ, согласно распоряженію г. генералъ-губернатора, будетъ рѣшать дѣла безъ предварительнаго вызова въ свое присутствіе обвиняемыхъ и свидѣтелей [1]); но если обвиняемый, при арестованіи его, будетъ почему либо считать неправильнымъ составленный о немъ актъ, то онъ можетъ заявить объ этомъ на самомъ актѣ, при его подписаніи; за тѣмъ полиція, въ случаѣ требованія обвиняемаго, обязана доставить его арестованнымъ въ кіевскій полицейскій судъ, для представленія словеснаго объясненія.

4) Наблюдая лично за точнымъ исполненіемъ настоящаго распоряженія, вы должны возложить арестованіе виновныхъ только на нѣкоторыхъ, особо избранныхъ чиновниковъ, въ благонадежности которыхъ вполнѣ увѣрены, и

5) Означенныя мѣры приводитъ въ исполненіе спокойно,

---

[1]) Распоряженіе это не относится до лицъ, арестованныхъ въ самомъ Кіевѣ, которыя должны быть призываемы въ судъ для представленія словесныхъ объясненій.

прилично, благоразумно, безъ предосудительныхъ придирокъ, но и безъ послабленія.

Исполняя все вышеизложенное, прошу васъ имѣть постоянно въ виду и разъяснить вашимъ подчиненнымъ, что по смыслу свода законовъ граждаıскихъ т. XV, кн. 1, ст. 141, пункты 2 и 4, лица, выше другихъ стоящія по *состоянію, званію* и *степени образованности*, противудѣйствуя распоряженімъ правительства, вдвойнѣ виновны, потому что увлекаютъ за собою и остальное населеніе. На этомъ основаніи справедливость и достоинство власти требуютъ, чтобы настоящее распоряженіе было прежде всего примѣнено къ подобнымъ лицамъ, какъ къ главнымъ виновникамъ и зачинщикамъ противуправительственныхъ заявленій, а за тѣмъ уже ко всѣмъ прочимъ участникамъ, если послѣдніе будутъ упорствовать въ помянутыхъ демонстраціяхъ.

Оставаясь въ полной увѣренности, что при добросовѣстномъ исполненіи полицейскими чиновниками указанныхъ мѣръ, ношеніе политическаго траура, запрещенныхъ знаковъ и одежды прекратится, я буду ожидать объ этомъ отъ васъ донесеній въ скорѣйшемъ по возможности времени.

Подписалъ: Кіевскій военный губернаторъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Казнаковъ*. (Кіев. Тел.)

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Въ статьѣ «Кое-что о хохломанскомъ журналѣ, Мета,» помѣщенной въ III отдѣлѣ 4 книжки Вѣстника на стр. 9 между прочимъ сказано: Этимъ дѣламъ (хохломаніи), посвящаютъ свою егозливость . . . . и учителя народныхъ школъ, подготовленные къ своей профессіи въ школѣ педагогической вліяніемъ разныхъ С. Б. Ч. А. С. Г. и подобныхъ имъ.

На основаніи полученныхъ нами нынѣ свѣдѣній, отъ училищнаго начальства, мы считаемъ обязанностію своею заявить, что теперь въ педагогической школѣ, учрежденной въ Кіевѣ, съ цѣлію приготовленія учителей для народныхъ школъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, занимаются преподаваніемъ лучшіе учителя кіевскихъ гимназій. Всѣ предметы преподаются въ этой школѣ на русскомъ языкѣ и по русскимъ

учебникамъ, а мѣстный малороссійскій говоръ, вовсе въ ней не употребляется. Хохломаны, которыхъ мы подразумѣвали подъ лит. С. Б Г. А. С. Г., по увѣренію того же начальства, не были преподавателями въ педагогической школѣ. [1]).

Во всѣхъ открытыхъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ народныхъ школахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія употребляются лишь одобренныя училищнымъ начальствомъ учебники, и народнымъ учителямъ воспрещено употреблять и раздавать дѣтямъ книги безъ особеннаго разрѣшенія начальства. Школы эти подвергаются частымъ ревизіямъ и при обозрѣніи ихъ г. попечителемъ учебнаго округа, окружнымъ инспекторомъ и инспекторомъ 1-й кіевской гимназіи, ни въ одной не замѣчено отступленія отъ установленнаго порядка; вездѣ дѣти обучаются грамотѣ на общемъ русскомъ языкѣ, а не на мѣстномъ нарѣчіи.

Заявляя о вышеизложенномъ нашимъ читателямъ, мы не лишнимъ считаемъ прибавить, что цѣль нашей статьи «Кое-что о хохломанскомъ журналѣ «Мета» состояла лишь въ томъ, чтобы обратить вниманіе на хохломанскую пропаганду для противодѣйствія ей со стороны русскихъ людей, и мы имѣли возможность убѣдиться, что при томъ бдительномъ надзорѣ, который имѣется теперь за народными школами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, сотрудники журнала «Меты» не найдутъ въ сихъ школахъ никакого сочувствія.

---

[1]) Впрочемъ подъ этими литерами мы не разумѣли только однихъ преподавателей въ школѣ, но и разныя личности изъ хохломановъ, имѣвшихъ, какъ носились слухи, косвенное вліяніе и на преподавателей и на воспитанниковъ и вообще на кіевское юношество—изъ малороссовъ, при томъ же эти литеры псевдонимныя.

14½ листов

Содержаніе 7-й книжки „Вѣстника.“

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи на 1863/64 годъ выходитъ съ іюля 1863 года по іюль 1864 года, **ежемѣсячно,** книжками отъ 13 до 15 листовъ обыкновенной печати. (По настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16 до 20 листовъ, и болѣе, сжатой печати).

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ г. **Литова,** на Крещатикѣ; въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **А. Ф. Базунова,** на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, и въ книжномъ магазинѣ **С. И. Литова**, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ **Москвѣ,** въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **И. В. Базунова,** и коммиссіонера «Вѣстника» купца **Г. В. Барскаго,** на Садовой, у гостинницы Полтава, въ домѣ Быхова, въ **Варшавѣ**, у книгопродавца **П. В. Дутова**.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ Кіевѣ.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшій 1862/63 годъ дѣлается уступка: для жителей Кіева 6 р. а для иногородныхъ по 7 р. 50 к. съ пересылкою.